

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(НОВОЧЕРКАССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 2008 г.

Периодичность серии 6 номеров в год

№6 2017 г.

Серия Социально-экономические науки

Содержание	Contents
Экономика и управление народным хозяйством	Economics and National Economy Managing
<i>Хальфин Р. М.</i> Модели организации закупок как фактор конкурентоспособности компаний.....4	<i>Khalfin R. M.</i> Models of Procurement as a Factor of Competitiveness of Companies.....4
<i>Дегтярев Д. М.</i> Особенности управления технологическим развитием природо-экологических производственных систем.....10	<i>Degtyarev D. M.</i> Features of Management of Technological Development of Environmental-ecological Production Systems.....10
<i>Зеленый А. Н.</i> Государственно-частное партнерство в формировании тарифов на энергетические ресурсы.....14	<i>Zelenyi A. N.</i> Public-private Partnership in the Formation of Tariffs for Energy Resources.....14
<i>Тaleb М. А.</i> Управление процессами модернизации энергетических систем в Ливане на основе оценки их условной энтропии.....17	<i>Taleb M. A.</i> Management Processes of Modernization of Energy Systems in Lebanon on the Basis of the Evaluation of their Conditional Entropy.....17
<i>Карпова Н. В.</i> Экологизация пространственного развития урбанизированных территорий....21	<i>Karpova N. V.</i> Ecologization of Spatial Development of Urban Areas.....21
<i>Дашевская И. Е.</i> Управление инновациями на основе развития информационных ресурсов в производственных системах.....27	<i>Dashevskaya I. E.</i> Innovation Management Based on the Development of Information Resources in Production Systems.....27

Бакай Е. О. Экономико-статистический анализ потерь при передаче электроэнергии по высоковольтным проводам в России.....31	Bakai E. O. Economic-statistical Analysis of Losses in Electricity Transmission on High-voltage Wires in Russia.....31
Усман С. С. Методы оценки кредитоспособности предприятий, используемые российскими банками (на примере ООО НПФ «ПермХимПродукт»).....40	Osman T. S. Methods of Evaluating the Credits of Enterprises Used by Russian Banks (for example LLC SPF «PermKhimProdukt»).....40
Социальная структура, социальные институты и процессы	Social Structure, Social Institutions and Processes
Денисова А. В. Языковая политика Правительства РФ и языковые предпочтения молодежи Юга России.....48	Denisova A. V. Russian Federal Language Policy and Linguistic Preferences of the Youth in the South of Russia.....48
Николаева Л. С., Устинова Т. Е., Яцкая Е. Н. О некоторых тенденциях изменения семьи в XX веке и понятии «семья» в социально-гуманитарных науках.....55	Nikolaeva L. S., Ustinova T. E., Yatskaya E. N. Some of the Trends of the Family in the Twentieth Century and the Concept of «Family» in Socio-humanitarian Sciences.....55
Панфилова Ю. С. Школа как канал конструирования общероссийской идентичности: соотношение национально-государственного и гражданско-правового компонентов.....61	Panfilova J. S. The School as a Channel for the Construction of Russian Identity: the Ratio of National-state and Civil Components.....61
Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Дискурсивность городской культуры в координатах идентичности и оценочности.....68	Kuznetsova A. V., Petrulevich I. A. Discourse of Urban Culture in the Coordinates of Identity and Evaluation.....68
Денисова Г. С., Сериков А. В. Формирование российской гражданственности современной молодежи: о возможности синтеза российской идентичности, патриотизма и гражданской автономии.....73	Denisova G. S., Serikov A. V. The Formation of the Russian Civic Consciousness of Contemporary Youth: on the Possibility of Synthesis of Russian Identity, Patriotism and Civic Autonomy.....73
Сериков А. В., Бедрик А. В., Стукалова Д. Н. Современные антропоток в поликультурном регионе: управление конфликтным потенциалом.....83	Serikov A. V., Bedrik A. V., Stukalova D. N. Modern Anthropoflows in Polycultural Region: Control of Conflict Potential.....83

Проблемы развития высшей школы	Actual Problems of the Higher Education Institutions' Development
<p><i>Боровая Л. В.</i> Институциональный подход к управлению развитием международной деятельности университетов.....90</p> <p><i>Ермачков И. А., Панфилова Ю. С., Романов М. С., Украинцева И. И., Ховякова А. Л.</i> Образовательные стратегии абитуриентов и студентов системы среднего профессионального образования.....95</p>	<p><i>Borovaya L. V.</i> Institutional Approach to Managing the Development of Universities' International Activities.....90</p> <p><i>Ermachkov I. A., Panfilova J. S., Romanov M. S., Ukraintseva I. I., Khovyakova A. L.</i> Educational Strategies of University Entrants and Students of the System of Secondary Professional Education.....95</p>

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 338.45

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАКУПОК КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КОМПАНИЙ

© 2017 г. Р. М. Хальфин

ПАО «Т Плюс», г. Москва

Проанализированы особенности проведения закупок в производственных компаниях и их взаимосвязь с их организационной культурой. Доказано, что при применении системы исключения конфликтов интересов и оппортунистического поведения в бизнес-процессах закупок с использованием соответствующих методик у заказчика появляется мощный инструмент управления затратами, а при разработке таких методик должны учитываться отраслевые особенности предприятия-заказчика и особенности его организационной культуры.

Ключевые слова: закупки; материально-техническое обеспечение; конкурентоспособность; организационная культура; оппортунистическое поведение.

Peculiarities of procurement in manufacturing companies and their relationship with their organizational culture are analyzed. It is proved that the application of the exception system, conflicts of interests and opportunistic behavior in the business procurement processes using appropriate techniques, the customers have a powerful tool to control costs, and the development of such techniques should take into account sectoral peculiarities of the enterprise of the purchaser and the peculiarities of its organizational culture.

Key words: procurement; logistics; competitiveness; organizational culture; opportunistic behavior.

В современном российском бизнесе существует мнение, что в крупных компаниях выстроены эффективные модели закупок [1], многие из этих компаний занимают первые места в рейтингах самых эффективных систем закупок [2].

На наш взгляд, это не вполне отражает реальное положение дел. В большинстве случаев в крупных организациях не осознают значимость роли закупок в хозяйственной деятельности организации и их влияние на уровень производственных издержек.

Исследуя современное состояние материально-технического обеспечения в российском народном хозяйстве, мы рассмотрели корни этой ситуации, которые обусловлены как технико-экономическими, так и социально-политическими причинами.

Доля затрат на закупки материально-технических ресурсов в общей сумме затрат в различных отраслях российской промышленности по данным РСПП в 2017 году составила от 30 до 65 процентов, что представлено на рис. 1 [3].

Примечательно, что за последние десятилетия в российской экономической науке было выполнено множество исследований, посвященных проблемам государственных закупок, однако использовать их результаты для управления закупками в промышленности и других производственных отраслях затруднительно в силу принципиальных раз-

личий этих видов закупок, представленных в табл. 1.

Причинами многих из указанных проблем является слабость реального контроля над системой управления поставками ресурсов и прозрачности движения финансовых и материальных потоков, что в свою очередь обусловило проявления конфликта интересов

Рис. 1. Доля затрат на закупки в выручке предприятий отдельных отраслей (составлено на основе данных)

Таблица 1

Сравнительные характеристики закупок в государственном и коммерческом секторе

Наименование параметра	Государство	Коммерческая организация
Источник средств	Бюджет (федеральный, региональный, местный)	Собственные средства
Цели закупки	— получение необходимой продукции, работ и услуг с приемлемым качеством по минимальной цене — целевое расходование средств — минимизация коррупции, стимулирование отечественных поставщиков	Получение необходимой продукции, работ и услуг с приемлемым качеством по минимальной цене
Уровень формализованности процедур	Высокий	Низкий
Срок проведения конкурса	От 45 дней	От 30 дней
Оповещение	Бюллетень «Конкурсные торги»	По выбору организаторов
Контроль	Руководство, проверяющие органы	Внутренний контроль

и оппортунистического поведения [4] работников, занятых в системе материально-технического обеспечения.

Представляется очевидным, что вопросы конфликта интересов и оппортунистического поведения в сфере закупок на предприятиях и в бизнес-группах непосредственно связаны с особенностями организационной культуры хозяйствующего субъекта. На рис. 2 представлены функции организационной культуры в управлении материально-техническим обеспечением производства. Проанализировав эти функции на примере ряда предприятий и бизнес-групп, мы установили, что вероятность конфликта интересов и оппортунистического поведения снижается по мере развития организации от «культуры власти» к «культуре роли» и далее к «культуре задачи» (по классификации Ч. Хэнди [5]), а одними из средств приближения организации к «культуре задачи» являются принятие решений в корпоративных закупках на основе процедуры предварительного контроля и перекрестная проверка корпоративной сметной документации, осуществляемые по специальным процедурам.

В большинстве компаний используются две структуры блока закупок (рис. 3 и 4).

В первом варианте (рис. 3) блок закупок находится в подчинении внутреннего заказчика — операционного или технического

директора. Это приводило к возникновению конфликтов интересов двух видов:

а) конфликт интересов типа «внутренний заказчик — закупщик». Иными словами, складывается ситуация «тот, кто формирует потребность, тот и проводит закупки»;

б) конфликт интересов, связанный с тем, что закупщик устанавливает внутренние правила по закупкам и он же проводит закупки (как правило, внутри самого блока закупок есть подразделение, отвечающее и за методологию, и за проведение закупок).

При втором варианте (рис. 4) блок закупок не подчиняется внутреннему заказчику, то есть конфликта интересов между внутренним заказчиком и блоком закупок нет. Однако внутри блока закупок есть подразделение, отвечающее за методологию закупок. Таким образом, во втором варианте исключаются конфликты интересов как между заказчиком и закупщиком, так и внутри блока закупок (подразделение проведения и методологии разведены на два отдельных), но при этом остается конфликт интересов на уровне руководителя блока закупок, которому подчинены отделы методологии и проведения и закупок.

По результатам рассмотрения вариантов бизнес-процессов закупки во многих крупных компаниях [6] можно сделать вывод об отсутствии у большинства компаний контроля в закупках как такового. Учитывая, что

Рис. 2. Функции организационной культуры в управлении материально-техническим обеспечением (МТО) производства

бизнес-процесс закупки связан со значительными рисками, отсутствие этого контроля приводит к следующим проблемам:

- а) «непрозрачной» системе бизнес-процесса закупки (как системы, так и извне);
- б) недобросовестным или ошибочным действиям персонала;
- в) неэффективному расходованию средств компании.

Для минимизации рисков в бизнес-процессе закупки целесообразно создание специального подразделения внутреннего контроля с закреплением за ним функции методолога и внутреннего контролера в области закупок. Схема работы такого «внутреннего контролера» представлена на рис. 5.

Основной задачей этого подразделения является минимизация потерь акционеров в бизнес-процессе закупки посредством контроля и предупреждения нарушений, а так-

же посредством разработки системы правил и их корректировки (в случае, если их условия не дадут требуемого результата).

На внутреннего контролера возлагаются следующие функции:

- разработка правил в области закупок в соответствии с действующим законодательством;

- текущий контроль (на стадии планирования закупки, инициации закупки, подведения итогов).

В этой ситуации принимающим решение может быть один человек, который в соответствии со своими полномочиями принимает решение по конкретной закупке (часто бывает в западных компаниях), или коллегиальный закупочный орган (такой способ принятия решения принят в ряде крупных российских компаний), который перед принятием решения анализирует результаты экс-

Вариант 1

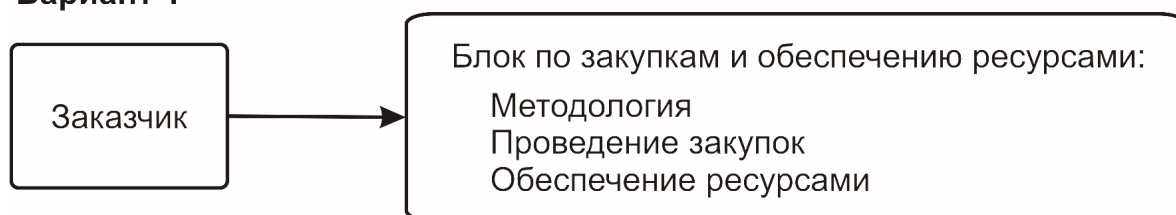
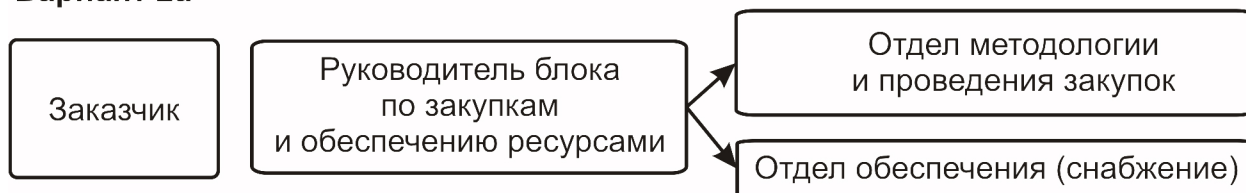

Рис 3. Первый вариант организации закупок (блок закупок находится в подчинении внутреннего заказчика)

Вариант 2а

Вариант 2б

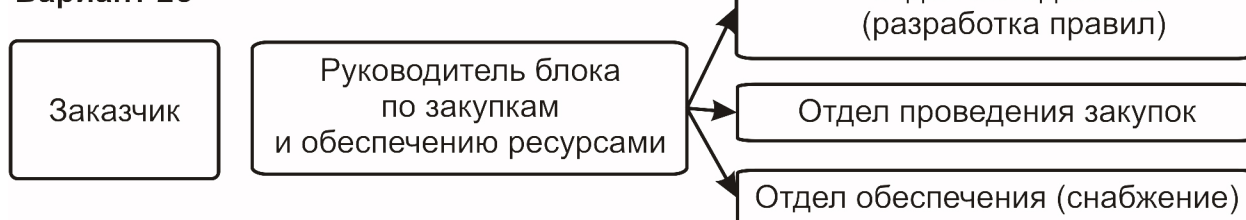

Рис. 4. Вариант организации закупок, при котором блок закупок находится в подчинении внутреннего заказчика

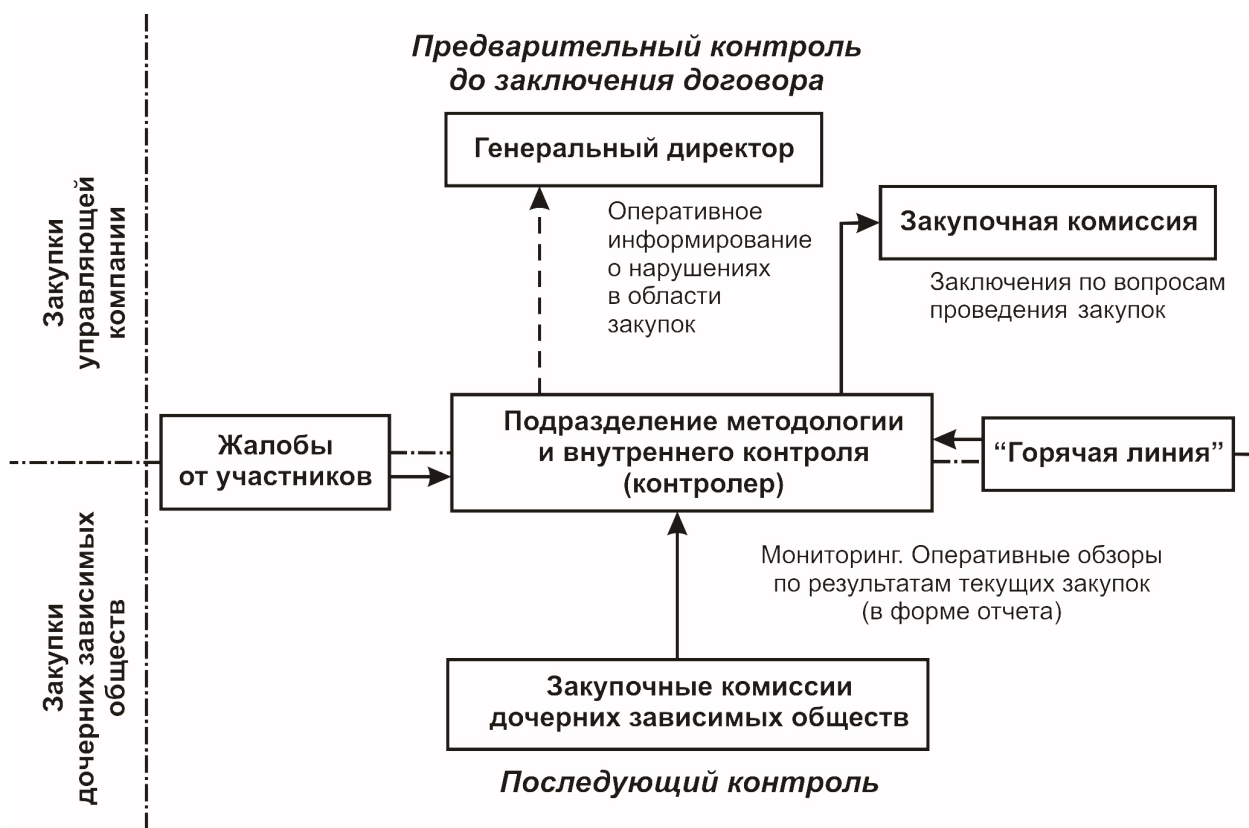

Рис. 5. Схема работы подразделения внутреннего контроля в системе закупок

пресс-анализа информации о конкретной закупке от не занятого операционной деятельностью методолога-контролера, находящегося вне конфликта интересов.

В этом случае из бизнес-процесса закупки исключаются основные конфликты интересов, и у всех участников цепочки бизнес-процесса закупки от внутреннего заказчика, формирующего потребность, закупщика, проводящего закупку, до лица, принимающего решение по закупке, возникает четкое понимание, что до принятия решения на стадии текущего контроля по каждой конкретной закупке будет сформировано независимое экспертное заключение внутреннего контролера-методолога.

Деятельность внутреннего контролера-методолога в бизнес-процессе закупки позволяет выявить и предотвратить нарушения до принятия решения по закупкам. В результате такой деятельности в принятие решений о закупке могут быть внесены изменения следующего характера:

— доработка технического задания на закупку (устранение ограничения конкуренции);

— расширение круга потенциальных поставщиков (для адресного приглашения);

— создание условий для проведения подлинно конкурентных закупочных процедур;

— снижение сметной стоимости работ/услуг.

Можно утверждать, что при применении системы исключения конфликтов интересов в бизнес-процессах закупок с использованием соответствующих методик у заказчика появляется мощный инструмент управления затратами.

При разработке таких методик должны, прежде всего, учитываться отраслевые особенности предприятия-закупщика. В рассматриваемом случае эти отраслевые особенности должны отражать специфику конкуренции в отраслях и на соответствующих рынках.

Литература

1. Околелова Э.Ю. Управление поставками материальных ресурсов при реализации инвестиционных проектов [Электронный

ресурс] — Режим доступа: <http://economy-lib.com/upravlenie-postavkami-materialnyh-resursov-pri-realizatsii-investitsionnyh-proektov>.

2. Гусев А.Г. Инновационное развитие системы управления поставками ресурсов [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/innovatsionnoe-razvitie-sistemy-upravleniya-postavkami-resursov>.

3. Российский союз промышленников и предпринимателей [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://media.rspp.ru/document/1/f/c/fc84b1337dbdd2411f73f3ca3f1bd173.pdf>.

4. Хальфин Р.М. Конфликт интересов и контроль в бизнес-процессе закупки [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.b2b-center.ru/zakupki/news/mnenie-eksperta-konflikt-interesov-i-kontrol-v-biznes-processe-zakupki/>.

5. Эффективный менеджер: взгляды и иллюстрации / Под ред. Дж. Биллсберри / Пер. с англ. — Жуковский: МИМ «ЛИНК», 2001. — 368 с.

6. Хальфин Р.М. Бизнес-процесс закупки как инструмент управления издержками / В сб.: Рынок корпоративных закупок. — М.: The Moscow Times, 2017.

Поступила в редакцию

14 августа 2017 г.

Хальфин Руслан Маратович — руководитель департамента внутреннего контроля ПАО «Т Плюс», эксперт рабочей группы Экспертного совета при Правительстве РФ по вопросам совершенствования закупок.

Khalfin Ruslan Maratovich — supervisor of internal control Department of PJSC «T Plus», the expert of working group of the Expert Council under the RF Government on improving procurement.

143421, Московская область, Красногорский район, автодорога «Балтия»,
территория 26 км бизнес-центр «Рига-Ленд», стр. 3
highway «Baltia» 26 km territory of business center «Riga-land», bld. 3,
143421, Krasnogorsk district, Moscow reg., Russia
Тел.: +7 (495) 740-00-00; e-mail: fn25109@gmail.com

УДК 330 (075.8)

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ПРИРОДО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМ

© 2017 г. Д. М. Дегтярев

МУП «Водоканал», г. Ставрополь

Проанализированы особенности управления технологическим развитием природо-экологических производственных систем в условиях NBIC-конвергенции. Установлено, что в условиях производственных систем и бизнес-процессах в природо-экологических производственных системах могут быть выделены некоторые технологии, представляющие собой «точки роста» в направлении NBIC-конвергенции. Сформулированы направления необходимых исследований в этой области.

Ключевые слова: природо-экологические системы; производственные системы; NBIC-технологии; конвергенция; водохозяйственные системы.

The features of management of technological development of environmental-ecological production systems in the conditions of NBIC convergence are analyzed. It is established that in the conditions of production and business processes in nature-ecological production systems can be identified some technologies that represent «points of growth» in the direction of the NBIC-convergence. Directions of necessary research in this area are formulated.

Key words: natural ecological systems; production systems; NBIC-convergence technology; convergence; the water management system.

Известны различные подходы к пониманию производственной системы и соответствующие ее определения [1, 2, 3]. Большинство из них в большей или меньшей степени отвечают положениям системной парадигмы Я. Корнаи [4] (точнее — ее следствиям, сформулированным Г.Б. Клейнером [5]). Они представляют собой хорошую основу для формирования современной парадигмы производственной системы, но, на наш взгляд, нуждаются в ряде уточнений, обусловленных особенностями реиндустриализации и экономики знаний.

В известной работе [6] было предложено следующее определение производственной системы: «Производственная система (ПС) — многомерная и мультипространственная система, включающая информационно связанные разнокачественные элементы, обеспечивающие преобразование потоков ресурсов в фак-

торы производства для получения искусственных объектов, способных удовлетворять определенные потребности человека и общества. Производственная система взаимодействует с внешней средой в пределах обусловленных ею ограничений, а цели производственной системы достигаются путем достижения целей мероприятий по управлению ее функционированием и развитием».

Первое уточнение к этому определению, на наш взгляд, должно быть связано с местом ПС в современном социально-экономическом мире. Это можно сделать, опираясь на представление о развивающихся экономических системах, приведенное в работе Б.Л. Кучина и Е.В. Якушевой [7], которые различают социально-экономические и технико-экономические системы (рис. 1).

Природо-экологические системы в исследованиях последних лет представляются

как природо-промышленный комплекс — относительно самостоятельная система, включающая промышленные, природные, коммунально-бытовые, аграрные объекты, относительно устойчивые и самостоятельные, которые функционируют как единое целое на основе определенного типа обмена веществами, энергией и информацией. Природо-промышленный комплекс (ППК) включает в себя все основные звенья хозяйственной деятельности человека.

Границами ППК являются зоны влияния промышленных предприятий, входящих в состав комплекса. Промышленное звено ППК включает объекты основного производства, предприятия вспомогательного производства, объекты энергетики, строительные организации. Состояние и продуктивность экологических систем, находящихся в ППК, определяются следующими группами факторов: природными условиями, продуктивностью угодий, характером и интенсивностью воздействия промышленных и коммунально-бытовых предприятий, эффективностью мероприятий по повышению, сохранению и восстановлению окружающей природной среды [8]. По мнению авторов этого исследования, одна из важнейших задач промышленной эко-

логии — создавать закрытые ППК, в которых сосредоточены промышленные предприятия и предприятия по переработке отходов (отходы не должны поступать за пределы ППК).

Концепция развития природо-экологических ПС и ППК вполне соответствует современной идеологии технологического развития на основе создания NBIC-технологий. Это важно для мировой экономики в целом, для экономик мировых лидеров и для развивающихся экономик.

В начале нынешнего века М. Роко и У. Бейнбридж [9, 10] открыли взаимовлияние и ускоренное развитие информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки и ввели термин «NBIC-конвергенция».

Несомненно, что развитие NBIC-технологий может качественно изменить современные производительные силы и производственные системы. Известно мнение некоторых исследователей о том, что в современных условиях исключительно благодаря NBIC-технологиям может быть существенно снижена себестоимость различных изделий и процессов [11].

Однако в этом случае представляется более важным следующее. Развитие NBIC-

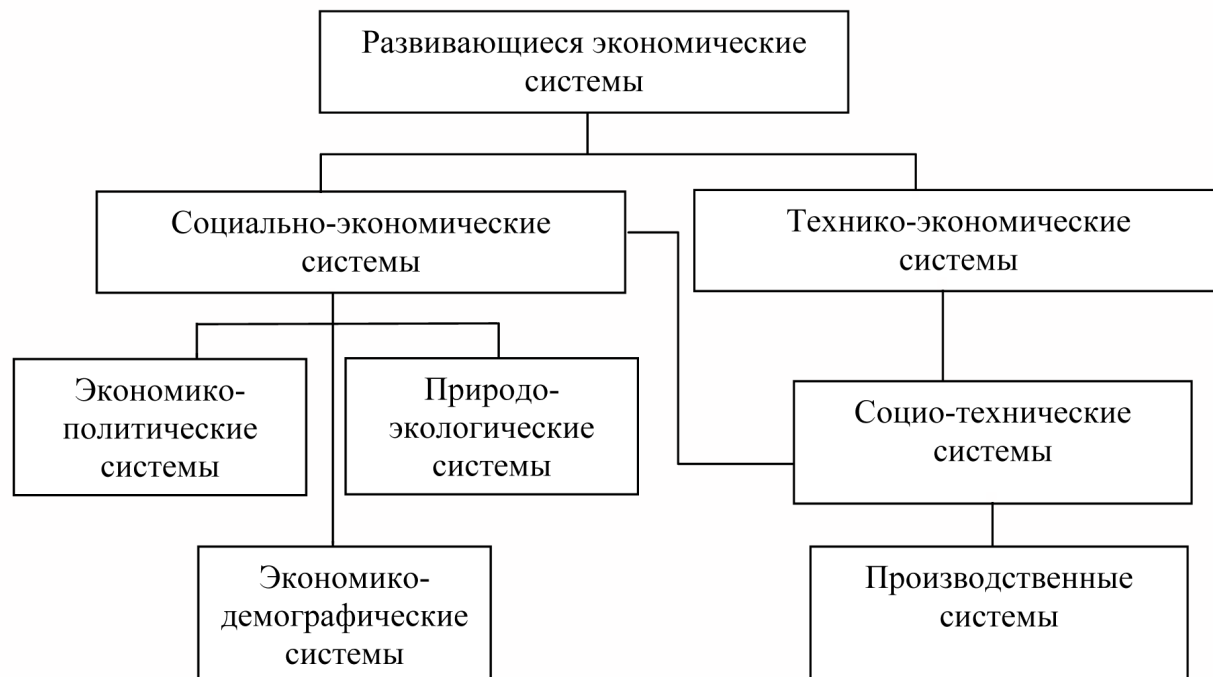

Рис. 1. Место природо-экологических производственных систем среди развивающихся экономических систем [7]

технологий должно превратить природу в непосредственную производительную силу и привести к прекращению производственных отношений, характерных для индустриальной эпохи. При этом информационные и коммуникационные технологии будут встроены в глобальную производственную систему, обеспечивая возможность работы нанопроизводств и искусственного интеллекта с наибольшей эффективностью.

Инновационные технологии шестого технологического уклада будут играть ключевую роль в выходе из нынешнего финансово-экономического кризиса и в последующем новом подъеме мировой экономики. По мнению некоторых исследователей NBIC-конвергенции, это следует из теории инновационно-циклического экономического развития [12, 13]. Инновационными технологиями 6-го технологического уклада, по мнению многих исследователей, станут именно NBIC-технологии [13]. Они станут устойчивыми источниками экономического роста и повышения конкурентоспособности национальных экономик.

Очевидно, что NBIC-конвергенция может рассматриваться как ориентир в планировании НИОКР и других разработок. При этом достижение полностью конвергентных технологий представляется достаточно проблематичным в обозримом будущем. Однако стремление к росту степени конвергентности технологий должно служить рабочей целью исследований и разработок.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет биологический фактор в NBIC-конвергенции, так как природные ресурсы являются основными в природо-экологических производственных системах.

Среди множества существующих на сегодняшний день технологий могут быть выделены технологии, основанные на преобразовании природных ресурсов, на базе которых могут быть созданы природо-промышленные комплексы (см. выше).

К таким технологиям в числе прочих могут быть отнесены технологии, связанные с преобразованием водных ресурсов (в интересах агропромышленного комплекса, коммунального хозяйства, гидроэнергетики и др.).

Примечательно, что в этой области имеется немало разработок, представляющих собой существенное продвижение в направлении

конвергенции технологий в части ее биологической составляющей. Достаточно назвать технологии водоподготовки для промышленных и коммунальных нужд, рыбозащиты в водозаборах и других гидросооружениях, биомелиорации и др. Очевидно, что многие из них представляют собой «точки роста» в создании NBIC-технологий. Однако для такого роста необходимо решить ряд методологических задач, связанных с управлением созданием и развитием таких технологий.

Наиболее общими из таких исследовательских задач представляются следующие:

— исследование современного технологического уровня природо-экологических производственных систем как следствия организации инновационной деятельности в них;

— исследование особенностей технологического развития природо-экологических производственных систем;

— анализ методов и инструментария управления технологическим развитием природо-экологических систем и определение задач их совершенствования;

— исследование технологического развития природо-экологических производственных систем как процесса смены технологических укладов;

— разработка методологических основ создания инновационных проектов на основе NBIC-конвергенции в природо-экологических производственных системах;

— разработка методов экономической оценки и определения стоимостных характеристик инновационных проектов в природо-экологических производственных системах.

На основе результатов вышеперечисленных исследований может быть разработан соответствующий управленческий инструментарий, в частности:

— методика оценки организационно-технологических особенностей водохозяйственных организаций в части разработки и осуществления инновационных проектов;

— разработка организационно-технических методов повышения надежности и долговечности основного капитала водохозяйственных организаций;

— разработка методов выбора и разработки инновационных проектов для водохозяйственных систем и других природо-экологических систем.

Вышеперечисленное в совокупности может составить инструментально-методический комплекс управления технологическим развитием природо-экологических систем в направлении NBIC-конвергенции.

Литература

1. *Солдак Ю.М.* Организационное обеспечение динамики производственных систем в рыночных условиях функционирования: Дис. на ... д-ра экон. наук — СПб: Ленингр. инж.-экон. ин-т, 1992. — 405 с.

2. *Дружинин И.В.* Обобщенная парадигма производственной системы // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Общественные науки. — 1999. — №4. — С. 67–72.

3. Стратегическое управление организационно-экономической устойчивостью фирмы / Под ред. А. А. Колобова, И. Н. Омельченко. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2001. — 628 с.

4. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. — 2002 — №4. — С. 18–26.

5. *Клейнер Г.* Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. — 2002. — №10. — С. 24–33.

6. *Колбачев Е.Б.* Экономический инструментарий управления информационными ресурсами в производственных системах машиностроительных предприятий // Проблемы машиностроения и автоматизации. — 2003. — №1. — С. 12–18.

7. *Кучин Б.Л., Якушева Е.В.* Управление развитием экономических систем. — М.: Экономика, 1990. — 202 с.

8. Понятие природно-промышленного комплекса (системы) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.ecolodesire.ru/deseacs-529-2.html>.

9. *Roco M. C.* Converging science and technology at the nanoscale: opportunities for education and training, Nature Biotechnology — NY.: IJPE, 2002.

10. *Roco M., Bainbridge W.* Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. — Arlington, 2004.

11. Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project Based on consultation with nongovernmental experts around World/NIC 2004-13/December 2004. — P. 34–37.

12. *Freitas R.* Economic Impact of the Personal Nanofactory. Nanotechnology Perceptions // A Review of Ultraprecision Engineering and Nanotechnology. — 2006. — №2. May. — P. 111–126.

13. *Jonoska N., Karl S.A., Saito M.* Three Dimensional DNA Structures in Computing. // Biosystems 1999, 52 (1). — P.143–153.

Поступила в редакцию

18 августа 2017 г.

Дегтярев Дмитрий Михайлович — заместитель директора МУП «Водоканал» г. Ставрополя.

Degtyarev Dmitry Mikhailovich — Deputy Director of Municipal unitary enterprise «Vodokanal» of Stavropol.

355029, г. Ставрополь, ул. Ленина, 456
456 Lenin st., 355029, Stavropol, Russia
Тел.: +7 (865) 256-29-62; e-mail: dima_stav@mail.ru

УДК 334.021.1

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ТАРИФОВ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ

© 2017 г. А. Н. Зеленый

ПАО «ТНС ЭНЕРГО», г. Ростов-на-Дону

Рассмотрено состояние ценообразования на тарифы энергокомпаний и связанные с ними социально-экономические проблемы современной России. Показано, что целесообразно формирование тарифов осуществлять в ходе государственно-частного партнерства с участием государственных органов управления экономикой и компаний-производителей экономических и иных ресурсов.

Ключевые слова: *тарифы; энергоресурсы; государственно-частное партнерство; риски; интересы.*

The state of the pricing on the tariffs of power companies and related socio-economic problems of modern Russia. It is shown that the appropriate tariff to be implemented during the public-private partnership with participation of state bodies of management of the economy and producers of economic and other resources.

Key words: *tariffs; energy; public-private partnerships; risks; interests.*

В современной России рост тарифов и платежей за услуги энергокомпаний и ЖКХ является постоянным источником социального и политического напряжения.

Противостояние этому явлению является предметом озабоченности многих политиков, экономистов, общественных деятелей.

Наиболее обстоятельной представляется практико-ориентированная разработка П. П. Мравлевича [1], предложившего концепцию «честного тарифа». Этот автор исходит из того, что тарифы энергопоставщиков из социально-экономической проблемы современной России должны быть превращены в преимущество российской экономики и основу ее развития. Для этого, по мнению автора, необходимо: эффективное и прозрачное ценообразование тарифов на энергоносители и услуги ЖКХ, открытость тарифного процесса; установление долгосрочных тарифов (как минимум, на три года); расчет по простой, понятной формуле для потребителей и инвесторов; создание и обеспечение общественного контроля на профессиональном уровне; исключение

«лазеек» для злоупотреблений; прекращение практики «слепого» субсидирования монополистов; обеспечение доступности тарифов для населения и бизнеса.

«Честный тариф» — это открытая информационная (интернет-площадка) сеть для борьбы с необоснованным завышением тарифов на энергоносители, расточительством и недобросовестностью компаний энергопоставщиков для предприятий и сферы ЖКХ.

Пути реализации проекта «Честный тариф» его разработчики видят в следующем:

- объединение активистов по всей России;
- мониторинг законодательства в области энергоресурсов и тарифов;
- выявление «непрозрачных» моментов в законодательстве, мошенничества с тарифами, схем обмана потребителей;
- контроль типовых договоров монополистов;
- привлечение экспертов-энергетиков;
- юридическая экспертиза нормативных актов в сфере энергоресурсов;

— контроль качества поставляемых энергоресурсов на соответствие стандартам и типовым договорам поставки;

— составление периодических отчетов (докладов) о состоянии дел в сфере потребления энергоресурсов по отраслям и др.

На наш взгляд, главный недостаток этого проекта заключается в том, что он не предусматривает конструктивного диалога между энергокомпаниями, интересы которых также должны быть учтены, и государством, которое должно выступать в этом случае представителем интересов общества в целом (и граждан, и бизнеса).

Наилучшим инструментом, способствующим преодолению этого недостатка, является государственно-частное партнерство, опыт которого есть как в современной России, так и в мире [2].

Государственно-частное партнерство (ГЧП) — совокупность форм средне- и долгосрочного взаимодействия государства и бизнеса для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях. Как правило, ГЧП предполагает, что не государство подключается к проектам бизнеса, а, наоборот, государство приглашает бизнес принять участие в реализации общественно значимых проектов.

Ряд исследований последних лет посвящен вопросам ГЧП при формировании тарифов и нормативов и в смежных сферах.

В работе О.Н. Калининой [3] предложено создание совместного исследовательского центра при участии бизнеса и государства, который может выступать инструментом создания эффективной системы ценообразования и сметного нормирования в инновационной сфере. Основной целью такого центра должно стать стимулирование взаимодействия между академическим и промышленным секторами в области современных исследований, одинаково выгодных для представителей государства, науки и промышленности, а также разработка консолидированных идей по основным вопросам отрасли, обмен опытом и технологиями повышения качества проектной документации, формирование информационной парадигмы формирования нормативов и тарифов.

В исследовании К.А. Антоновой [4] сформулировано уточненное определение

ГЧП, под которым предлагается понимать институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом, осуществляемый на договорной основе между государственными (муниципальными) органами управления и частными структурами. Кроме того, в этой работе определена суть взаимодействия сторон в рамках ГЧП — согласование интересов, приведена детальная классификация участников ГЧП, выявлены группы деловых интересов участников. Этот подход представляется весьма перспективным в контексте нашего исследования, так как именно баланс деловых интересов участников, достигаемый в процессе формирования и утверждения тарифов, является залогом стабильного функционирования социально-экономической системы.

А.С. Колосов в своем исследовании «Государственно-частное партнерство: содержание, организация, управление развитием» [5] уточняет содержание государственно-частного партнерства путем дополнения его в социально-экономическом аспекте функциональными императивами, в институциональном и организационно-экономическом аспектах — принципами организации. Последнее представляется весьма существенным, так как позволяет формализовать процедуру «проектирования» тарифа и взаимодействия стейкхолдеров при этом.

О.А. Шилкина [6] формулирует экономическую сущность государственно-частного партнерства: обеспечение приоритетов публичных интересов государства и общества, долгосрочный характер государственно-частного партнерства, долгосрочный проект повышенной социальной значимости, разграничение между партнерами ответственности по управлению рискам. Здесь представляется важным то, что, во-первых, рассматривается характер интересов общества (частями которого являются и государство, и бизнес), во-вторых, ведется речь о разграничении рисков между участниками процессов создания и использования тарифов.

Результаты вышеперечисленных и других исследований по проблемам государственно-частного партнерства и тарифообразования могут быть положены в основу совокупности управленческих методов и инструментов, обеспечивающих формирование

тарифов на услуги энергетических и других компаний, обеспечивающих баланс интересов производителей и потребителей ресурсов и способствующих гармонизации социальных отношений в стране.

Литература

1. Проект «Честный тариф» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://честный-тариф.рф/o-proekte.html>.

2. *Йескомб Э.Р.* Государственно-частное партнерство: основные принципы финансирования / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2015. — 457 с.

3. *Калинина О.Н.* Энтропия сметно-нормативной базы // Вестник Южно-Российско-

го государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2015. — №6. — С. 168–172.

4. *Антонова К.А.* Государственно-частное партнерство как фактор социально-экономического развития России / Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. — М., 2012.

5. *Колосов А.С.* Государственно-частное партнерство: содержание, организация, управление развитием / Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. — Курск, 2011.

6. *Шилкина О.А.* Совершенствование механизма государственно-частного партнерства в регионе / Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. — М., 2015.

Поступила в редакцию

6 мая 2017 г.

Зелёный Андрей Николаевич — начальник управления делами ПАО «ТНС ЭНЕРГО» г. Ростова-на-Дону.

Zelenyi Andrey Nickolaevich — head of the Department of Affairs of the Public Joint Stock Company «TNS ENERGO» of Rostov-on-Don.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Шаумяна, 51
51 Shahumyan st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (863) 307-73-03; e-mail: green1969@mail.ru

УДК 333.9(075.8)

**УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ЛИВАНЕ
НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ ИХ УСЛОВНОЙ ЭНТРОПИИ**

© 2017 г. М. А. Талёб

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

Показана важность повышения энергоэффективности и энергосбережения в социально-экономических системах Ливана. Описан подход к управлению модернизацией энергосистем на основе оценки их условной энтропии. Предложено создавать экономический инструментарий на этой основе.

Ключевые слова: Ливан; энергосбережение; модернизация энергетики; выбор проектов; оценка проектов; условная энтропия.

The article shows the importance of energy efficiency and energy savings in economic and social systems of Lebanon. The described approach to control modernization of power systems based on the evaluation of their conditional entropy. Proposed to create an economic Toolkit on this basis.

Key words: Lebanon; energy saving; energy sector modernization; selection of projects; assessment of projects; conditional entropy.

Власти Ливана намерены развивать альтернативную энергетику в стране, на которую затрачено порядка 420 млн. долларов за последние два года [1, 2, 3]. В период с 2010 года в Ливане были построены две ветряные электростанции. Их сооружением занималась компания Lebanon Wind Power, владеет и управляет электростанциями Zahle Electricity Company. Ветряные фермы построены в долине Бекаа и в Захле. Суммарная мощность электростанций — 50 МВт. Они стали первыми ветряными электростанциями в этой ближневосточной стране [4].

«Можно говорить о том, что страна выйдет на высокий уровень развития солнечной энергетики к 2019 году, — поделился планами глава Ливанского Центра Энергосбережения (LSEC) Пьер Эль Хури. — В перспективе мы рассчитываем построить объекты по производству электричества из ветра и воды». Таким образом, руководство страны стремится понизить зависимость от ископаемых видов

топлива, по крайней мере, на 5% в краткосрочной перспективе. К 2020 году планируется удвоить мощности «зеленой» энергетики и довести ее до 12% по отношению к общему объему потребляемой электроэнергии [5, 6].

Вместе с тем остается актуальной задача модернизации действующих производственных энергетических мощностей, которая должна осуществляться в условиях дефицита финансовых ресурсов и в кратчайшие сроки.

Как было показано в наших предыдущих работах [1], для решения этой задачи целесообразно применять оценку технических решений в системах энергоснабжения. Для этого необходимо в состав факторов, определяющих отнесение проекта к тому или иному технологическому укладу, ввести параметр, характеризующий удельный расход энергии. Разработка такого параметра ведется нами в настоящее время. Кроме того, представляется необходимым ввести в число таких факторов показатель социально-политичес-

кой значимости разработки, который может устанавливаться в результате коллективной экспертизы.

Однако это не позволяет осуществлять непосредственное управление процессами формирования и принятия организационно-технических решений, связанных с проектированием модернизации энергетических объектов и систем.

Нами был проведен анализ известных методов и инструментов для управления инновационными проектами и иными инженерными решениями и использования их в системах энергосбережения и других энергосистемах. Анализ показал, что для решения этой задачи весьма перспективна методология управления развитием технических систем на основе оценки и контроля их условной энтропии.

Степень приближения конструкции к оптимальному состоянию может быть охарактеризована уровнем ее энтропии, а снижение показателя энтропии свидетельствует о приближении проекта к нему (оптимальному состоянию). Это объясняется тем, что по мере формирования и анализа различных вариантов проекта, каждый из которых представляет собой шаг к достижению оптимальности, сокращается число потенциальных вариантов его конфигурации, из числа которых может быть выбран оптимум.

Уровень энтропии проекта может быть рассчитан на основе формулы Шеннона [7]:

$$H = c \left(p_1 \ln \frac{1}{p_1} + p_2 \ln \frac{1}{p_2} + \dots + p_n \ln \frac{1}{p_n} \right),$$

где H — энтропия конструкции; p_1, p_2, \dots, p_n — вероятности состояний отдельных элементов конструкции; c — некоторая постоянная.

В данном случае важно, что, рассматривая элементы проекта и их комбинации, мы имеем в виду только вещественные составляющие системы и их структуру, а не элементы нематериального свойства (базы данных, тезаурус отдельных работников, другие информационные ресурсы), характерные для «классической» формулы Шеннона.

В рассматриваемом случае, на наш взгляд, наиболее плодотворно рассмотрение показателя условной энтропии, предложенное А. Реньи [8]. Сущность этого подхода заключается в следующем.

Пусть B — вариант проекта, выбранный случайным образом, выбор которого осуществлен с положительной вероятностью, а ξ — случайная величина, принимающая значения x_1, x_2, \dots, x_N . Обозначим через A_k вариант проекта производный от B , для которого $\xi = x_k$ ($k = 1, 2, \dots, N$). Тогда по определению условной энтропии величины ξ при условии B называется энтропия случайной величины ξ , вычисленная по распределению условных вероятностей в предположении, что вариант проекта B создан, то есть величина

$$H_B(\xi) = \sum P(A_k | B) \log_2 \frac{1}{P(A_k | B)},$$

где $P(A_k | B)$ — условная вероятность варианта A_k при условии (исходном варианте) B , то есть

$$P(A_k | B) = \frac{P(A_k B)}{P(B)}.$$

Пусть η — другой вариант проекта, характеристики которого принимают значения y_1, y_2, \dots, y_M , а B — вариант $\eta = y_j$ ($j = 1, 2, \dots, M$). Тогда условной энтропией величины ξ при созданном варианте ξ называется величина $H_\eta(\xi)$, совпадающая по определению с математическим ожиданием величины $H_{B_j}(\xi)$, то есть величина

$$\begin{aligned} H_\eta(\xi) &= \sum P(B_j) H_{B_j}(\xi) = \\ &= \sum \sum P(A_k B_j) \log_2 \frac{P(B_j)}{P(A_k B_j)}. \end{aligned}$$

В рассматриваемом случае важно, насколько убывает энтропия случайной величины ξ (то есть неопределенность значения величины ξ) при наблюдении случайно выбранного варианта проекта η . Величину убыли энтропии, которую мы обозначим $I(\xi, \eta)$, можно понимать как количество информации о случайной величине ξ , полученной при наблюдении случайно выбранного варианта η . По определению

$$\begin{aligned} I(\xi, \eta) &= H(\xi) - H_\eta(\xi) = \\ &= \sum P(A_k) \log_2 \frac{1}{P(A_k)} - \\ &- \sum \sum P(A_k B_j) \log_2 \frac{P(B_j)}{P(A_k B_j)}. \end{aligned}$$

Воспользуемся тождеством

$$\sum_j P(A_k B_j) = P(A_k).$$

Оно выполняется, поскольку варианты $A_k B_1, A_k B_2, \dots, A_k B_M$ взаимно исключают один другой, и если создан вариант проекта A_k , то возможно и создание какого-то из вариантов $A_k B_j$.

На основании этого можно также утверждать, что любые проблемы, возникающие при разработке проектов модернизации энергосистем в Ливане, обусловлены недостатком информации об элементах возможных проектов. Соответственно, одним из путей преодоления таких проблем может быть использование данных о стоимостных характеристиках того или иного варианта проекта.

Этот подход представляется целесообразным и при решении вопроса о расконсервации временно неработающих энергетических объектов. Это актуально для Ливана, так как по причине убыточности электростанций и нехватки топлива в Ливане уже закрыты некоторые электростанции с целью уменьшения расхода топлива. Жесткие ограничения подачи электроэнергии, как ожидается, станут представлять собой серьезную проблему для потребителей, если топливные субсидии не будут предоставляться в требуемых объемах. Пока еще государственная электроэнергетическая компания Electricite du Liban не ввела в действие политику масштабного нормирования, однако три принадлежащие ей электростанции были временно закрыты в целях ограничения потребления нефти и газового котельного топлива [6].

Предложенный подход, основанный на использовании энтропийных параметров, может быть использован, в частности, при выполнении проектов модернизации, осуществляемых ливанскими компаниями в сотрудничестве с компаниями стран бывшего СССР. Так, в 2012 году Украина и Ливан достигли договоренности о посещении министром энергетики Ливана в ближайшее время Украины для ознакомления с опытом этой страны в области строительства небольших гидроэлектростанций, возможности развития ветровой энергетики, строительства солнечных электростанций. «Мы договорились, что министр энергетики в ближайшее время

посетит Украину, чтобы ознакомиться с опытом Украины в области строительства небольших гидроэлектростанций, возможности развития ветровой энергетики, строительства солнечных электростанций», — сказал глава украинского правительства тех лет Н. Азаров после встречи с премьер-министром Ливана Наджибом Микати.

Кроме того, в ходе этой встречи были детально обсуждены вопросы сотрудничества в сфере сельского хозяйства, транспорта, культуры, банковской сферы, в частности возможности открытия ливанских банков в Украине, а также правовой базы. По сообщению премьер-министра Ливана Наджиба Микати, главы правительств отметили важность работы межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и решили, что профильные министры обеих стран должны вести постоянный диалог. К сожалению, после государственного переворота на Украине в 2014 г., смещения Н. Азарова с поста руководителя украинского правительства и последующей его эмиграции в Россию это сотрудничество не продолжалось.

Более надежны совместные проекты ливанских и российских компаний. Россия и Ливан в 2013 году подписали соглашение о сотрудничестве в области энергетики. Об этом сообщил министр энергетики и водных ресурсов Ливана Джибран Бассиль в ходе пресс-конференции по итогам визита в Москву. «Визит состоялся по приглашению министра энергетики России. Его целью было подписание меморандума о взаимопонимании между Россией и Ливаном в этой области», — сказал министр [6].

В конце 2014 года Министр экономики Ливана Алан Хаким сообщил, что Бейрут предложил России инвестировать в нефтегазовую промышленность в северном районе страны. В декабре он ждет российскую делегацию для предметного обсуждения этого предложения. Об этом Алан Хаким рассказал в интервью «Россия сегодня». Он признал, что тяжелая политическая ситуация в Ливане и в соседней Сирии негативно влияет на экономику страны, но с учетом ситуации ливанский экономический рост относительно высок.

В конце 2015 года сообщалось, что «Роснефть», «Лукойл», «Газпром» и «Нова-

тек» ведут переговоры об участии в разработке ливанских месторождений полезных ископаемых. Россия и Ливан подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в энергетической сфере [6].

Наряду с вышеописанными мерами руководство ливанской электроэнергетики предпринимает шаги к модернизации электроэнергетических мощностей на основе новой российской техники и технологии. При осуществлении этих проектов использование энтропийной методологии представляется весьма перспективным.

Литература

1. *Тaleb М. А.* Модернизация энергетических систем и создание систем энергосбережения в Ливане: выбор инженерных решений на основе технико-экономических характеристик // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). — 2017. — №3.
2. Саудовская Аравия. Ближний Восток. 8 июля 2014. №1243482. [Электронный ре-

сурс] / Новости. Обзор СМИ. — Режим доступа: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1243482.

3. Ливан потратил 420 млн. долларов на «зеленую» энергетику. [Электронный ресурс] / Арабский мир. — Режим доступа: <http://arabmir.net/node/4362>.

4. Ливан. Электроэнергетика. 11 июля 2014. №1243484. [Электронный ресурс] / Новости. Обзор СМИ. — Режим доступа: <http://polpred.com/?cnt=88&ns=1§or=19>.

5. Ливан. Электроэнергетика. 20 декабря 2007. №89557. [Электронный ресурс] / Новости. Обзор СМИ. — Режим доступа: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=89557.

6. Ливан. Электроэнергетика. 11 июля 2014. №1243484. [Электронный ресурс] / Новости. Обзор СМИ. — Режим доступа: http://polpred.com/?ns=1&ns_id=1243484.

7. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ.; под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. — М.: Наука, 1963. — 244 с.

8. *Rényi A.* Dialogues on Mathematics. — NY: Holden-Day, 1967. — 465 p.

Поступила в редакцию

17 августа 2017 г.

Тaleb Мустафа Акрами — аспирант кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Taleb Moustafa Akrami — postgraduate student of the Department «Production and innovation management» of the South-Russian state Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-66, +7 (8635) 25-51-54
E-mail: akramimoustafat@gmail.com

УДК 332.72.241

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

© 2017 г. Н. В. Карпова

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

Формирование и развитие урбанизированных территорий за последние годы приобрело исключительно важное значение. С одной стороны, любая территория, и особенно урбанизированная, имеет пространственный характер, который в свою очередь оказывает существенное влияние на размещение различных функциональных и территориальных зон с обязательным учетом экологической составляющей, т. е. экологизация всех этих процессов является насущной необходимостью, как охрана окружающей природной среды, так и здоровья людей, проживающих на этих территориях. Поэтому актуальность предлагаемой статьи для публикации имеет весьма важное значение.

Ключевые слова: *экологизация; пространство; формирование; развитие; урбанизация; территория; значение; актуальность.*

Formation and development of the urbanized territories in recent years has gained extremely important value. On the one hand, any territory, and especially urbanized, have spatial character which in turn has significant effect on placement of various functional and territorial zones with obligatory accounting of an ecological component, i. e. Greening of all these processes is the urgent need, both protection of the surrounding environment, and the human health living in these territories. Therefore the relevance of the offered article for the publication has very relevance.

Key words: *greening; space; formation; development; urbanization; territory; value; relevance.*

Развитие территории города является предметом изучения нескольких поколений ученых, но в научной среде еще не сложилось единое понимание его сущности. Зарубежные теоретические и практические исследования в данной области развитие территории города связывают с целями развития крупного города и улучшением жизни его населения.

При этом одним из ключевых инструментов регулирования территориального развития городских поселений является функциональное зонирование их территории на основе выделения территориальных зон, представляющих собой отдельные территории, границы которых фиксируются на основании решений органов местного самоуправления.

Функциональное зонирование было предложено Э. Морелли в работе «Кодекс природы», в которой впервые выделяются функциональные части города: центр, жилая зона, зона обслуживания, зона производства и зона отдыха [1]. При этом для каждой из выделенных зон устанавливается правовой режим использования земель, а результатом зонирования является план городских земель, который определяет состав земель города, объединенных общими признаками перспективного функционального использования.

Отметим, что урбанистическое зонирование первоначально было осуществлено в 1913 г. в Нью-Йорке, когда были предприняты первые попытки ввести ограничения

на стихийное развитие города. Первоначально оно рассматривалось в отрыве от планирования территории населенных пунктов. Позднее стали выделяться зоны перспективной застройки населенных пунктов. В основе урбанистического зонирования всегда лежало определение тех видов деятельности, которые не причиняют вреда недвижимости в пределах населенного пункта и его населению, а также характеризуют размер земельного участка, количественные и качественные параметры строений и сооружений (ширина, высота, полезная площадь, высота ограждений), степень застройки участка и даже количество проживающих на нем лиц [2].

В этой связи можно указать на существующее понятие морфологии города, под которой понимается распределение в городском пространстве объектов городского хозяйства, парков, жилых районов, элементов природного ландшафта и т.д. По большому счету такой подход относится к сфере городского планирования, однако благодаря его активной эксплуатации советскими градостроителями он находит реальное воплощение в развитии современных российских городов.

Западные теоретики создали множество моделей для описания структур городов и городского роста (концентрическая, многоядерная, секторальная и др.), претендующих на универсальность, однако они оказываются несостоятельными в приложении к постсоветскому городу. В этой связи А. Френч и Р. Хамилтон создали модель морфологии социалистического города, которая содержит несколько ярко выраженных зон: исторический центр; внутренние коммерческие, жилые, индустриальные стороны капиталистического периода; зоны социалистического перехода или обновления, где современное строительство постепенно замещает унаследованные городские или сельские элементы; зона социалистического строительства 1950-х годов; интегрированные жилые районы 1960–1980-х годов; открытые или изолирующие крупные производства зоны; производственные и относящиеся к ним зоны; открытые пригороды, леса, туристские зоны [3]. Во многом данная модель остается характерной для большинства современных российских городов.

При этом отметим, что в условиях быстрого развития городских систем в Советском

Союзе получили развитие несколько подходов к организации пространственного развития городских территорий, которые были направлены на оптимизацию структуры расселения и планировочного районирования, обоснование развития исторически сложившихся городов, выявление перспективных структурообразующих элементов города. На базе данных подходов сформировались различные типы планировочных структур: статичный, полугибкий (переходный) и гибкий [4].

В настоящее время существует множество видов зонирования городской территории. Например, цель зонирования вредных воздействий состоит в том, чтобы отделить друг от друга несовместимые виды землепользования. В частности, в США выделяют три вида зонирования вредных воздействий: зонирование территорий неустойчивых экологических связей; зонирование территорий, подверженных стихийным бедствиям; зонирование территорий, охрана которых необходима для сохранения естественных условий возобновления природных ресурсов [5].

Целью финансового зонирования является исключение домохозяйств, которые обычно не вносят свою лепту на содержание местной власти. Проектное зонирование основано на размещении различных видов деятельности так, чтобы эффективнее использовать инфраструктуру населенных пунктов.

Во Франции при помощи т.н. «зональных планов» устанавливаются общие правила использования недвижимости в зонах в соответствии с их назначением, определяются экологические меры, условия передачи отдельных объектов недвижимости из различных зон и рационального использования природных ресурсов, разрабатывается система приоритетов среди разных вариантов возможного целевого назначения отдельных зон и объектов.

Составление региональных планов является обязанностью компетентных властей нескольких территориальных единиц, территория которых должна быть охвачена единым планом, а составление местных планов территориального зонирования — муниципальных властей. В соответствии с этим принимаемый ордонанс по зонированию представляет собой нормативный правовой акт муниципалитета, которым определяются целевое

использование определенных земель, типы и параметры строений и сооружений на них, а также порядок их размещения.

Один из путей решения экологических проблем городского развития состоит в проведении ландшафтно-экологического зонирования, предполагающего размещение функциональных зон, исходя из их совместности с экологической точки зрения, формирование природных территорий, а также создание транспортных коридоров, ориентированных на локализацию антропогенного воздействия на городские ландшафты при одновременном уменьшении степени их территориальной раздробленности, что создает условия для их естественного самовосстановления [6].

При проектировании новых жилых районов основной целью градостроительной политики должно выступать решение комплексных социальных задач, часть которых успешно решается с помощью формирования полноценной городской среды. При этом предприятия социальной инфраструктуры, а также прилегающие к ним территории приобретают статус особых объектов проектирования. Их состав и границы определяются с учетом потребностей жителей, интересов коммерческих предприятий и реальных возможностей предпринимателей.

Для придания новым жилым районам визуально-средового своеобразия обычно производится благоустройство в целом всего района, и в комплекс мероприятий обязательно входит украшение мест общественного назначения произведениями монументального искусства. Такого рода подходы к созданию экологически и эстетически благоприятного повседневного окружения для городских обывателей одновременно выполняют задачи градостроительного масштаба, формируя самобытный облик всего города.

В роли характерного примера может служить опыт создания локальных общественных пространств в Барселоне. В основе качественного преобразования городской среды здесь был положен метод своеобразной градостроительной «акупунктуры», с помощью которого выбрали на территории города более 140 мест и создали там целостные общественные пространства, что в итоге повлекло за собой крупномасштабное изменение

общегородского облика и способствовало усилению его уникальности.

Некоторые важные принципы средового подхода, эффективно использующиеся для создания полноценной градостроительной ткани, можно вычленивать, рассмотрев опыт формирования торговых пешеходных улиц, обустраиваемых, как правило, в исторических центрах городов. Здесь наблюдается, в частности, особое внимание к досуговой составляющей, что усиливает притягательность этих зон и делает пребывание там интересным для горожан и туристов. Важные результаты достигаются путем создания разнообразных пространственных ситуаций, а также с помощью тщательной проработки структуры, визуальной насыщенности и сбалансированности основных городских видов. Типы пространственных ситуаций различаются, прежде всего, по степени замкнутости, что дает возможность горожанам осуществлять разные формы социальных контактов.

Анализ практики средового подхода к организации городских общественных пространств помогает сформулировать два базовых принципа формирования среды внутри жилых районов [7]:

1. Акупунктурный подход, заключающийся в обоснованном вычлениении наиболее критичных зон внутри жилых районов и дальнейшей разработке детальных проектов их обустройства. Особо значимыми являются места концентрации пешеходных потоков, соединяющих жилые дома и учреждения социальной инфраструктуры между собой. Именно они представляют собой наиболее важные в социальном аспекте для горожан места повседневного посещения и межличностных контактов. Подчеркивая социальную значимость, их можно назвать зонами социальной активности.

2. Присвоение зонам социальной активности статуса особой территориально-пространственной единицы и рассмотрение каждой из них в качестве целостного средового объекта, который должен быть обеспечен детальным проектом. На основе выделения такого объекта проектирования можно сделать первый шаг к проблеме оздоровления среды обитания внутри жилых районов.

Одним из важнейших механизмов решения экологических проблем урбанизиро-

ванных территорий являются мероприятия по «форматированию» территории города, в частности, через построение т.н. «экологического каркаса территории».

Отметим, что впервые термин «экологический каркас территории» был использован при создании региональной схемы расселения нескольких экономических районов РСФСР. При этом он рассматривался как часть территориальной структуры расселения, в которой оптимизация взаимодействия расселения и окружающей среды зависит от соотношения зон с различным экологическим и хозяйственным режимом [8]. Э.Н. Сохина и Е.С. Зархина определили значение экологического каркаса территории как базы для ее целостного восприятия, которое отсутствует при покомпонентном природопользовании [9].

У современных исследователей существует множество подходов к толкованию рассматриваемого понятия. Первая группа ученых рассматривает экологический каркас

как систему определенных элементов, которая способна обеспечить экологическую стабильность территории [10], сохранить в ее пределах устойчивость природного баланса вещества и энергии, ландшафтного и видового многообразия [11], способствовать решению природоохранных и ресурсосберегающих задач [12]. В свою очередь, вторая группа авторов подходит к рассмотрению данного понятия как совокупности экосистем либо с индивидуальным характером природопользования [13], либо средоформирующих и средорегулирующих, ранжированных по режимам использования [14]. При этом представители второго направления рассматривают территорию с учетом факторов ее развития, т.е. хозяйственной составляющей.

Для удовлетворительного решения задач городского развития экологический каркас должен формироваться в виде целостной и непрерывной структуры, пронизывающей все пространство города и выходящей в пригородное окружение.

Рис. 1. Структура экологического каркаса городской территории [15]

Что касается структуры экологического каркаса территории, то ее можно представить следующим образом (рисунок 1).

При этом необходимо учитывать, что в быстро растущих городских районах процесс природопользования формируется потенциально конкурирующими друг с другом запросами жилищного строительства, промышленности, торговли, инфраструктуры, транспорта, сельского хозяйства и необходимостью иметь открытые пространства и зеленые площади, а также защищать уязвимые экосистемы.

В этой связи гармонизация потребностей развития городов с интересами окружающей природной среды является одной из основных задач, которую предстоит решать при построении устойчивых урбанизированных территорий, на что, в частности, и направлены процессы экологизации их пространственного развития.

Литература

1. *Пешина Э. В., Рыженков А. В.* Эволюция теоретико-методических подходов к познанию «идеального города» // *Управленец*. — 2013, №4. — С. 36.
2. *Кривцов А. В.* Зонирование территорий — один из механизмов управления недвижимостью // *Вестник ТГУ*, вып. 10. — С. 230.
3. *Чешкова А.* Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // *Российское городское пространство: попытка осмысления*. — М.: МОНФ, 2000. — С. 19.
4. *Бочаров Ю. П., Кудрявцев О. К.* Планировочная структура современного города. — М.: Стройиздат, 1972. — С. 43.
5. *Developments in the Law-zoning* // *Harvard Law Review*. — 2007. — №7. — P. 1593.
6. *Древаль И. В.* Экологические аспекты архитектурно-градостроительного формирования элементов транспортно-коммуникационного каркаса урбанизированной среды // *Коммунальное хозяйство городов*. Вып. 45. — К.: Техника, 2002. — С. 198.
7. *Пономарев Е. С.* Оздоровление среды обитания городских районов // *Архитектура и строительство России*. — 2007. — №11. — С. 15.
8. *Владимиров В. В.* Расселение и окружающая среда. — М.: Стройиздат, 1982. — С. 149.
9. *Сохина Э. Н., Зархина Е. С.* Экологический каркас территории как основа системного нормирования природопользования // *Проблемы формирования стратегии природопользования*. — Владивосток-Хабаровск: ДВО АН СССР, 1991. — С. 197.
10. *Колбовский Е. Ю.* Региональный экологический каркас: проблемы формирования и развития // *Проблемы региональной экологии*. — 1999. — №4. — С. 85.
11. *Крюков В. Г., Воронов Б. А., Ефимов Н. Н.* Принципы рационального природопользования (на примере Хабаровского края). — Хабаровск, 2000. — С. 79.
12. *Реймерс Н. Ф.* Природопользование. — М.: Мысль, 1990. — С. 121.
13. *Елизаров А. В.* О создании экологического каркаса Самарской области // *Экологическая безопасность и устойчивое развитие Самарской области*. Вып. 6. — Самара, 1998. — С. 79.
14. *Мирзеханова З. Г.* Экологический каркас территории в стратегии устойчивого развития: пример практической реализации // *География и природные ресурсы*. — 2001. — №3. — С. 27.
15. *Панченко Е. М., Дюкарев А. Г.* Экологический каркас как природоохранная система региона // *Вестник Томского государственного университета*. — 2010. — №340. — С. 217.

Поступила в редакцию

25 мая 2017 г.

Карпова Надежда Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А. К. Кортунова.

Karпова Nadezhda Viktorovna — Candidate of Economic Sciences, the associate professor of Economics Department of Novochoerkassk engineering and meliorative institute of A. K. Kortunov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346428, Novochoerkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 22-43-23; e-mail: karpovnadezhda@yandex.ru

УДК 338

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ

© 2017 г. И. Е. Дашевская

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

Рассмотрены особенности управления информационными ресурсами предприятий и бизнес-групп в современной России. Сформулированы исследовательские задачи, которые необходимо решить для создания эффективной системы управления инновационной деятельностью на основе развития информационных ресурсов.

Ключевые слова: производственные системы; информация; инновационные проекты; инновационные процессы; промышленная политика.

The features of management of information resources of the enterprises and business groups in modern Russia are considered. The research tasks that need to be solved to create an effective system of innovation management based on the development of information resources are formulated.

Key words: production systems; information; innovative projects; innovative processes; industrial policy.

В современных условиях отставание российского народного хозяйства в технологической сфере представляет угрозу суверенитету страны и перспективам ее существования в будущем. Его преодоление возможно только при условии интенсивной модернизации промышленных предприятий, проводимой на основе современных технико-экономических решений, ведущих к разработке и применению новейших NBIC-технологий.

В условиях антироссийской политики США и зависимых от них стран актуальность модернизации и технологического развития российской промышленности существенно возросла. Модернизация промышленности требует организационно-экономического механизма управления ресурсами ее развития.

В российской экономике в последние десятилетия происходило ослабление технологического, интеллектуального, кадрового потенциала, сокращение (а в ряде случаев — полное прекращение) научных исследований и прикладных разработок

на наиболее важных направлениях инновационного развития, без которых невозможна декларированная российским руководством модернизация экономики. Это подтверждается, в частности, статистическими данными об объемах прикладных научных исследований и конструкторско-технологических разработок и объемах производства новых высокотехнологичных изделий, особенно в машиностроении, приборостроении, электронной промышленности.

Общепризнано [1, 2], что ведущим экономическим ресурсом в современных производственных системах становится информация, а также создатель и носитель этой информации — человек, способный создавать, осуществлять и воспринимать инновации. Инновационное развитие любого хозяйствующего субъекта становится неременным условием обеспечения и роста его конкурентоспособности.

В связи с этим информационные технологии начинают играть важнейшую роль в ус-

пешном управлении инновациями. Их реализация, как правило, осуществляется в виде сетевых многофункциональных информационных систем, состоящих из настраиваемых модулей, в которых используются различные подходы к хранению данных, сетевому общению и методам передачи информационных ресурсов [3].

В известных работах [4, 5] показано, что при разработке инструментов информационного управления инновациями организации необходимо исходить из возможности использования и трансформирования информационных технологий для управления знаниями и инновациями. При построении корпоративной системы управления инновациями можно выделить две большие группы: информационные технологии, которые относятся ко всей информационной системе в целом (системные), и информационные технологии реализации каждого из модулей (модульные).

Среди системных информационных технологий выделяют четыре типа технологий, обеспечивающих функциональные решения в области управления инновациями [6]: семантические, совместной работы, визуализации и масштабирования. Для управления этими функциями представляется целесообразным подход О.М. Юня [7]. Согласно этому подходу выделяются следующие функции, осуществляемые в ходе производственного процесса: постановка целей, выбор производимого продукта; обоснование параметров воспроизводимых продуктов; формирование программ действий по организации производства; определение возможных технологий; определение технологических отношений; обоснование системы производственных отношений; формирование системы технологических процессов; отработки технологических процессов; сочетание действий техники и человека; формирование системы орудийных регуляторов; средства регулирования орудийными операциями; регулирование орудийным процессом; воспроизводство средств производства; воспроизводство продуктов; орудийное воздействие на предмет труда.

Такая детализация функций производственной системы (каждая из которых имеет информационную природу) может служить

основой для планирования инноваций в разномасштабных производственных системах, вплоть до корпоративных и межкорпоративных производственных систем. Однако, используя эти функции, необходимо иметь в виду, что осуществление инновационных проектов отдельными промышленными предприятиями и бизнес-группами крайне затруднительно ввиду ограниченности их инвестиционных и иных ресурсов, необходимых для инновационной деятельности.

Государственная промышленная политика в России не способствует в должной степени решению проблемы активизации инноваций, а имевшая место до 2014 года однобокая ориентация на получение и использование иностранных инвестиций препятствует развитию российского инновационного сектора, прежде всего, инновационной инфраструктуры, коммерциализации, и использованию результатов разработок на отечественных промышленных предприятиях.

В некоторой степени преодолению этих проблем способствовал принятый в России Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» (№488-ФЗ) [8]. К сожалению, опыт его практического применения показывает его недостаточную эффективность, особенно в части управления информацией, знаниями и иными нематериальными активами, используемыми при осуществлении инновационных проектов на предприятиях и в бизнес-группах.

Проведенный анализ известных исследований и разработок по данной тематике выявил наличие ряда общих подходов к управлению инновационной деятельностью в целом и информацией при разработке и осуществлении инновационных проектов модернизации производства, способствующих росту конкурентоспособности предприятий, бизнес-групп и национальной экономики в целом.

Однако, большинством российских авторов вопросы управления информацией и знаниями при инновационной деятельности, модернизации и развитии производственных систем рассматриваются вне связи с особенностями организационной культуры предприятий, без рассмотрения вопросов специфики оценки информации в условиях модернизации и управления развитием производ-

тва. Определенные шаги в преодолении этого предприняты в работах А. В. Боровкова [9], К. К. Колина [10] и других авторов.

В такой ситуации особую актуальность и народнохозяйственную значимость приобретают исследования, посвященные совершенствованию организационно-экономических методов управления формированием и осуществлением инновационных проектов, созданием и развитием инновационных производственных систем, способствующих проведению инновационных процессов в условиях завершающего этапа формирования открытой рыночной экономики в современной России и обеспечивающих рост конкурентоспособности страны.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в условиях современной России для создания эффективной системы управления инновационной деятельностью на основе развития информационных ресурсов производственных систем необходимо решить следующие исследовательские задачи:

— разработать методы управления инновационной деятельностью, обеспечивающие переход от отдельных инновационных проектов к непрерывным инновационным процессам в производственных системах предприятий и бизнес-групп;

— разработать методический инструментарий для стоимостной оценки и стоимостного управления корпоративной информацией на предприятиях и в бизнес-группах, осуществляющих инновационные проекты в своих производственных системах;

— разработать методическое обеспечение управления корпоративной информацией с учетом особенностей организационной культуры предприятий, осуществляющих инновационные проекты модернизации и развития производственных систем;

— разработать методический подход к управлению информационными ресурсами инновационно активных производственных систем, обеспечивающих рост конкурентоспособности и устойчивости функционирования предприятий-инноваторов;

— разработать методы оценки результативности и эффективности инновационных процессов и проектов в производственных системах, в т.ч. оценки прироста человеческого и социального капитала в результате проведения инновационных мероприятий.

Литература

1. Вальтух К. К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. — М.: Янус-К, 2001. — 869 с.

2. Колбачев Е. Б. Экономический инструментарий управления информационными ресурсами в производственных системах машиностроительных предприятий // Проблемы машиностроения и автоматизации. — 2003. — №1. — С. 12–18.

3. Некрасов Д. А. Информационные технологии в управлении инновациями организации. // Вестник ТГПУ, 2013. — №12(140). — С. 78.

4. Using TF-IDF to determine word relevance in document queries // The First Instructional Conference on Machine Learning (iCML-2003). December 3–8, 2003. Piscataway, NJ USA.

5. Тихомиров В. П., Хорошилов А. В. Введение в информационный выбор. — М.: Финансы и статистика, 2009. — 132 с.

6. Вагин С. Г. Современные доминанты инновационно-технологического развития // Изв. ин-та систем управления Самарского гос. экон. ун-та. — 2010. — №1. — С. 154–160.

7. Юнь О. М. Производство и логика: Информационные основы развития. — М.: Новый век, 2001. — 210 с.

8. Федеральный закон РФ «О промышленной политике в Российской Федерации» (№488-ФЗ).

9. Боровков А. В. Выбор стратегии управления информационными ресурсами при модернизации и развитии производственных систем промышленного предприятия // Дружковский вестник, 2017. — №6. — С. 76–81.

10. Колин К. К. Инновационное развитие в информационном обществе и качество образования // Открытое образование, 2009. — №3. — С.63.

Поступила в редакцию

17 марта 2017 г.

Дашевская Ирина Евгеньевна — ассистент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» ЮРГПУ(НПИ) им. М. И. Платова.

Dashevskaya Irina Evgenyevna — assistant of the Department «Production and innovation management» of the South-Russian state Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-66, +7 (8635) 25-51-54
E-mail: dashevskaya.irina@gmail.com

УДК 621.311

ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ ПО ВЫСОКОВОЛЬТНЫМ ПРОВОДАМ В РОССИИ

© 2017 г. Е. О. Бакай

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

В работе проведены теоретические исследования потерь электроэнергии на коронный разряд, возникающий при передаче по высоковольтным проводам (воздушным линиям электропередачи). Как возникает это явление?

Потери электроэнергии в проводах зависят от силы тока, чтобы уменьшить потери при передаче на значительные расстояния, напряжение многократно повышают до значений выше несколько сотен тысяч вольт, но с ростом напряжения начинают происходить различные разрядные явления, ионизация воздуха.

Ионизация воздуха вблизи высоковольтных проводов (воздушной линии электропередачи) является причиной возникновения некоторого природного опасного явления — разряда, которое получило название «корона». Коронный разряд, возникающий около высоковольтных проводов (воздушных линиях электропередач), сопровождается необычным звуком, похожим на шипение, световым явлением синего цвета, а также образованием озона. Корона часто приводит к образованию коррозии проводов.

Снижение потерь электроэнергии входит в число основных целей, указанных в стратегии развития будущего электросетевого комплекса Российской Федерации. В 2018 году объем потерь электроэнергии в среднем по стране должен снизиться на 11% относительно уровня 2012 года.

Цель работы — анализ потерь электроэнергии по стране вследствие возникновения коронного разряда, а также разработка современных, универсальных предложений по уменьшению потерь электроэнергии на корону.

Основные задачи работы — это изучить и обобщить статистические данные по потерям электроэнергии, выявить и охарактеризовать позитивные и негативные тенденции, а также сформулировать предложения по уменьшению потерь на коронный разряд в воздушной линии электропередачи.

Ключевые слова: развитие; динамика; электроэнергетика; потери электроэнергии; коронный разряд.

The paper presents the theoretical study of power losses in the corona discharge that occurs when the transmission on high-voltage wires (air lines). How does this phenomenon occur?

Power losses in the wires depend on the current, to reduce losses in transmission over long distances, voltage repeatedly increases to values above a few hundred thousand volts, but with the growth of tension begin to occur various discharge phenomena, ionization of the air.

Ionization of air near high-voltage wires (overhead power lines) is the cause of some natural hazards — like discharge, which was called «crown». A corona discharge occurs around high voltage wires (overhead power lines), accompanied by an unusual sound similar to a hiss, light phenomenon of the blue color, as well as the formation of ozone. The crown often leads to corrosion of the wires.

The energy loss reduction is among the main goals identified in the strategy of development of the future of the electric grid complex of the Russian Federation. In 2018 the amount of electricity losses in the national average is expected to decrease by 11 % compared to 2012.

The work purpose — analysis of electricity losses in the country due to the occurrence of corona discharge, and the development of modern, multi-purpose proposals to reduce energy losses to the crown.

The main objectives of the work is to study and compile statistical data on losses of electricity, identify and describe positive and negative trends, and to formulate proposals to mitigate loss to corona in overhead transmission lines.

Key words: *development; dynamics; electricity; loss of electricity; a corona discharge.*

Снижение потерь электроэнергии входит в число основных целей, которые указаны в стратегии развития электросетевого комплекса России [1].

В среднем по стране к 2017 году объем потерь должен снизиться на 11 % относительно уровня 2012 года [2].

Годовые потери электроэнергии на корону в электрических сетях РФ составляют более 4 млрд. кВт·ч, и если эту величину умножить на стоимость одного кВт·ч, то получится весьма внушительная сумма [3].

Развитие экономики страны сопровождается ростом потребляемой электроэнергии даже на фоне масштабных мер по энергосбережению и энергоэффективности [4, 5], поэтому просто необходимо бороться со столь значительными потерями на корону.

Динамика потерь электроэнергии в электрических сетях страны за 1994–2013 гг. представлена в таблице 1. В таблице приведены показатели электробаланса энергии, отпуск электроэнергии в сеть, потери электроэнергии и относительные потери электроэнергии.

Для наглядности покажем относительные потери электроэнергии в виде графика (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что средние относительные потери электроэнергии составляют 11 %, увеличение потерь наблюдалось в период 1997–2006 гг., затем потери пошли на спад.

Рассчитаем средний темп роста потерь электроэнергии от отпуска в сеть за 2007–2013 гг.:

$$X^- = \sqrt{X_1 \cdot X_2 \cdot X_N},$$

где $X_1 \cdot X_2 \cdot X_N$ — коэффициенты роста с переменной базой [8, 9, 10].

$$\begin{aligned} X^- &= \\ &= \sqrt{\frac{11,43}{11,18} \cdot \frac{11,79}{11,43} \cdot \frac{11,81}{11,79} \cdot \frac{11,53}{11,81} \cdot \frac{11,46}{11,53} \cdot \frac{11,77}{11,46}} = \\ &= 1,026\%. \end{aligned}$$

В основном потери на корону зависят от уровня рабочего напряжения сети, сечения проводов и конструкции фазы, но главным образом от вида погоды [11].

Потери на корону при тумане и изморози возрастают в десятки раз по сравнению с потерями при хорошей погоде. Именно поэтому одной из самых главных задач электроснабжения является создание таких условий, при которых передача электрической энергии по линиям электропередач будет экономичной, эффективной и надежной [12].

Наиболее остро проблема потерь стоит в сетях 220 кВ и выше, что при их малой загруженности в настоящее время связано не столько с потерями в проводах от токов нагрузки, сколько с потерями на корону [14].

В среднем в год потери мощности и энергии на коронный разряд ВЛ напряжением 330 кВ и напряжением 500 кВ составляют 12 %, а ВЛ напряжением 750 кВ — около 14 % от суммарных потерь [5, 15].

Так как в действительности средние нагрузки ВЛ раза в два меньше натуральной мощности, то потери на корону ВЛ напряжением 330 кВ и напряжением 500 кВ составят 35 %, а ВЛ напряжением 750 кВ — около 39 % от суммарных потерь.

Для ЛЭП характерна потеря активной мощности на нагрев проводов при протекании тока по ним в связи с наличием сопро-

тивления проводов ЛЭП. Чем больше ток или сопротивление ЛЭП, тем больше потери мощности и напряжения [17, 18].

При передаче электроэнергии на дальние расстояния напряжение многократно повышают с помощью трансформаторов, для того чтобы уменьшить силу тока из-за того, что потери электроэнергии в проводах зависят от силы тока. Эти мероприятия позволяют значительно снизить потери, однако с ростом напряжения начинают происходить различные разрядные явления.

В ВЛЭП сверхвысокого напряжения присутствуют потери активной мощности на корону (коронный разряд).

Одной из составляющих потерь в линиях электропередачи сверхвысокого напряжения 750, 500, 330 и 220 кВ являются потери на коронный разряд.

Коронный разряд на проводах ВЛ приводит к потерям электроэнергии, вызывает значительный слышимый шум, радиопомехи, свечение, продуцирование озона и повреждение изоляции линий электропередачи.

Таблица 1

**Динамика потерь электроэнергии
в электрических сетях Российской Федерации за 1994–2013 гг. [6, 7]**

Показатели электробаланса энергии	Производство электроэнергии	Отпуск электроэнергии в сеть	Потери электроэнергии абсолютные	Потери электроэнергии относительные		
				От отпуска в сеть	От производства	
Ед. измерения	млрд. кВт·ч	млрд. кВт·ч	млрд. кВт·ч	%	%	
Численные значения показателей по годам	1994	875,9	794,7	79	9,94	9,02
	1995	860	781,8	83,5	10,68	9,71
	1996	847,2	766,8	84,2	10,98	9,94
	1997	833,9	753,6	84,4	11,2	10,12
	1998	826,1	750,3	93,3	12,44	11,28
	1999	845,5	772,9	96,8	12,52	11,44
	2000	876	803,5	101,6	12,64	11,59
	2001	891,3	816,9	105,51	12,91	11,84
	2002	891,3	819,9	107,5	13,11	12,06
	2003	916,3	812,7	110,5	13,11	12,06
	2004	931,9	864,9	112,6	13,02	12,08
	2005	953,1	875,7	112,6	12,86	11,81
	2006	995,8	911,5	107,6	11,8	10,81
	2007	1015,33	937,46	104,86	11,18	10,33
	2008	1018	955,35	109,24	11,43	10,5
	2009	1040	965	113,9	11,79	10,95
2010	1037	963	113,76	11,81	10,96	
2011	1053	980	113,01	11,53	10,73	
2012	1064	990	113,48	11,46	10,66	
2013	1045	975	114,8	11,77	10,98	

К типовым мероприятиям по снижению потерь на корону относятся:

- 1) увеличение диаметра провода, расщепление провода;
- 2) регулирование напряжения и др.

К инновационным способам снижения потерь на корону можно отнести:

- 1) изменение поверхности провода;

- 2) изменение сплава провода и его структуры;

- 3) нанесение специальных покрытий на внешнюю поверхность провода и пр.

Учитывая, что замена проводов на большее сечение или изменение конструкции фазы связаны фактически с полной реконструкцией ВЛЭП, в настоящий момент могут

Рис. 1. График относительных потерь электроэнергии в России, выраженных в % [6]

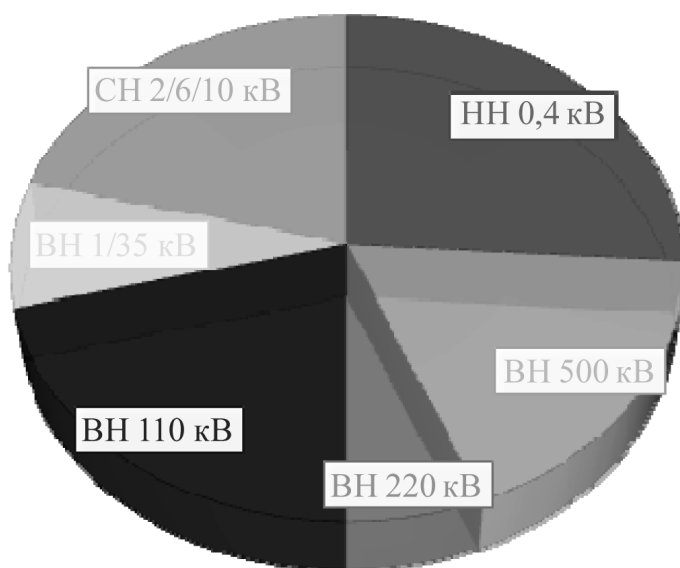

Рис. 2. Потери электроэнергии в сетях с различными уровнями напряжения в стране [13]

быть выделены два основных направления работы с обоснованными затратами:

1) совершенствование систем регулирования напряжения на подстанциях и электростанциях;

2) замена проводов на провода аналогичного сечения со сниженными потерями или доработка проводов для снижения потерь.

Максимальные потери на корону характерны для повышенных напряжений

на ВЛЭП при слабой их загрузке, а также при плохой погоде. В условиях слабой загрузки ВЛ, когда напряжение в линии превосходит номинальное на 5% и выше, регулированием напряжения можно понизить потери электроэнергии в сети более чем на 30%. Потери мощности на корону в хорошую погоду невелики. Поэтому напряжение с целью снижения потерь на корону целесообразно регулировать в плохую погоду, когда потери на ко-

Рис. 3. Среднестатистические составляющие структуры технических потерь электроэнергии в электрических сетях страны [16]

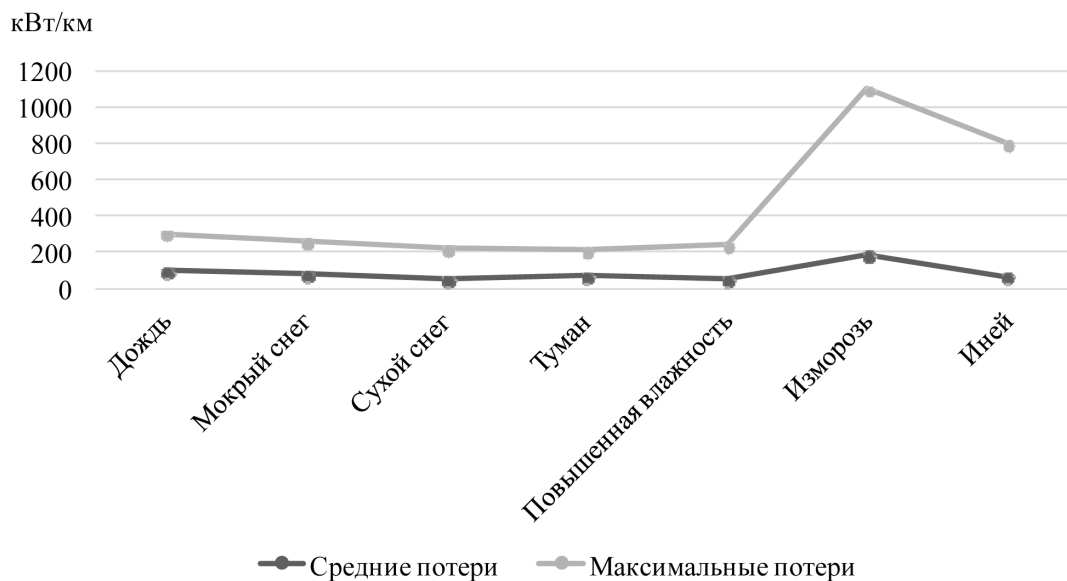

Рис. 4. График потерь мощности на корону в линии электропередачи напряжением 750 кВ при различной погоде [19]

рону возрастают на 1–2 порядка, а продолжительность этих потерь составляет 1–2 тысячи часов и более.

Покажем графически, как меняются потери на коронный разряд при напряжении 750 кВ в различную погоду.

Рассмотрим диаграмму, выражающую зависимость потерь энергии на корону от видов погоды (рисунок 5).

Из диаграммы видно, что максимальные потери наблюдаются при изморози при напряжении в 750 кВ.

Планирование режимов с учетом потерь на корону сталкивается со значительными трудностями ввиду того, что погода носит вероятностный характер, а также сильно сказываются условия прохождения каждой линии. Чтобы осуществлять оперативное управление напряжением в сети, необходимо иметь текущие и прогнозные значения потерь в проводах и на корону, кроме того необходимо учитывать условия нагрева и охлаждения проводов ВЛ. Так при безветренной погоде на солнце температура провода может увеличиться более чем на 20°C по отношению к температуре воздуха, поэтому планирование режимов с учетом потерь на корону в настоящее время только прорабатывается.

Регулирование напряжения на ВЛ 500 кВ при плохой погоде со среднеэксплуатационным напряжением 515 кВ при его снижении до 500 кВ позволяет снизить потери на корону на 10–15% или еще более. Также экспериментальным путем установлено, что на раз-

ных ВЛ 500 кВ длиной более 100 км экономия электроэнергии от регулирования напряжения может составить более 5 млн. кВтч в год, что весьма существенно с экономической точки зрения и перспективно.

Для снижения напряжения могут быть использованы средства реактивной мощности, к которым относятся шунтирующие реакторы, синхронные компенсаторы и статические тиристоры компенсаторы [11, 12].

Регулирование напряжения на электростанциях с целью снижения потерь, в том числе на корону, является крайне перспективным и востребованным мероприятием для снижения потерь.

В моменты плохой погоды (высокая влажность, изморозь, гололед, осадки), которая составляет от 10 до 20% от всего времени в году, расходуется более 80% всех потерь на корону. Одним из перспективных решений для борьбы с коронным разрядом является получение и нанесение защитных покрытий, на поверхности которых не образуются капли при дожде и изморозь. В таком случае потери на корону могут быть снижены на величину порядка 50% или 15–20% от всех потерь в ЛЭП.

Эффект короны существенно различно проявляется при различных осадках. При этом потери мощности на корону в зависимости от вида погоды также связаны как с изменением радиуса кривизны провода, так и с напряженностью поля и условий ее образования (влажность, давление, температура). Наиболее низкие потери наблюдаются

Таблица 2

Средние по России удельные потери мощности и энергии на корону ВЛ [15, 19, 20]

Вид погоды	Продолжительность, час.	Потери мощности ВЛ, Вт/м				Потери энергии ВЛ, Вт·ч/м			
		220	330	500	750	220	330	500	750
Хорошая	5159	0,3	1,5	2,4	5,7	1548	7738	12382	29406
Повышенная влажность	746	1,7	5,4	8,4	19	1268	4028	6266	14174
Снег	807	2,3	6,6	12,4	25	1856	5326	10007	20175
Туман	190	3,2	10	16,4	34	608	1900	3116	6460
Дождь	395	6	16	30	67	2370	7616	14280	31892
Изморозь	1381	13	36	59,2	116	17953	49716	81755	160196
Среднегодовые потери, Вт·ч/м						25603	76324	127806	262303

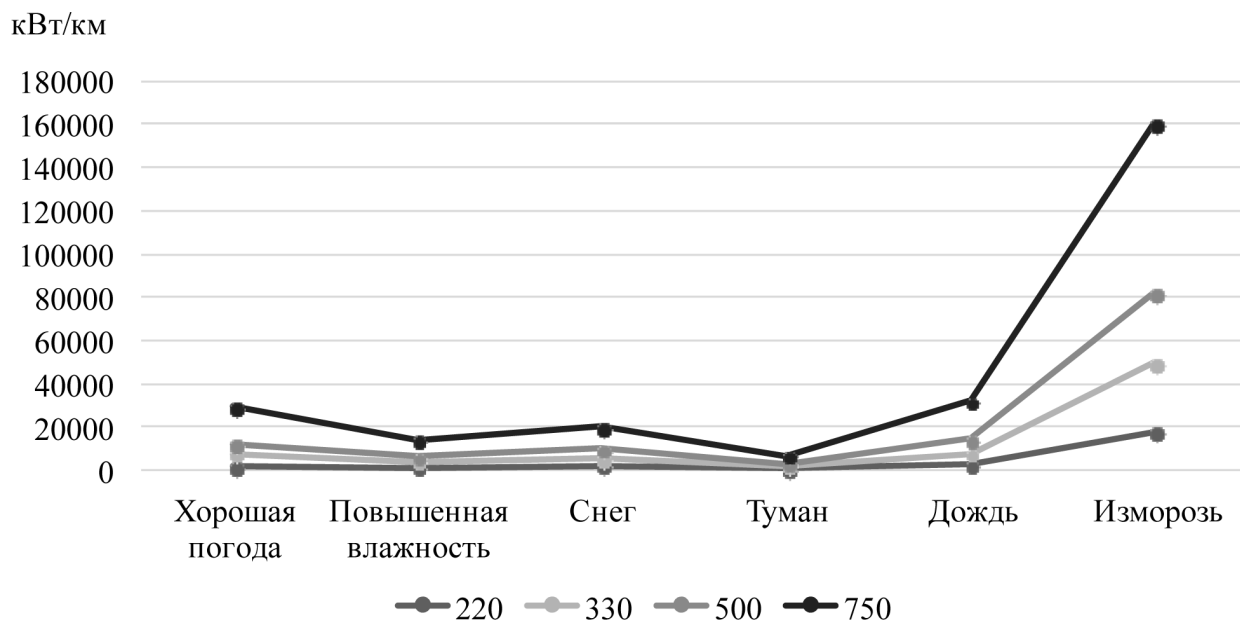

Рис. 5. График зависимости потерь энергии на корону от видов погоды при различном высоком напряжении [15]

при сухой погоде на чистом проводе, тогда как при наличии отложений на проводе интенсивность коронного разряда резко увеличивается. Так, при дожде и изморози потери на корону могут увеличиться в 10–20 раз.

Очевидной становится идея уменьшить потери мощности при передаче электроэнергии за счет механизма уменьшения потерь на корону до уровня потерь при хорошей погоде, а именно исключить возможность образования на поверхности провода капель воды и изморози.

В результате проводимых исследований было установлено, что задачу по устранению или заметному снижению капель с поверхности можно решить двумя путями: приданием поверхности супер-гидрофобных (невозможность образования капель ввиду эффекта поверхностного натяжения) или супер-гидрофильных свойств (равномерное смачивание вдоль всего провода тонкой пленкой).

В заключение можно отметить, что внедрение технических, технологических и организационных решений, связанных со снижением потерь электроэнергии в электрических сетях, способно решить множество проблем как экономического, так и государственного масштаба, обеспечить энергоэффективность всей системы энергоснабжения Российской Федерации.

Литература

1. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства энергетики РФ. — Режим доступа: <http://www.minenergo.gov.ru/node/1920>. (Дата обращения 09.06.2017).
2. «Потерять нельзя сэкономить». Приложение к газете «Коммерсантъ». [Электронный ресурс] / №83 от 20.05.2013 г. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2189201>. (Дата обращения 03.07.2017).
3. Беляева Л.А., Булатов Б.Г. Оценка потерь электроэнергии на корону по данным телеметрии. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-poter-elektroenergii-na-koronu-po-dannym-telemetry>. (Дата обращения 10.06.2017).
4. Баркин О.Г. Электроэнергетика Российской Федерации: текущий статус, возможные сценарии, развилки выбора, целевое видение // Эффективное антикризисное управление. — 2011. — №3 (66). — С. 34–41.
5. Краткие месячные отчеты Министерства энергетики РФ о функционировании электроэнергетики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/4858>. (Дата обращения 26.06.2017).

6. Снижение потерь электроэнергии. Стратегический путь повышения энергоэффективности сетей. [Электронный ресурс] / Новости электроники. Информационно-справочное издание. — Режим доступа: <http://www.news.elteh.ru/arh/2015/93/05.php>. (Дата обращения 20.06.2017).
7. Отчет о функционировании электроэнергетики в 2016 году. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/4858/71298>. (Дата обращения 27.06.2017).
8. *Ефимова М.Р.* Общая теория статистики / М.Р. Ефимова, Е.В. Петрова, В.Н. Румянцев. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 416 с.
9. *Ефимова М.Р.* Практикум по общей теории статистики: Учеб. пособие / М.Р. Ефимова, О.И. Ганченко, Е.В. Петрова. — М.: Финансы и статистика, 2005. — 336 с.
10. *Кобозев А.В.* Статистика: методические указания / А.В. Кобозев, А.В. Кобозева. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2011. — Ч. 1. — 34 с.
11. *Капцов Н.А.* Коронный разряд / Н.А. Капцов. — М.: ОГИЗ Гостехиздат, 1947. — 256 с.
12. *Левитов В.И.* Корона переменного тока / В.И. Левитов. — М.: «Энергия», 1975. — 280 с.
13. Электроэнергетика России: основные показатели функционирования и тенденции развития. Стратегический путь повышения энергоэффективности сетей. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/05/24/1097192707/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf. (Дата обращения 22.06.2017).
14. *Попков В.И.* Коронный разряд и линии сверхвысокого напряжения / В.И. Попков. — М.: «Наука», 1990. — 253 с.
15. Потери на корону и их снижение в сетях 220 КВ и выше. Путеводитель по Энергетике. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pue8.ru/elektricheskie-seti/628-poterina-koronu-i-ikh-snizhenie-v-setyakh-220-kv-i-vyshe.html>. (Дата обращения 19.06.2017).
16. Снижение потерь электроэнергии при внедрении Smart Grid. Портал RusCable.Ru. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://eep.ru/article/Snizhenie_poter_elektoenergii_pri_vnedrenii/. (Дата обращения 18.06.2017).
17. *Баланчевадзе В.И., Барановский А.И.* Энергетика сегодня и завтра. Под ред. А.Ф. Дьякова. — М.: Энергоатомиздат, 1990.
18. *Кириллин В.А.* Энергетика. Главные проблемы: в вопросах и ответах. — М.: Знание, 1990.
19. *Тамазов А.И.* О проблемах расчета потерь на корону воздушных линий электропередачи. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://portalenergetika.com/articles/o_problemah_rascheta_poter_na_koronu_vozdushnyih_liniy_elektroperedachi_35. (Дата обращения 25.06.2017).
20. *Железко Ю.С.* Расчет, анализ и нормирование потерь электроэнергии в электрических сетях: Руководство для практических расчетов / Ю.С. Железко, А.В. Артемьев, О.В. Савченко. — М.: Изд-во НЦ ЭН АС, 2003. — 280 с.

Поступила в редакцию

22 апреля 2017 г.

Бакай Егор Олегович — студент Пермского национально-го исследовательского политехнического университета.

Bakai Egor Olegovich — student of Perm National Research Polytechnic University.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29
29 Komsomolsky ln., 614990, Perm, Russia
Тел.: +7 (922) 303-70-82; e-mail: egorbakay@mail.ru

УДК 337.774

**МЕТОДЫ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ РОССИЙСКИМИ БАНКАМИ
(НА ПРИМЕРЕ ООО НПФ «ПЕРМХИМПРОДУКТ»)**

© 2017 г. С. С. Усман

Тулский государственный университет

Оценка кредитоспособности потенциальных заемщиков является одной из наиболее сложных и ответственных задач в деятельности коммерческого банка. Методики анализа кредитоспособности заемщиков, используемые в коммерческих банках, могут быть классифицированы по различным критериям. В статье проанализированы основные методики оценки кредитоспособности предприятий, применяемые российскими банками.

Ключевые слова: оценка; кредитоспособность; заемщик; коммерческие банки; кредитный риск; количественный анализ; качественный анализ; финансовое состояние.

Assessment of the creditworthiness of potential borrowers is one of the most difficult and important tasks in the business of a commercial bank. The methods for analyzing the creditworthiness of borrowers used in commercial banks can be classified according to various criteria. The article analyzes the main methods for assessing the creditworthiness of enterprises used by Russian banks.

Key words: valuation; creditworthiness; borrower; commercial banks; credit risk; quantitative analysis; qualitative analysis; financial condition.

Эффективная организация процесса оценки кредитоспособности позволяет, во-первых, снизить уровень кредитных рисков банка, а во-вторых, создать необходимые условия для качественного обслуживания клиентов банка, предъявляющих спрос на кредитные продукты [1].

Основным инструментом, что позволяет снизить риск и учесть все факторы, которые влияют на стабильность бизнеса заемщика, является анализ его кредитоспособности. Достоверность такого анализа существенно влияет как на результаты конкретных кредитных сделок, так и на эффективность кредитной деятельности банка в целом. Точность оценки важна и для заемщика, ведь от этого зависит решение о предоставлении займа и о его возможном объеме. На сегодняшний день не существует единого подхода оценки кредитоспособности заемщика, поскольку в банках используются различные приемы и методики, которые предусматривают ис-

пользование совокупности разнообразных методов сбора и обработки различной информации, характеризующей различные аспекты деятельности заемщика и уровень допустимого риска. Следствием систематических ошибок в оценке кредитоспособности заемщиков является ухудшение качества кредитного портфеля и, как следствие, увеличение расходов банка на дополнительное резервирование и ухудшение финансового состояния банка [2]. Это объясняется тем, что в процессе своей деятельности предприятие встречается со значительным количеством рисков, влияющих на равновесие его бизнеса, и увеличивает кредитные риски. Динамика финансовых результатов предприятий (без субъектов малого предпринимательства) представлена в таблице 1.

Как свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1, на сегодня удельный вес предприятий, получивших убыток, в последние годы не уменьшается. Такое ухуд-

шение состояния предприятий реального сектора экономики связано с недостаточностью собственных средств и высокой ценой кредитных ресурсов. Достаточно значительный удельный вес убыточных предприятий по всем видам экономической деятельности свидетельствует о необходимости внедрения банковскими учреждениями более эффективных подходов оценки кредитоспособности заемщиков и контроля за финансово-экономическим состоянием субъектов хозяйствования, поэтому на момент принятия решения о кредитовании необходимо адекватно оценивать все риски, присущие деятельности предприятия, и выявлять наиболее обреченных.

Проблему оценки кредитоспособности заемщика и само определение «кредитоспособность» изучали в разные времена. Вопрос кредитоспособности был достаточно актуален и освещался в экономической литературе дореволюционного периода и в трудах экономистов 20-х годов XX века.

В период новой экономической политики экономисты под кредитоспособностью понимали, с точки зрения заемщика, способность к осуществлению кредитной операции, возможность своевременного возврата полученной ссуды; с позиции банка — правильное определение размера допустимого кредита [3].

В мировой практике существует большое количество методов и моделей, которые основаны на классификационной (статистической) концепции и концепции комплексного анализа [4]. Основные из них приведены на рисунке 1.

Изучение российскими банками разнообразных факторов, которые могут повлечь за собой непогашение кредитов или, наоборот, обеспечить их своевременный возврат, составляет содержание банковского анализа кредитоспособности.

Система определения финансового положения заемщиков, позволяющая на основе количественных и качественных характеристик бизнеса оценить его кредитоспособность, у каждого банка своя и является коммерческой тайной.

Необходимо отметить, что многочисленные публикации по вопросам кредитоспособности, а также методики, представленные в экономической литературе и используемые в зарубежной банковской практике, не дают возможности корректно и комплексно оценивать кредитоспособность заемщиков в российской банковской практике. Основные причины некорректности методик связаны со следующим:

— с несоответствием отечественных и зарубежных форм бухгалтерской (финансовой) отчетности, их постоянной изменчивостью;

Таблица 1

**Динамика финансового результата организаций
(без субъектов малого предпринимательства)
по Российской Федерации за 2010–2015 гг., млрд. руб.**

Показатель	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Сумма прибыли, млрд. руб.	7353	8794	9213	9519	10465	12654
Сумма убытка, млрд. руб.	1022	1654	1389	2665	6118	5151
Сальдо прибылей и убытков, млрд. руб.	6331	7140	7824	6854	4347	7503
В % к соответствующему периоду предыдущего года	144,1	114,2	110,8	82,7	68,2	173,6
Удельный вес прибыльных организаций, %	71,1	70	71,9	69	67	67,4
Удельный вес убыточных организаций, %	29,9	30	29,1	31	33	32,6

— недостаточной прозрачностью российских форм бухгалтерской (финансовой) отчетности, предоставляемых заемщиками;

— отсутствием рассчитываемых рекомендуемых значений для финансовых показателей, характерных для российских заемщиков — юридических лиц.

В статье будут рассмотрены 2 основные методики оценки кредитоспособности, предлагаемые российскими банками. Это методика, рекомендуемая центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ), и методика Сбербанка Российской Федерации (СБ РФ). В первом случае определяется краткосроч-

ная кредитоспособность, во втором — долгосрочная.

Анализ кредитоспособности заемщика по методике ЦБ РФ

Методика, рекомендуемая Центральным банком РФ, предназначена для оценки долгосрочной кредитоспособности заемщика. Данная методика представляет собой расчет ряда показателей [5], приведенных в таблице 2.

В результате по сумме набранных баллов финансовое состояние заемщика оценивается следующим образом:

— очень хорошее, если набрано более 200 баллов;

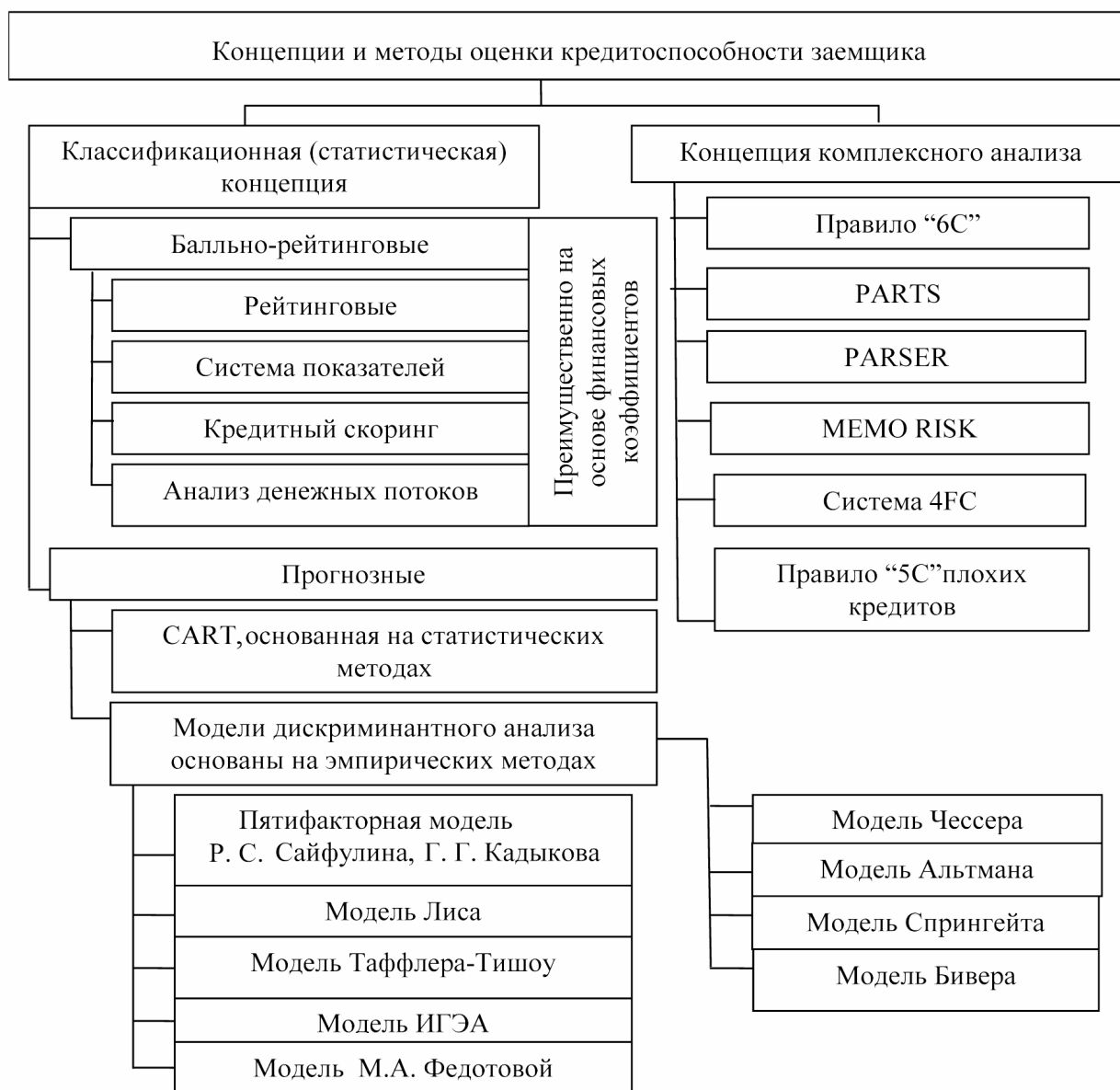

Рис. 1. Концепции и методы оценки кредитоспособности заемщика

— хорошее, если набрано от 171 до 200 баллов;
 — среднее, если набрано от 131 до 170 баллов;
 — плохое, если набрано от 101 до 130 баллов;
 — очень плохое, если набрано менее 100 баллов.

Оценка кредитоспособности заемщика по методике Сбербанка РФ

Это методика определения кредитоспособности заемщика при краткосрочном кредитовании, она разработана на основе Приложения к Регламенту предоставления кредитов юридическим лицам Сбербанком России для определения финансового состояния и степени кредитоспособности заемщика.

Целью проведения анализа рисков является определение возможности, размера и условий предоставления кредита.

Количественный анализ производится с учетом тенденций, характеризующих изменение финансового состояния предприятия и факторов, влияющих на эти изменения.

Качественный анализ основан на использовании информации, которая не может быть выражена в количественных показателях.

Для оценки финансового состояния заемщика используются три группы оценочных показателей (коэффициенты ликвидности,

коэффициент наличия собственных средств, показатели оборачиваемости и рентабельности [5]):

— К1 — коэффициент абсолютной ликвидности;

— К2 — промежуточный коэффициент покрытия;

— К3 — коэффициент текущей ликвидности;

— К4 — коэффициент наличия собственных средств;

— К5 — рентабельность продукции;

— К6 — рентабельность деятельности предприятия.

Вышеназванные коэффициенты К1, К2, К3, К4, К5 и К6 являются основными оценочными показателями.

Другие показатели оборачиваемости и рентабельности используются для общей характеристики и рассматриваются как дополнительные к первым шести показателям.

Оценка результатов расчетов шести коэффициентов заключается в присвоении заемщику категории по каждому из этих показателей на основе сравнения полученных значений с установленными достаточными (таблица 3).

Далее определяется сумма баллов по этим показателям в соответствии с их весами (таблица 4).

Таблица 2

Показатели для оценки кредитоспособности по методике ЦБ РФ

Показатель	Оптимальное значение	Максимальный балл
Коэффициент финансового рычага	менее 20%	8
Коэффициент финансовой зависимости	менее 20%	8
Коэффициент текущей ликвидности	более 2	4
Коэффициент абсолютной ликвидности	более 0,8	5
Оборачиваемость дебиторской задолженности	до 30 дней	8
Оборачиваемость кредиторской задолженности	до 30 дней	6
Оборачиваемость запасов	до 30 дней	6
Норма валовой прибыли	более 35%	40
Норма чистой прибыли	более 12%	40
Коэффициент процентного покрытия	более 9	25
Рентабельность капитала	более 15%	35
Фондоотдача	более 2	40

Достаточные значения показателей:

— К1 — 0,1;

— К2 — 0,8;

— К3 — 1,5;

— К4 — 0,4 — для всех заемщиков, кроме предприятий торговли, 0,25 — для предприятий торговли;

— К5 — 0,10;

— К6 — 0,06.

Формула расчета суммы баллов S имеет вид:

$$S = 0,05 \times \text{Категория К1} + 0,10 \times \text{Категория К2} + 0,40 \times \text{Категория К3} + 0,20 \times \text{Категория К4} + 0,15 \times \text{Категория К5} + 0,10 \times \text{Категория К6}.$$

Значение S наряду с другими факторами используется для определения рейтинга заемщика.

Для остальных показателей третьей группы (оборачиваемость и рентабельность)

не устанавливаются оптимальные или критические значения ввиду большой зависимости этих значений от специфики предприятия, отраслевой принадлежности и других конкретных условий.

Оценка результатов расчетов этих показателей основана главным образом на сравнении их значений в динамике.

Заключительным этапом оценки кредитоспособности является определение рейтинга заемщика или его класса.

В соответствии с методикой Сбербанка РФ устанавливается 3 класса заемщиков:

— первоклассные — кредитование которых не вызывает сомнений;

— второго класса — кредитование требует взвешенного подхода;

— третьего класса — кредитование связано с повышенным риском.

Рейтинг определяется на основе суммы баллов по шести основным показателям,

Таблица 3

Дифференциация показателей по категориям

Коэффициенты	1 категория	2 категория	3 категория
К1	0,1 и выше	0,05–0,1	менее 0,05
К2	0,8 и выше	0,5–0,8	менее 0,5
К3	1,5 и выше	1,0–1,5	менее 0,1
К4			
кроме торговли	0,4 и выше	0,25–0,4	менее 0,25
для торговли	0,25 и выше	0,15–0,25	менее 0,15
К5	0,10 и выше	менее 0,10	нерентаб.

Таблица 4

Расчет суммы баллов

Показатель	Фактическое значение	Категория	Вес показателя
1	2	3	4
К1			0,05
К2			0,1
К3			0,4
К4			0,2
К5			0,15
К6			0,1
Итого:	x	x	1

оценки остальных показателей третьей группы и качественного анализа рисков.

Сумма баллов S влияет на рейтинг заемщика следующим образом:

— 1 класс кредитоспособности: $S = 1,25$ и менее. Обязательным условием отнесения заемщика к данному классу является значение коэффициента $K5$ на уровне, установленном для 1-го класса кредитоспособности;

— 2 класс кредитоспособности: значение S находится в диапазоне от 1,25 (не включительно) до 2,35 (включительно). Обязательным условием отнесения заемщика к данному классу является значение коэффициента $K5$ на уровне, установленном не ниже, чем для 2-го класса кредитоспособности;

— 3 класс кредитоспособности: значение S больше 2,35.

Далее определенный таким образом предварительный рейтинг корректируется с учетом других показателей и качественной оценки заемщика.

При отрицательном влиянии этих факторов рейтинг может быть снижен на один класс.

На первом этапе проведем оценку кредитоспособности ООО НПФ «ПермХимПродукт» по методике анализа кредитоспособности, рекомендуемой ЦБ РФ. Результаты расчета представлены в таблице 5.

Из таблицы видно, что по методике ЦБ РФ ООО НПФ «ПермХимПродукт» имеет очень плохое финансовое состояние заемщика, следовательно, для того чтобы получить кредиты в дальнейшем, необходимо улучшить финансовое состояние предприятия.

На втором этапе проведем оценку кредитоспособности ООО НПФ «ПермХимПродукт» по методике Сбербанка России. Результаты расчета основных показателей представлены в таблице 6.

Исходя из данных таблицы 6, исследуемое предприятие можно отнести ко второму классу заемщика. При этом следует отметить, что было соблюдено обязательное условие отнесения заемщика к данному классу (коэффициент $K5$ на уровне, установленном не ниже, чем для 2-го класса кредитоспособности). Расчет дополнительных показателей представлен в таблице 7.

Таблица 5

Оценка кредитоспособности ООО НПФ «ПермХимПродукт» по методике анализа кредитоспособности, рекомендуемой ЦБ РФ

Показатели	Значение		Балл	
	2013	2014	2013	2014
Коэффициент финансового рычага	1,505	2,003	0	1
Коэффициент финансовой зависимости	2,504	3,003	1	1
Коэффициент текущей ликвидности	1,339	1,36	3	3
Коэффициент абсолютной ликвидности	0,001	0,056	0	0
Оборачиваемость дебиторской задолженности	7,793	9,207	8	8
Оборачиваемость кредиторской задолженности	1,518	1,685	6	6
Оборачиваемость запасов	1,23	1,454	6	6
Норма валовой прибыли	0,032	0,659	0	1
Норма чистой прибыли	0,004	0,579	0	2
Коэффициент процентного покрытия	4,244	9,302	12	25
Рентабельность капитала	0,009	1,661	0	4
Фондоотдача	0,099	0,292	2	6
Итоговый балл			38	63
Оценка финансового состояния заемщика			Очень плохое	Очень плохое

Таблица 6

Основные оценочные показатели

№	Показатель	2014 год	
		На начало периода	На конец периода
1	Коэффициент абсолютной ликвидности К1	0,001	0,056
		3	2
2	Промежуточный коэффициент покрытия К2	0,018	0,063
		3	3
3	Коэффициент текущей ликвидности К3	1,339	1,36
		2	2
4	Коэффициент наличия собственных средств К4	0,399	0,333
		2	2
5	Рентабельность продукции К5	0,02	0,028
		2	2
6	Рентабельность деятельности К6	0,000	0,006
		2	2
	Сумма баллов	2,15	2,1
	Класс заемщика	2	2

Таблица 7

Дополнительные оценочные показатели

№	Показатель	2014 год	
		На начало периода	На конец периода
1	Оборачиваемость оборотных активов, дн.	296	342
2	Оборачиваемость дебиторской задолженности, дн.	25	57
3	Оборачиваемость запасов, дн.	266	270
4	Рентабельность вложений в предприятие	0,03%	0,60%
5	Собственный оборотный капитал	10327	14752

Анализ данных таблицы 7 свидетельствует о том, что имеются положительные тенденции в изменениях всех дополнительных показателей. Исходя из методики оценки Сбербанка России, предварительный рейтинг необходимо корректировать с учетом дополнительных оценочных показателей. Учитывая положительную динамику показателей, представленных в таблице 7, и то, что сумма баллов более близка к третьему классу, чем к первому, необходимо определить кредитоспособность ко второму

классу. Таким образом, по методике оценки Сбербанка России кредитование предприятия требует взвешенного подхода.

Литература

1. *Беляков А. В.* Банковские риски: проблемы учета, управления и регулирования / А. В. Беляков. — М.: БДЦ. — 2012. — 154 с.
2. *Глазов М. М.* Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности пред-

приятя: Учебник / М.М. Глазов. — Андреевский издательский дом, 2012. — 461 с.

3. Глушкова Н.Б. Банковское дело / Н.Б. Глушкова. — 3-е изд. — М.: Академический Проект, 2013. — 391 с.

4. Ендовицкий Д.А. Анализ и оценка кредитоспособности заемщика: учебно-практи-

ческое пособие / Д.А. Ендовицкий, И.В. Бочарова. — 2-е изд. — М.: КНОРУС, 2008.

5. Когденко В.Г. Экономический анализ: учебное пособие / В.Г. Когденко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2009. — 392 с.

Поступила в редакцию

21 мая 2017 г.

Усман Саура Сухейл — аспирантка Тульского государственного университета.

Osman Thaura Souhail — postgraduate Student of Tula State University.

300028, г. Тула, Оружейная ул., 15
15 Oruzkheynaya st., 300028, Tula, Russia
Тел.: 8 (999) 781-63-00; e-mail: thauraosman@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.4.051

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ¹

© 2017 г. А. В. Денисова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются основные задачи и принципы языковой политики в современном мире и в России, которые определены основными потребностями в языковой компетенции, социокультурными и правовыми условиями функционирования языков. Доминирующий тренд языковой политики в современных экономически развитых странах мира — обеспечение равноправия языков. Эта направленность языковой политики характерна также России. Однако, анализ языковых предпочтений молодежи в трех регионах Юга России, отличающихся по этнокультурному составу населения, показывает, что реализация такой политики требует не только правового обеспечения, но активных инвестиций в эту сферу. Сравнительный анализ языковых предпочтений молодежи в Астраханской, Ростовской областях и Республики Калмыкия свидетельствует об ориентации молодежи наряду с русским языком на освоение иностранного языка в большей степени, чем на освоение национального языка.

Ключевые слова: языковая политика; культурная идентичность; равноправие языков; двуязычие; национальный язык.

The article investigates key goals and fundamentals of language policy in modern world and in Russia that are defined by the main needs in linguistic competence, socio-cultural and legal conditions necessary for languages to function. The prevailing trend in language policy in modern developed countries is providing language equality. This focus of language policy is typical for Russia as well. Nevertheless, analysis of the linguistic preferences of the youth in three Southern Russian regions demonstrates that implementation of such a policy requires not only enforceability but also sufficient investment. Comparative analysis of the linguistic preferences of the youth in Astrakhan region, Rostov region and the Republic of Kalmykia indicates that the youth are targeted at mastering the Russian language as well as a foreign language rather than their native languages.

Key words: language policy; cultural identity; language equality; bilingualism; native language.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Госзадания №28.4498.2017/РНИЦ.

Основные задачи и принципы языковой политики

Любое государство, ориентированное на достижение культурного и гражданского единства, обязательно проводит языковую политику, особенно, если государство сформировано обществом со сложным этнокультурным составом. В ее основе, по мнению признанного специалиста в этой сфере, В. М. Алпатова, — удовлетворение двух потребностей — идентичности и коммуникации [1]. Чаще всего в полиэтничном обществе проводится политика поддержки государством двуязычия (многоязычия). При этом один из языков распространен повсеместно, имеет статус государственного, другой язык (языки) имеет статус регионального. По мнению В. А. Тишкова, «язык и языковая политика могут быть причиной межэтнической, социальной и иной напряженности и даже открытых конфликтов, а адекватная языковая политика — одно из условий обеспечения национальной безопасности государств со сложным (в том числе многоязычным) составом населения» [2], поэтому обеспечение пространства и условий функционирования языка (языков) — зона особой ответственности государства.

Государство использует язык для решения проблем управления обществом. Административное запрещение негосударственных языков для достижения культурной гомогенности может вызвать обратный эффект, когда культурное сообщество будет всячески поддерживать его функционирование. Язык при этом может стать символом борьбы за поддержание культурной идентичности и инструментом культурного раскола общества. Но верно и обратное — создание благоприятных условий для развития языкового многообразия и государственной поддержки языков тоже может вызвать культурный раскол общества. Опыт языковой политики СССР, направленной на утверждение равенства языков, когда были предприняты масштабные меры, направленные на создание письменности для языков многих народов, распространение национальных школ, преодоление неграмотности на основе собственного этнического языка и пр., в долгосрочной перспективе (уже в 90-е годы) имел негативный результат — раскол государства по этноязыковому основанию [3].

Языковая политика современных развитых государств направлена на расширение сферы функционирования языка меньшинств (часто — иммигрантских) и утверждение практик многоязычия. Такой подход в языковой политике был обусловлен процессом глобализации. Он сопровождался одновременно ростом потребности в универсальном языке коммуникации, в качестве которого выступил английский язык, и ростом потребности в сохранении идентичности, что требовало от государств создания условий для поддержания языков этнических мигрантов.

В России в постсоветский период также была реализована эта стратегия. Но она была вызвана не ростом миграции, а процессами суверенизации народов в республиках России. По переписи населения 2010 г. жители России владеют 230 языками, из которых 170 — это языки российских национальностей, т.е. Россия является исторической территорией их происхождения. Такая ситуация обуславливает проведение государством взвешенной языковой политики. В постсоветский период 35 языков по региональным законодательствам обрели статус официальных языков в административных границах республик РФ. Первоначально такая языковая политика в республиках РФ сопровождалась переходом начальной школы на национальные языки обучения, сужением в ряде республик (особенно в республиках Северного Кавказа, активно терявших русское население) сферы функционирования русского языка. Представители национально ориентированной интеллигенции в республиках России возлагала надежды на развитие национально-английского двуязычия с вытеснением русского языка по образцу ряда новых республик, возникших на постсоветском пространстве (республик Прибалтики, Грузии, Азербайджана) [4]. Однако уже с конца 90-х годов наблюдается стабилизация языковой ситуации в регионах России, которая проявилась в укреплении позиций русского языка и национальных языков «титულных» народов в республиках России, расширении сферы образовательной подготовки по английскому и другим иностранным языкам.

Государственная политика России в сфере языка призвана обеспечить равноправие функционирования языков. Но, как

подчеркивают специалисты в сфере межкультурных отношений, равноправие языков не тождественно их равенству. Статус языка обуславливает не только степень его распространения, но и его вклад в развитие мировой культуры (созданным на нем культурным капиталом), а также ролью в международных коммуникациях (статус языка международного общения).

По мере укрепления политической системы современной России и стабилизации языковой ситуации ярко проявилась тенденция международного соперничества, а также возникла ситуация информационной войны, участником которой стала Россия. Эти тенденции захватили и сферу языков. В этом глобальном контексте, как отмечает В. А. Тишков, русский язык приобрел новую функцию по отношению к малым языкам России — он стал «... защитным барьером для малых языков, носители которых овладевают русским, а не английским языком в качестве второго языка, оставаясь в родной (!) языковой среде со своими соплеменниками, которые также им владеют» [2]. Реальное функционирование языков в России свидетельствует о развитых формах двуязычия, а среди малочисленных народов достаточно часто встречается трехязычие (например, среди народов Дагестана) [5].

В регионах России, основное большинство населения которых является русскими, также реализуются такие принципы языковой политики, как равноправие языков, обеспечение языкового единства общества на основе русского языка (государственного), обеспечение права граждан на сохранение этнического языка. Они воплощены в Конституции РФ и в Законе Об образовании. В 2007 г. в него была внесена Поправка №309, которая передала право школе самостоятельно определять вариативный компонент образования [6]. Языковое образование (в том числе обучение национальным языкам) за исключением федерального стандарта по русскому и иностранному языкам было отнесено к вариативному компоненту. По оценкам экспертов, принятая Поправка направлена на передачу права принимать решение относительно объемов этого компонента на уровень школы, т.е. непосредственным участникам образовательного про-

цесса. Вместе с тем введение единого государственного экзамена по русскому языку и его значение для поступления в вузы определяет интерес учителей и родителей — они переориентируются на обучение ученика (ребенка) в первую очередь русскому языку.

Выборка и территории социологического опроса

На выявление основных проблем языкового образования был направлен социологический опрос, который проводился во всех регионах Южного федерального округа в мае 2017 г. Опрос носил пилотный характер с квотной выборкой: в каждом субъекте, расположенном в ЮФО, опрашивалось равное количество учащихся 10-х классов школ и студентов (по 150 человек), 180 экспертов (100 учителей, 50 преподавателей вузов, 30 представителей управления, руководителей национальных НКО). Общие тенденции языкового образования выявляются при сравнении отличающихся в этническом отношении регионов. Так, Ростовская область является регионом с преимущественно русским населением (89,4%) с небольшим заметным вкраплением украинцев (2,7%) и армян (2,5%). В Астраханской области этнический фактор более заметен: здесь русские составляют 67,6%, казахи — 16,3%, татары — 6,6%. В Республике Калмыкия численно доминируют калмыки (57,4%), вторую по численности этническую группу составляют русские (30,2%). В каждом из регионов этнические группы имеют компактные расселения в тех или иных сельских районах, что создает определенную языковую среду.

В каждом регионе опроса учащиеся (150 респондентов 10-х классов) представляли образовательные учреждения сельских и городских территорий, отличающиеся структурой языкового образования: в выборку попали школы со стандартным преподаванием русского и иностранных языков, школы, специализирующиеся на преподавании иностранного языка, и с преподаванием национального языка. Студенческая часть выборки в каждом регионе опроса (всего по 150 чел.) представлена студентами разных структурных подразделений университетов, технологических университетов, отделений иностранных языков и национального образования.

Языковые предпочтения молодежи

Основное большинство экспертов Ростовской области указали на отсутствие преподавания национальных языков в системе образовательных организаций. Только 2% экспертов отметили наличие национального языка в основной программе, 4% — среди дисциплин по выбору. Национальный язык (армянский) преподается на начальной и основной ступенях школы (об этом заявили по 3,7% экспертов), немного меньше (2,5%) указали на его наличие на ступени средней школы. В формате факультативного изучения национальный язык преподается значительно шире. Никаких препятствий для преподавания национальных языков экспертное сообщество не видит, но обучение национальным языкам обычно осуществляется в системе дополнительного образования и большей частью — вне рамок государственных образовательных организаций.

Все ростовские учащиеся изучали в школе русский и иностранный язык, а примерно 14% из них — два иностранных языка. Примерно половина респондентов (47,3%) выбрали бы стандартную модель изучения русского языка (в рамках федерального стандарта общеобразовательной школы), но такая же часть — 49,3% — ориентирована на его углубленное или дополнительное изучение. Несколько иначе распределились ответы учащихся и студентов на вопрос о модели обучения иностранному языку. Здесь примерно равные группы, ориентированные на стандартное и углубленное изучение, составили 34,0% и 36,7% соответственно. Небольшая группа (5,3%) высказалась в пользу модели обучения на иностранном языке; группа, которая предпочла бы отказаться от его осво-

ения, — 11,3%; и такая же группа (11,7%) ориентируется только на общее знакомство с иностранным языком. Укрупняя полученный результат, можно выделить группы, ориентированные на изучение иностранного в стандартном варианте (34%), углубленном (42%), и уклоняющиеся от его изучения (23%) (табл. 1).

Примерно такая же ситуация с языковым образованием в Астраханской области. Здесь в части образовательных организаций изучают татарский и казахский языки. Только незначительная часть экспертов (17,2% от всего массива) указали на то, что в их организациях национальный язык преподается в рамках основной программы. При этом большинство из этой группы указали на то, что он преподается на начальной ступени школы (9,9%), еще четверть — на основной ступени школы и 2,8% — в вузе.

Численно близкая группа (30 чел.) отметила преподавание национального языка в качестве факультатива: 6,1% — на основной ступени, 8,3% — в вузе. Эти позиции свидетельствуют о том, что в большинстве учебных организаций, где преподается национальный язык, он в рамках основной программы включен в начальную школу, в меньшей степени представлен на ступени основной школы, но на этой ступени большей частью национальный язык преподается в качестве факультатива (дисциплины по выбору). В вузе в рамках основной программы он читается на специальных педагогических факультетах, и здесь ведется также и в качестве дисциплины по выбору.

В Астраханской области все учащиеся и студенты изучали русский язык, 96,7% — иностранные языки, но еще треть (34,3%) —

Таблица 1

Предпочтения в языковом образовании молодежи Ростовской области (N = 300 чел., в %)

Форма обучения	Русский	Иностранный	Национальный
Без этого языка	—	11,3	75,3
Только общее знакомство	—	11,7	10,7
Стандартное изучение	47,3	34	9,3
Углубленное изучение	49,3	36,7	3,7
Обучение на этом языке	—	5,3	0,3

национальные языки. Молодежь предпочитает разные модели изучения этих языков: больше половины ориентировано на углубленное изучение русского языка, еще 37% — на федеральный образовательный стандарт. Больше разнообразие выборов молодежи демонстрирует относительно изучения иностранных языков: от отказа от его изучения до углубленного освоения. По отношению к изучению национального языка учащиеся и студенты региона неравномерно распределились на 4 позиции, но число желающих познакомиться или освоить национальный язык в Астраханской области заметно больше (табл. 2).

Иное отношение молодежи к освоению возможного спектра языков в Республике Калмыкия. Национальный язык (калмыцкий) здесь находится под патронажем республиканского правительства, которое финансирует подготовку учительских кадров, выпуск учебной литературы, проводит популяризацию языка, ввело ЕГЭ по калмыцкому языку [7]. Продвижение калмыцкого языка в масс-медиа, расширение сферы его функционирования являются государственной

политикой Правительства Калмыкии. В системе образования преподавание калмыцкого языка реализуется как предмет в рамках основной программы и в качестве факультатива. Объем этих вариантов различается в зависимости от ступени образования. Так, 35,6% экспертов указали преподавание национального языка в основной программе на начальной ступени, 47,8% — на основной ступени, 33,9% — на ступени средней школы (или начального профессионального образования), в вузе — 20%. Кроме этого, на всех ступенях образования национальный язык преподается еще и в качестве факультатива. На факультативную форму преподавания национального языка в начальной школе указали 10,6% экспертов, на основной ступени — 21,7%, на средней ступени — 10% и в вузе — 16,7%. Иными словами, Республика Калмыкия демонстрирует образец расширения пространства и возможностей в обучении национальному языку.

В этих культурных условиях молодежь ориентирована на изучение национального языка. Следует отметить также, что обуче-

Таблица 2

**Предпочтения в языковом образовании молодежи Астраханской области
(N = 300 чел., в %)**

Форма обучения	Русский	Иностранный	Национальный
Без этого языка	—	4,3	38,7
Только общее знакомство	—	10,7	17,7
Стандартное изучение	37,3	26,3	26,3
Углубленное изучение	58,7	45,3	15
Обучение на этом языке	—	12,7	2,3

Таблица 3

**Предпочтения в языковом образовании молодежи Республики Калмыкия
(N = 300 чел., в %)**

Форма обучения	Русский	Иностранный	Национальный
Без этого языка	—	8,8	16,9
Только общее знакомство	—	12,4	15
Стандартное изучение	57	35,5	38,4
Углубленное изучение	38,4	34,5	24,4
Обучение на этом языке	—	6,5	3,3

ние русскому языку указали только 66,1% калмыцкой молодежи — ниже, чем обучение иностранному языку (97,1%), при этом на свое освоение языков народов России указали 30,3%. Сравнение отношения молодежи к изучению русского, иностранного и национального (калмыцкого) языков свидетельствует о примерно равных позициях иностранного и национального языков в представлениях молодежи (табл. 3).

Однако, по оценке специалистов, Правительству республики пока не удалось кардинально изменить ситуацию и обеспечить высокий уровень мотивации молодежи на освоение калмыцкого языка. Так, Л.В. Намруева, опираясь на многолетние этносоциологические исследования, показывает уровень языковой компетенции молодежи в калмыцком. В опросе 2013 г. только 9,3% респондентов указали на свободное владение калмыцким (свободно общаюсь и думаю на калмыцком); около 30% указали на то, что понимают калмыцкий, но разговаривают с трудом; 20,3% — с трудом понимают и разговаривают [8].

Выводы

Проведенный анализ показывает, что создание государством правового пространства для равноправного функционирования языков России не выступает гарантом сохранения и развития языков этнокультурных меньшинств. В условиях возможности выбора модели языкового образования молодежь ориентируется на прагматические задачи, поэтому в качестве второго языка (наряду с обязательным русским) предпочтения отдаются иностранным языкам.

Сравнительный анализ языковых предпочтений в разных регионах Юга России показывает, что уровень популярности национального языка среди молодежи находится в прямой зависимости от степени полиэтничности социальной среды региона и административного понуждения к его освоению.

Вместе с тем при государственной поддержке обучения национальным языкам

(его продвижения в масс-медиа, подготовки кадров, проведения различных увлекательных для молодежи мероприятий и досуговых практик на основе национального языка и др., расширения сфер его функционирования) интерес к освоению национального языка возрастает.

Литература

1. Алтатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // *Comparative politics* — 2013. — №2 (12).
2. Тишков В.А. Языки нации // *Вестник российской академии наук*. — 2016. — Т. 86. — №4.
3. Алтатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М., 2000.
4. Губогло М.Н. Мобилизованный лингвизм. — М.: ИЭА РАН, 1994.
5. Тишков В.А., Кисриев Э.Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // *Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции* / Под ред. Е.И. Филипповой. — М.: ФГНУ «Ростинформгрупп», 2008.
6. Федеральный закон №309-ФЗ от 1.12.2007 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта».
7. Денисова А.В. Языковая ситуация в Республике Калмыкия // *Теория и практика общественного развития*. [Электронный ресурс] — 2015. — №24. — Режим доступа: http://teoriapRACTICA.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/24/sociology/denisova-g.pdf.
8. Намруева Л.В. Этническая социализация молодежи Республики Калмыкия (анализ 2000–2010 гг.). — Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2015.

Денисова Анастасия Валерьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Denisova Anastasia Valeryevna — candidate of sociological Sciences, Senior Lecturer of the Department of English Language for Humanities of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 B. Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (928) 137-84-13; e-mail: avdenisova@sfedu.ru

УДК 316.33

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ СЕМЬИ В XX ВЕКЕ И ПОНЯТИИ «СЕМЬЯ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

© 2017 г. Л. С. Николаева, Т. Е. Устинова, Е. Н. Яцкая

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассматриваются некоторые тенденции изменения семьи в XX в. и понятие «семья» в социально-гуманитарных науках, т.к. семья является предметом исследования многих общественных наук: социологии, демографии, социальной философии, педагогики, социальной психологии и ряда других.

Ключевые слова: семья; брак; неблагополучная семья; тенденции изменений семьи; фундаментальные сдвиги; социальная адаптация; понятие «семьи» в общественных науках; нормативная модель семьи.

The article discusses some trends in families in the twentieth century and the concept of «family» in socio-humanitarian Sciences, because the family is the subject of many social Sciences: sociology, demography, social philosophy, pedagogics, social psychology and several others.

Key words: family; marriage; dysfunctional family; the changes in the family; fundamental changes; social adaptation; the concept of «family» in the social Sciences; normative family model.

Общественно-политические кризисные явления стали причиной серьезных социальных потерь, затронувших большинство российских семей. В наиболее сложном положении оказались семьи с инвалидами, неполные и многодетные семьи. Бедственное положение указанных семей является следствием экономических проблем в стране (низкая заработная плата, безработица, иждивенческая нагрузка в семье), а также таких социальных проблем, как нетрудоспособность. Количество семей, стоящих за чертой бедности, значительно увеличилось. Особую тревогу вызывает рост числа семей со среднедушевым доходом ниже половины величины установленного среднестатистического прожиточного минимума.

Годы преобразований нарушили неустойчивый баланс социального и психического, и это мгновенно обнажило отсутствие подлинно демократических институтов защиты семьи. Оказалось, что декларация о правах инвалидов, детей, стариков, женщин, завере-

ния в обеспечении человека работой и жилищем — всего лишь идеологические версии, не имеющие твердой законодательной базы, экономического и организационного обеспечения. Со всей очевидностью проявилось бессилие системы социальной защиты граждан и семьи. Выявилась ограниченность функций, узость сферы деятельности и неэффективность институтов охраны здоровья, материнства, детства.

В условиях экономического кризиса социальная защита и поддержка многих семей, включая и неблагополучные семьи, остается неэффективной. Возникла проблема объективного и критического анализа, положения и перспектив развития семьи. Только при наличии всесторонней и обдуманной информации о состоянии семей в России возможно определить объемы изменений в семье.

Среди тенденций изменений, переживаемых семьей, есть очевидные, легко улавливаемые статистикой. Доктор экономических наук А. Г. Вишневецкий относит к числу важнейших

следующие: «раскрестьянивание» семьи, рост доли городских семей, уменьшение среднего размера семьи, изменение состава семьи, изменение в брачной биографии, изменение в прокреативной биографии женщин, разделение существующих семей [1].

Российские ученые-семьеведы утверждают, что на изменения в структуре и функциях семьи в XX веке решающее влияние оказали два фундаментальных сдвига. Первый из них — громадный рост эффективной хозяйственной деятельности человека вследствие перехода к промышленной экономике, ее резко возросшее отраслевое разнообразие и связанное с этим небывалое прежде разделение труда. Производственная деятельность членов большинства семей — сначала мужчин, а затем во все возрастающей степени и женщин — переместилась за пределы семьи, отделилась от семейной жизни в пространстве и времени.

Второй фундаментальный сдвиг произошел в нашей стране после Октябрьской революции. Он выразился в громадном росте демографической эффективности. Объективные исторические процессы, обусловившие изменения семьи XX века, сегодня в России усугубляются экономическими проблемами и отражают некоторые тенденции, изменения семьи. Не уменьшается число детей-сирот, детей, воспитывающихся в семье без матери или отца, растет количество детей, рожденных вне брака. Показатели здоровья женщин-матерей и детей являются чрезвычайно неблагополучными. Все большую напряженность приобретает проблема детской инвалидности. Практически все семьи с детьми-инвалидами нуждаются в различных видах материальной, психологической и юридической помощи. Большинство инвалидов не имеют возможности вести полноценную и активную жизнь. Высоки детская смертность, смертность мужчин трудоспособного возраста. Структура смертности неблагоприятна в целом. Первое место занимает гибель людей от сердечнососудистых заболеваний и травм. Распространяются асоциальные отношения в семьях, продолжается рост преступности и правонарушений подростков. Растет число лиц, злоупотребляющих алкоголем, наркоманов и токсикоманов. Семейное и социальное неблагополучие ведет к росту

случаев жесткого обращения с детьми, психических стрессов, самоубийств. Крайне затруднена социальная адаптация в обществе людей, вернувшихся из мест лишения свободы, выпускников детских домов и школ-интернатов, лиц без определенного места жительства и других неблагоприятных категорий. В обществе увеличивается количество неблагополучных семей.

На наш взгляд, полное преодоление глубочайшего кризиса, в который ввергнуто население России, лежит в перспективе на путях коренного социально-экономического и духовно-нравственного оздоровления общества, а сегодня — в развитии социальной работы, в оказании конкретных видов социальной помощи семьям и отдельным лицам в преодолении временных трудностей.

Несмотря на существенные проблемы и недостатки до внедрения социальной работы в стране до 1991 г. Россия, одна из трех крупнейших стран мира, не имела государственной социальной службы помощи семье, и сегодня есть серьезные предпосылки ее активного обновления. К таковым относятся глубокие корни и традиции милосердного отношения человека к человеку, опыт благотворительности, накопленный на Руси нашими предшественниками. В представлении русской цивилизации духовность — не умогнательное мудрствование, а прежде всего высокое нравственное чувство высшей справедливости: жить по душе, достойно, не гнаться за наживой, богатством, испытывая жадность к деньгам, вещам.

Семья — многослойное социальное образование. Она сочетает в себе свойства института и малой группы, социальной организации, социальной структуры, ее изучение позволяет лучше понять процессы социального контроля, социальной мобильности, социальной адаптации, миграции и демографических изменений. Важность изучения семьи, помимо собственно содержательного изучения ее многофункциональности, поддерживается познавательным интересом к ее уникальной посреднической роли в социальной коммуникации в силу ее социокультурной природы как феномена, находящегося на пересечении социальных структур при любом конструировании социума и на границе макро- и микроанализа. Семья обладает

способностью реализовывать функции социальных процессов на результаты социального поведения микросреды и позволяет выводить из эмпирически исследуемых фактов события и тенденции глобального характера.

Семья является предметом исследования многих социально-гуманитарных наук: социологии, демографии, философии, социальной философии, педагогики, социальной психологии, права, этнографии и ряда других. Каждая из них стремится дать определение семьи и ее функций. Семья — очень сложный объект исследования, удовлетворяющий личные, семейные и общественные нужды. Возможно, именно поэтому социологи, занимающиеся исследованиями семьи, определяя ее, дают разные дефиниции. Так, Н. Дж. Смелзер считает, что под семьей обычно понимается «основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме» [8]. П. А. Сорокин в «Системе социологии» отмечает: «Под семьей мы понимаем (применительно к современному населению) легальный союз (часто пожизненный) супругов, с одной стороны, союз родителей и детей с другой, союз родственников и свойственников с третьей» [9]. Наиболее популярная в советской социологии 60–80-х годов дефиниция семьи принадлежит А. Г. Харчеву: «... семью можно определить как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, в которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [11]. Хотя другой российский ученый С. И. Голод находит это определение расплывчатым и перегруженным, и с ним можно согласиться. При этом сам С. И. Голод «склонен рассматривать семью как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» [2].

С социологией семьи наиболее тесно связана демография, которая анализирует се-

мейную структуру населения во взаимосвязи с половозрастной структурой, используя данные демографической статистики о размере и составе семьи, распространенности тех или иных семейных структур, о тенденциях брачности, детности, разводимости. Демография семьи обобщает факты формирования, функционирования и распада семейно-родственных групп, тогда как социология семьи наряду с исследованием эффективности выполнения семьей репродуктивной функции выявляет эффективность социализации (воспитания — содержания — обучения) детей в семье, подготовки поколений к принятию ролей взрослого человека, его социальных позиций и статусов.

Экономисты, как отмечает А. И. Кравченко, первоначально исходя из определения семьи, даваемого социологами, добавили в него свои аспекты. По их мнению, «семья — это группа лиц, живущих вместе на одной жилой площади, ведущих совместное хозяйство и находящихся в отношениях родства, брака или опекунов. Хотя ведение совместного хозяйства — это признак не семьи, а домохозяйства» [4]. Домохозяйством исследователи считают и отдельного человека, и семью, и группу людей, совместно живущих и питающихся, но не обязательно имеющих родственные отношения. Для примера домохозяйством можно назвать группу из нескольких студентов, живущих в одной квартире. Таким образом, если социологи делают акцент на родстве, то экономисты — на хозяйстве (и совместном бюджете). Принципиальное отличие понятия «домохозяйство» от понятия «семья» состоит в том, что домохозяйство шире по своему составу за счет лиц, ведущих общее с семьей домашнее хозяйство, но не состоящих с членами семьи в родственных связях [5].

Ученые, занимающиеся социальной культурологией, указывают на другие моменты. Так, Б. С. Ерасов в своем труде отмечает, что «первичной синкретичной ячейкой социализации является семья, в которой родители и все взрослые члены, так или иначе, вводят подрастающее поколение в круг культурных норм, смыслов, знаний и ценностей» [3]. Это определение, на наш взгляд, показывает, что семья организует и координирует деятельность человека, направляет ее, без чего эта

деятельность приобрела бы разрозненный, непоследовательный и неустойчивый характер.

В современной социальной философии С. Д. Лаптенко полагает, что «семья — основанное на браке или кровнородственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью; первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей» [6]. Из приведенных определений можно выделить общие черты (брак, кровное родство), но, как было нами отмечено выше, существуют и определенные различия, связанные со специфическими особенностями каждой из наук, а также с субъективным, личностным взглядом на семью самих исследователей. Сегодня общепринятым является следующее определение семьи. «Семья — это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью» [5].

Нормативная модель семьи, на наш взгляд, это семья, которая выполняет в полном объеме все свои функции. Н. А. Чистяков дает следующее определение семьи: «Семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родства и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержания существования членов семьи. Лишь наличие триединого отношения супружества-родительства-родства позволяет говорить о конструировании семьи как таковой в ее строгой форме» [12]. С понятием «семья» тесно связано понятие «брак», но в основе этих понятий есть немало особенного, специфического. Брак — это необходимое условие существования семьи, хотя далеко не всегда достаточное, т.е. нельзя не назвать семьей совместно проживающие пары, не состоящие в браке и имеющие детей, овдовевших супругов с малолетними детьми, и так называемые «материнские» семьи.

Учеными доказано, что брак и семья возникли в разные исторические периоды. А. Г. Харчев определяет брак «как исторически меняющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной, посред-

ством которой общество упорядочивает и санкционирует их половую жизнь и устанавливает их супружеские и родительские права и обязанности» [11]. В данном определении ключевыми моментами для понятия сущности брака являются представления об изменчивости форм брака, его социальной репрезентации и роли общества в его упорядочивании и санкционировании, правовом регулировании (например, в разных обществах устанавливается разный возраст вступления в брак).

По мнению А. Г. Харчева, семья представляет собой более сложную систему отношений, чем брак, поскольку она, как правило, включает в себя не только супругов, но и их детей, а также других родственников или просто близких супругам и необходимых им людей [11].

В «Философском энциклопедическом словаре» под редакцией С. С. Аверинцева, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичева и др. дается следующее определение семьи: «Семья, основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью, отношением между мужем и женой, родителями и детьми» [7]. «Семья как социальный институт взаимодействует со всеми общественными сферами (экономика, политика, право, духовная культура, мораль и др.), изменяется под влиянием общественно-экономического процесса; в то же время ее развитие обладает относительной самостоятельностью» [10].

Таким образом, семья определяется как исторически конкретная общность людей, члены которой связаны браком и (или) родственными отношениями или отношениями свойства, или отношениями усыновления, общностью быта, эмоциональной связью, юридическими и моральными обязательствами по отношению друг к другу. Необходимо подчеркнуть то, что семья является общностью людей, основанной на любви, доверии, взаимопомощи и безусловной поддержке. Семья порождает первичную глубокую социальность, которая потом воплощается и усложняется в социальных связях, что объединяет индивидов в общество. Судьбы семьи и общества взаимосвязаны, а их функции взаимодополняемы.

Литература

1. Вишневский А. Г. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. — М., 1992. — 265 с.
2. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998. — 217 с.
3. Ерасов Б. С. Социальная культурология. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 591 с.
4. Кравченко А. И. Социология. — Екатеринбург: Деловая книга, 1998. — 384 с.
5. Кравченко А. И. Социология. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. — 536 с.
6. Лантенюк С. Д. Семья // Новейший философский словарь. — Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. — С. 609–610.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3. — С. 27.
8. Смелзер Н. Дж. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.
9. Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. — М.: Наука, 1993. — Т. 1. — 447 с., Т. 2. — 688 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. — 2-е изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 815 с.
11. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. — М.: Мысль. — С. 367.
12. Чистяков Н. А. Сущность, структура и функции семьи // Социология / Отв. ред. П. Д. Павленок. — М., 2002. — С. 311.

Поступила в редакцию

22 августа 2017 г.

Николаева Людмила Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Nikolayeva Lyudmila Sergeyevna — Doctor of Philosophy, professor of Department of history, philosophy and social technologies of NovoCherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
 111 Pushkinskaya st., 346409, NovoCherkassk, Russia
 Тел.: +7 (8635) 22-30-35; e-mail: kaf.istor@yandex.ru

Устинова Татьяна Евгеньевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Ustinova Tatyana Evgenyevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (904) 348-30-80; e-mail: usttatevg@mail.ru

Яцкая Екатерина Николаевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Yatskaya Ekaterina Nikolaevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (909) 426-63-65; e-mail: katj132@rambler.ru

УДК 316.7

**ШКОЛА КАК КАНАЛ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО
И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО КОМПОНЕНТОВ¹**

© 2017 г. Ю. С. Панфилова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Конструирование общероссийской идентичности определено как проективная задача школы, что находит отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования и в первую очередь достигается через преподавание истории, обществознания, русского языка и литературы. Обращение к этим документам, работам, посвященным методике преподавания указанных предметов, а также результатам социологических исследований структуры идентичности российских школьников позволяет говорить о том, что на сегодняшний день идентификационная деятельность школы сконцентрирована на формировании патриотизма и общероссийской идентичности в ее политико-юридическом понимании. Гражданско-правовой компонент в общей структуре идентичности при этом остается слабосформированным: гражданские права в большинстве случаев не переходят из знаниевого в аксиологический и деятельностный компоненты социальных практик школьников.

Ключевые слова: общероссийская идентичность; система общего образования РФ; национально-государственный компонент идентичности; патриотизм; гражданско-правовой компонент идентичности; деятельностный компонент социальных практик.

Construction of Russian national identity defined as a projective task of the school, as reflected in the Federal state educational standards of General education and is primarily achieved through the teaching of history, social science, Russian language and literature. The treatment of these documents, the works devoted to methods of teaching, as well as the results of sociological research of the structure of identity of Russian students suggests that to date, the identification activities of the school focused on patriotism and national identity in its political and legal understanding. Civil legal component in the overall structure of identity, however, remains poorly formed: civil rights in most cases, not moving from knowledge in the axiological and activity components of social practices of students.

Key words: Russian national identity; the General education system of the Russian Federation; national and state component of identity; patriotism; civil component of identity; the activity component of social practices.

¹ Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Современные геополитические реалии определяют системе образования заказ на формирование общероссийской идентичности молодых граждан страны. Решение данной задачи определяется как одно из стратегических условий развития будущего российской государственности и предотвращения распада страны [4].

Данное направление внутренней политики нашло отражение в ряде программных документов. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. подчеркивается необходимость поддержки программ формирования единой российской гражданской нации и национально-государственной идентичности [12]. В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России «национальное самосознание (идентичность)» понимается как «разделяемое всеми гражданами представление о своей стране, ее народе, чувство принадлежности к своей стране и народу. Основу национальной идентичности составляют базовые национальные ценности и общая историческая судьба». Формирование национальной идентичности понимается как «формирование у личности представления о многонациональном народе Российской Федерации как о гражданской нации и воспитание патриотизма». При этом, если обратить внимание на определение гражданской идентичности, можно увидеть, что она также определяется через патриотизм и освоение культурных богатств страны и многонационального народа РФ, осознание единства народа и солидарность в судьбе России [13].

Федеральные стандарты основного и среднего общего образования закладывают данные позиции в число основных задач реализации обучения и воспитания в российских школах. Так, например, в Федеральном стандарте основного общего образования в числе направлений, на обеспечение которых он сориентирован, формирование российской гражданской идентичности обучающихся стоит на первом месте. В числе характеристик, составляющих портрет выпускника, видим следующие: «любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции»; «социально активный, уважа-

ющий закон и правопорядок, соизмеряющий свои поступки с нравственными ценностями, осознающий свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством» [20]. В пункте 9 «Личностные результаты освоения основной образовательной программы» находим определение российской гражданской идентичности через «патриотизм, уважение к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной» [20]. В число результатов основного общего образования также должно входить такое качество, как «готовность служения Отечеству, его защите». Аналогичные позиции указаны и в Федеральном стандарте среднего общего образования [21].

Данные акценты расставлены в первую очередь через преподавание истории, обществознания, русского языка и литературы. Так, в федеральном компоненте государственного стандарта по истории в число главных целей освоения дисциплины отнесено воспитание патриотизма [22], что актуализирует поиск его источников. В числе ведущих из них находятся ценности «славного прошлого», которые необходимо транслировать последующему поколению. При этом, как подчеркивает Г.С. Денисова, одним из ведущих принципов преподавания курса истории России на современном этапе становится акцент на объединяющей роли государства и активной поддержке обществом государственных инициатив. Преподавание истории XX в., обращает внимание автор, носит фрагментарный и двойственный характер и не получает определенной моральной оценки [7].

Наиболее развернутое отражение требования ФГОС к формированию общероссийской идентичности находит в курсе «Обществознание»: «формирование у обучающихся личностных представлений об основах российской гражданской идентичности, патриотизма» выделено в качестве основного предметного результата освоения этой дисциплины [22]. В числе прочих стандарт по обще-

ствознанию ориентирует на формирование правового компонента сознания личности, однако в целом он сводится к охране существующего правопорядка («формирование основ правосознания для соотнесения собственного поведения и поступков других людей с нравственными ценностями и нормами поведения, установленными законодательством Российской Федерации, убежденности в необходимости защищать правопорядок правовыми способами и средствами» [22]).

Анализ различных вариантов программ основного общего образования по обществознанию позволяет говорить о том, что отмеченные в федеральном компоненте акценты задают общее направление в изложении отдельных тем. Так, например, преобладающая часть раздела «Право» посвящается взаимоотношениям человека и государства, понятие гражданства рассматривается в первую очередь с упором на гражданские обязанности, отдельный большой подраздел посвящается правонарушениям и видам санкций [9, 15, 16]. Знакомство с литературой педагогической направленности, посвященной вопросам и методикам формирования идентичности на уроках обществознания, позволяет выделить основные направления работы с учениками, которые чаще всего также строятся вокруг понимания идентичности как причастности к сообществу граждан того или иного государства (целеполагание в интересах страны) и чувственном компоненте (любви к большой и малой Родине). При этом обращение к деятельностному компоненту социальных практик школьников также находит место, однако представлено значительно уже [2, 3].

Федеральные компоненты ФГОС по русскому языку и литературе в числе прочего также направлены на воспитание гражданственности и патриотизма [22]. Русский язык, как отмечено в концепции преподавания русского языка и литературы РФ, является «стержнем, вокруг которого формируется российская идентичность» и «фактором личной свободы гражданина» [14].

Обращение к статьям, в заглавии которых вынесена проблема формирования гражданской идентичности на уроках русского языка и литературы, выявляет акцент на эмоционально-чувственном компоненте самоидентификации (воспитание гражданственности

через «патриотизм» [10], «любовь к своей стране, преданность ей, осознанное желание и готовность встать на защиту Отечества по примеру своих предков» [17]). Эти позиции определяют соответствующий набор технологий работы с учащимися, основной из которых выступает подбор текстов, акцентирующих внимание на героизме, патриотизме, самопожертвовании героев («От произведения к произведению преподаватель имеет возможность показать учащимся, что героическое — это не отвлеченное понятие, а способность человека отдавать себя служению народу, готовность к этому»). При этом отдельно подчеркивается важность обращения к эпизодам военной истории России и их потенциал в формировании гражданской идентичности [17].

Таким образом, можно говорить о преобладающей в государственных образовательных стандартах ориентации на политико-юридическое понимание общероссийской идентичности, выделении в качестве приоритетной идентификации с российской нацией как единой политической, исторической, культурной общностью.

Результаты социологических исследований особенностей социальной самоидентификации студенческой молодежи и школьников последних лет позволяют говорить о том, что реализация заданных стандартом направлений формирования общегосударственной идентичности по ряду позиций происходит достаточно успешно: для современной молодежи в большинстве случаев характерно чувство сопричастности с Россией и ее гражданами (М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги [6], Е.К. Арутюнова [1], В.А. Тишков, Р.Э. Бараш, В.В. Степанов [19] и др.). В то же время, как отмечает Е.К. Арутюнова, это ощущение «сопричастности с согражданами» основано в первую очередь на принадлежности к общему государству [1], что заставляет задуматься о степени представленности гражданско-правового компонента в общей структуре идентичности.

По этой позиции перечисленные стандарты не раз становились объектом критики со стороны представителей научного сообщества и общественности. Ряд исследователей отмечают, что поле гражданского действия, направленного на способность «форми-

ровать повестку дня» и добиваться активной обратной связи с органами власти, в этих документах представлено несколько фрагментарно [18]. При этом общероссийская идентичность понимается преимущественно как государственно-гражданская, то есть в логике формирования нации-государства: основной объект идентификации — государственное образование Российской Федерации. Предметом критики стал и сделанный в стандартах акцент на гражданские обязанности и затушевывание прав личности, понимание общероссийской идентичности как двигателя поведения, направленного в первую очередь на служение государству, умение ставить в приоритет общественные интересы над частными [18].

Реализация заданных направлений в сочетании с патерналистскими практиками взаимодействия учителей и обучающихся происходят в условиях, характеризуемых Г. С. Денисовой как «либерализация информационного пространства» [7], которая выражается в наличии практически ничем неограниченного доступа к альтернативным точкам зрения на концепты идентичности, патриотизма, исторические события, многонациональность страны. Это приводит к тому, что у обучающихся формируются смешанные ценностные установки относительно своей идентификации, сферы практик взаимодействия человека и государства, а смысловое понимание патриотизма и общая политическая культура носят фрагментарный характер.

Подтверждение вышесказанному можно найти в результатах социологических исследований. Так, Т. В. Евгеньева и В. Д. Нечаев, основываясь на результатах 200 формализованных интервью (2014 г.), приходят к выводу, что система представлений и ценностей школьников, связанных с гражданской и общероссийской идентификацией, достаточно абстрактна, когнитивно бедна, стереотипизированна. Результаты интервьюирования выявили, что примерно каждый второй школьник достаточно полно осознает наличие таких субъектов, как государство и основные государственные институты, однако представленность гражданина и общества в этом ряду значительно уже. Вместо них, как отмечают авторы, присутствует обобщенный абстрактный конструкт — народ, причем этот

народ предстает преимущественно как «совокупность одинаковых безличных образов», которые не воспринимаются школьниками как самостоятельные политические акторы [8]. На этом фоне неудивительно, что деятельностный компонент идентичности представлен достаточно слабо: нежелание в будущем быть включенными в политический процесс, «отгораживание» себя от органов власти свидетельствуют о неготовности к социально-политической (гражданской) активности, несмотря на недовольство отдельными сферами жизни. Эмоциональная сторона общероссийской идентичности школьников, как показали результаты исследования, в целом является жестко поляризованной: доминируют крайние эмоциональные оценки; конструкты, включающие как положительные, так и отрицательные стороны образа страны и государства, встречаются очень редко. По мнению авторов исследования, основная причина этого кроется в преимущественно вербальном воздействии на школьников в процессе обучения и слабой направленности школы на развитие деятельностного компонента социальных практик [8].

Как было отмечено выше, концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и ФГОСы основного и среднего общего образования определяют гражданскую идентичность через патриотизм. В связи с этим интересно понять, какое ценностно-смысловое наполнение приобретает патриотизм в сознании школьников. Результаты отдельных исследований позволяют говорить о том, что доминируют эмоционально-чувственные характеристики. Так, по данным опроса школьников Пензенской области (2014–2015 гг.), 79% респондентов отмечают, что патриотизм — это «бескорыстная любовь и служение Родине, готовность к самопожертвованию ради ее блага или спасения». При этом, признавая, что защищать интересы Отечества — прямая обязанность патриота (86%), большинство респондентов (54,9%) сами очень редко принимали участие в мероприятиях патриотического или военно-патриотического характера за последние 2–3 года [23].

Г. С. Денисова и Д. Г. Валуев по итогам опроса школьников г. Ростова-на-Дону (2015 г.) также приходят к заключению, что характе-

ристики патриотизма в большинстве случаев смещены к полюсу «государственность» («бескорыстная любовь и служение государству» — 54,4%, «готовность к самопожертвованию для защиты государства» — 49,7%). Индикатором успешности исторического развития в коллективных представлениях школьников при этом является деятельность государственного лидера [7]. В то же время «закон» и «гражданские права» не формируются школой как ценностные и поведенческие компоненты, а остаются на уровне знаний [7], в результате чего мотивация на социальную активность сформирована на низком уровне.

К похожим выводам пришел исследовательский коллектив Южного федерального университета в ходе сравнения структуры идентичности абитуриентов вузов Ростовской области и Республики Кабардино-Балкария (2016 г.). Как показали результаты опроса, позиции, характеризующие рациональное, ответственное отношение к стране и ее будущему, не занимают в смысловой иерархии высоких мест («стремление трудиться для процветания Родины» — 28,5%, «аргументированная критика своего государства во имя блага человека» — 10,2%). Основой патриотизма при этом выступает эмоциональное отношение к государству — готовность к самопожертвованию для защиты государства (54,3%) и бескорыстная любовь и служение государству (44,2%) [11]. Результаты данного исследования фиксируют также распространенную среди абитуриентов ориентацию на закон и право как институты государственной организации, нарушение которых — нарушение государственного установления, что и требует наказания («репрессивная» функция закона) [11]. В числе прочего это связано с несформированностью у вчерашних школьников установок на активное изучение гражданских прав как феномена социальной деятельности. В сложившейся ситуации неудивительно, что результаты опроса говорят об отстраненности молодых людей от участия в политических процессах и о включении в различные формы социальной активности под общественным давлением [11].

В то же время даже в роли «транслятора знаний» о правах человека школа не сохраняет монополии: по данным мониторинга Цент-

ра гражданского образования и прав человека (2015 г., Пермская область) 80% школьников обращаются за этой информацией к Интернет-ресурсам. И хотя обращение к альтернативным источникам еще проигрывает школе в этом отношении, авторы исследования обращают внимание, что риск возникновения подобной ситуации в обозримом будущем достаточно высок [5], следствием чего может быть усиление фрагментарности правовых знаний учащихся.

Таким образом, на сегодняшний день идентификационная деятельность школы сконцентрирована на формировании патриотизма и общероссийской идентичности в ее политико-юридическом понимании. Гражданско-правовой компонент в общей структуре идентичности при этом остается слабо сформированным: реализация заданных государственным образовательным стандартом акцентов по формированию идентичности в сочетании с патерналистскими и преимущественно вербальными практиками взаимодействия учителей с учениками приводит к тому, что гражданские права в большинстве случаев не переходят из знаниевого в аксиологический и деятельностный компоненты социальных практик школьников.

Литература

1. Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: Новый Хронограф, 2017. — С. 259–272.
2. Белянкова Е. И. Формирование гражданской идентичности учащихся на уроках обществознания в средней школе // Преподавание истории в школе. — 2015. — №8. — С. 18–21.
3. Вагайцева Е. С. Факторы, влияющие на формирование гражданственности школьников в условиях информационного общества // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2017. — №2. — С. 98–108.
4. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» (стенограмма) [Электронный ресурс] // Российская газета: официальный сайт. — Режим доступа: <https://rg.ru/2014/10/24/putin.html>. (Дата обращения: 29.09.2017).

5. *Германов И. А., Плотникова Е. Б., Сулов А. Б., Черемных М. В.* Права человека в школах Пермского края: итоговый отчет о проведении мониторинга / под ред. д. и. н. А. Б. Сулова. — Пермь, 2014. — 84 с.

6. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — 592 с.

7. *Денисова Г. С., Валуев Д. Г.* Историческое образование как инструмент политической социализации: проблема идентификации гражданственности и патриотизма // Известия высших учебных заведений. Северокавказский регион. Серия «Общественные науки». — 2015. — №4. — С. 22–27.

8. *Евгеньева Т. В., Нечаев В. Д.* Проблема формирования национально-государственной идентичности российских школьников. Анализ результатов исследования гражданской и национальной самоидентификации старшеклассников // Ценности и смыслы. — 2014. — №1 (29). — С. 7–21.

9. *Калимуллин Р. Д.* Рабочая программа по предмету «Обществознание» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=9&ved=0ahUKEwj83fnhevXAhUGCpoKHTYGBYUQFghWMAg&url=http%3A%2F%2Fmnschool.ru%2Ffiles%2Frabochaja_programma_po_obshhestvoznaniyu_v_6-9_kla.doc&usq=AOvVaw19Mr4iF4Jl9reY71BR12yv. (Дата обращения: 30.09.2017).

10. *Кастрикина З. Ф.* Роль русского языка в формировании гражданской идентичности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://xn--i1abbnckbmcl9fb.xnplai/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8/659595/>. (Дата обращения: 01.10.2017).

11. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия: монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. — Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016. — 251 с.

12. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р [Электронный ресурс] // Правовой портал «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/. (Дата обращения: 29.09.2017).

13. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/nachalnaya-shkola/inklyuzivnoe-obrazovanie/fgos/kontseptsiya-duxovno-nravstvennogo-razvitiya-i-vospitaniya-lichnosti-grazhdanina-rossii.html>. (Дата обращения: 29.09.2017).

14. Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2016 г. №637-р) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <file:///F:/ru-li-koncept.pdf>. (Дата обращения: 29.09.2017).

15. Примерная программа основного общего образования по обществознанию [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://edu.tatar.ru/upload/images/files/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8\).pdf](https://edu.tatar.ru/upload/images/files/%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8).pdf). (Дата обращения: 30.09.2017).

16. Примерная программа основного общего образования по обществознанию (включая экономику и право) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://eor.pushkininstitute.ru/images/showcase/%D0%A1%D0%9E.%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5.pdf>. (Дата обращения: 30.09.2017).

17. *Степанова Е. А.* Формирование гражданской идентичности на уроках русского языка и литературы // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Самара, август 2015 г.). — Самара: АСГАРД, 2015. — С. 107–110.

18. Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010–2015 гг. [Электронный ресурс] // Исследовательская группа «Циркон»: официальный сайт. — Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf. (Дата обращения: 02.10.2017).

19. *Тишков В. А., Бараиш П. Э., Степанов В. В.* Идентичность и жизненные страте-

гии студенчества в России // Социологические исследования. — 2017. — №8. — С. 81–87.

20. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. №1897) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации: официальный сайт. — Режим доступа: <http://xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>. (Дата обращения: 29.09.2017).

21. Федеральный компонент государственных образовательных стандартов на-

чального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования (с изменениями и дополнениями) (утвержден Приказом Минобрнауки РФ от 5 марта 2004 г. №1089) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». — Режим доступа: <http://base.garant.ru/6150599/#friends>. (Дата обращения: 29.09.2017).

22. Юрасов И. А., Юрасова О. Н. Патриотизм глазами школьников Пензенской области // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — №1–1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18748>. (Дата обращения: 03.10.2017).

Поступила в редакцию

19 августа 2017 г.

Панфилова Юлия Сергеевна — преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Panfilova Julia Sergeevna — assistant lecturer of the Department of branch and applied sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (928) 171-50-10; e-mail: panfilovajulia@mail.ru

УДК 316.421

ДИСКУРСИВНОСТЬ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КООРДИНАТАХ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОЦЕНОЧНОСТИ

© 2017 г. А. В. Кузнецова, И. А. Петрулевич

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматривается городская культура как дискурсивный феномен. Отмечается, что городское пространство города как координаты формирования городской культуры изучается в различных аспектах, в том числе в ономастическом, архитектурном, ментальном, социокультурном и пр. Дискурсивность городской культуры предстает как взаимодействие различных семиотических систем, что в конечном счете формирует прагматическую модель городской культуры как динамическую совокупность синтаксических и семантических свойств семиосферы города.

Ключевые слова: *дискурсивность; городская культура; городской текст; городская идентичность; модальность; оценочность.*

The article considers urban culture as a discursive phenomenon. It is noted that the urban space of the city as the coordinates of the formation of urban culture is studied in various aspects, including onomastic, architectural, mental, sociocultural, etc. Discursivity of urban culture appears as the interaction of various semiotic systems, which ultimately forms a pragmatic model of urban culture as a dynamic aggregate of syntactic and semantic properties of the city's semiosphere.

Key words: *discursivity; urban culture; urban text; urban identity; modality; evaluation.*

Современный мир характеризуется все более активным процессом развития глобализации, что в целом оказывает определяющее влияние на все сферы жизни и деятельности человека. Городская культура — не исключение, изменения происходят и здесь, в самом разнообразном виде. Идентичность как одна из облигаторных черт этой культуры представляет в этой связи особый интерес, может быть верифицирована экспериментальным путем.

На сегодняшний день в российском социокультурном пространстве отмечается наличие двух тенденций — рост крупных городов и столицы, а также уменьшение значения малых городов. Территориальная идентичность трактуется нами как целостное представление личности о самой себе в плане принадлежности конкретной территории, той семантике и мифологии, которая характерна для территориальной общности данного

индивида. С другими видами идентичности (региональная, локальная, городская) территориальная идентичность вступает в гипер-гипонимические отношения, представляя собой родовое понятие по отношению к ним. Региональная идентичность интерпретируется в нашем исследовании как совокупность представлений личности о конкретном регионе, который формирует его территориальную принадлежность. Основное значение в таком процессе имеет как физическое окружение индивида, так и территориальная общность, составляющая важный компонент его речемыслительной деятельности и дискурса. Представление о локальной территории как месте проживания индивида рассматривается как локальная идентичность, еще более узкая в своей научной интерпретации категория, чем идентичность региональная. Городская идентичность предстает в этой связи как вид локальной идентичности.

Методика исследования определяется ее объектом: используется лингвокогнитивный анализ, метод лингвистического моделирования, а также сравнительно-сопоставительный метод, культурологический анализ, на основании чего выявлены параметры дискурсивности городской культуры в аспекте идентичности и оценочности.

Основы изучения дискурсивности городской культуры видятся нам в концепции «городского текста», полно и разносторонне представленной в работах тартуско-московской семиотической школы, яркими представителями которой являются Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, З. Г. Минц и др. Представление города как культурного текста позволило ученым акцентировать его тотальный характер, чему способствует воплощение городского текста в самых разных манифестированиях: художественном (литературном, архитектурном, музыкальном, ландшафтном, живописном, скульптурном), бытовом и фольклорном.

Ю. М. Лотман указывает на особую семиотическую функцию города, это позволяет ученому отметить, что город «несет в себе закрепленную в социальных знаках информацию о разнообразных сторонах человеческой жизни, т. е. является текстом, как и любая производственная структура» [3]. По Ю. М. Лотману, город представляет собой сложный семиотический механизм, генерирующий саму культуру [4]: он «представляет собой котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням, город как и культура — механизм, противостоящий времени, <...> потому что он заново рождает свое прошлое, которое получает возможность сопоставляться с настоящим как бы синхронно» [3].

Городской текст В. Н. Топоров трактует как совокупность всех сообщений, отправляемых улицами, площадями, островами, садами, водами, памятниками, зданиями, людьми и т. д. Исследователь указывает, что город «может быть понят, как гетерогенный текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [5].

Семиотическая модель города, сформированная работами Ю. М. Лотмана, В. Н. То-

порова и других представителей тартуско-московской школы, позволяет развивать ее в плане изучения дискурсивности городской культуры, рассматривая особо модальность городской идентичности. Концептуальную важность приобретает также постулат о рассмотрении текста как текста и как механизма порождения текстов.

Действительно, как феномен культуры городская культура может быть изучена в различных аспектах. Для современной научной парадигмы актуальны языковое, ономастическое, архитектурное, ментальное, социокультурное пространства города. Особая динамика означающих и означаемых в семантическом пространстве города глубоко изучена Л. Е. Трушиной, которая указывает, что «означающие начинают создавать потоки смысла, а означаемые расщепляются и сами становятся означающими» [6]. Важным аспектом изучения городской культуры является также городская семиотика, интертекстуальная по своей природе: семиосфера города состоит из отдельных интертекстов, имплицитно связанных между собой и сохраняющих культурную память о предшествующих контекстах (приметы исторической эпохи в архитектуре здания, городская топонимика, дискурс города как сфера-источник прецедентных феноменов). Бесспорна интердискурсивность городской семиотики: городское коммуникативное пространство отражает взаимодействие различных семиотических систем, формируя прагматическую модель городской культуры как динамическую совокупность синтаксических и семантических свойств семиосферы города.

Для нашей исследовательской концепции определяющим значением обладает городская идентичность, поскольку дискурсивность городской культуры рассматривается нами именно в таком терминологическом пространстве. Особую важность имеет также категория модальности городской идентичности, «которая отражает характеристики привязанности к месту, соответствие особенностям воображаемого городского сообщества («своей» группы) и другие характеристики, иллюстрирующие знак идентификации с городом и городским сообществом» [1].

Действительно, нельзя не согласиться с Е. О. Евсеенковой [1] в том, что основным

признаком городской идентичности является уникальность конкретной территории и городского сообщества; кроме того, исследователь вслед за И. Каймаз [7] выделяет следующие особенности городской идентичности:

1) принцип сравнения, осуществляемый по отношению к месту жительства в конкретном городе и возможном в другом;

2) культурные смыслы и опыт как необходимый компонент привязанности к месту жительства;

3) относительная нестабильность, динамика городской идентичности как трансформация во времени в процессе обретения новых смыслов;

4) взаимодействие с другими людьми как опыт реализации представлений о принадлежности к городскому сообществу.

На наш взгляд, наличие культурных смыслов и опыта, на основе которого выстраивается городская идентичность, становится условием мифологизации городской культуры, тогда как динамика идентичности, а также ее коммуникативность вследствие взаимодействия людей внутри городского пространства являются основой дискурсивности городской культуры. Отметим, что в нашей исследовательской концепции особую значимость приобретает не только идентификация с городским сообществом, но и идентификация с городским пространством.

На наш взгляд, дискурсивность городской культуры наиболее репрезентативна именно в аспекте физического окружения индивида, что предполагает наличие эмоциональной и когнитивной связи с топосом как конкретным местом городского пространства, поэтому идентичность места приобретает столь же важное значение, как и идентичность с городским сообществом. Отметим также в этой связи, что именно идентичность места способна продуцировать так называемый городской миф, ведь пространство, значимое для осуществления деятельности человека, обретает значение места только в случае наполнения его смыслами, обладающими особой важностью для конкретной языковой личности.

Модальность городской идентичности как основной компонент дискурсивности городской культуры реализует важную функцию определения координат онтологической оппозиции *свое — чужое*. В этом отношении модальность закономерно дифференцирует-

ся на позитивную и негативную, что в целом определяется рядом критериев.

1. *Включенность в городское пространство*, которая может иметь три разновидности:

а) активная включенность во все виды городского пространства, означающая принятие городской идентичности как компонента дискурсивности городской культуры;

б) частичная включенность, представляющая собой принятие одних элементов городской культуры и дистанцирование от других;

в) сознательная невключенность в городское пространство, которая практически никогда не встречается.

На наш взгляд, наиболее частотна частичная включенность, когда личность эксплицирует в своей речи полярную оценочность по отношению к различным фактам городской культуры и городского пространства. Например: «Город у нас очень красивый, но иногда — нет, все зависит от чистоты, погоды» или «Ну, есть красивые места, допустим, Садовая. Мне очень нравится эта улица. Вообще в центре города довольно-таки красиво. Особенно, если там закончится наконец-то этот развал... реконструкция зданий и тротуаров. Куда только губернатор смотрит?!».

2. *Привязанность к месту*, фиксируемая как на уровне личности, так и на уровне группы [8]. Этот критерий имеет амбивалентный характер, поскольку степень привязанности к месту определяется как личными воспоминаниями и переживаниями, так и символическими смыслами места, его мифологизацией. Привязанность к месту может быть социальной и физической (естественной и сконструированной).

Дискурсивность городской культуры имеет безусловную оценочность, которая закономерно эксплицирована в коллективных смыслах, в свою очередь, оказывающих влияние на формирование позитивной модальности городской идентичности. Отметим также, что именно по отношению к данному критерию мы можем говорить об аффективности его выражения: чувство патриотизма, любовь к городу, его культуре, активное участие в общегородской жизни.

3. *Ценностные ориентации*, оказывающие определенное влияние на формирование отношения к месту проживания. Так, ориентир на жизнь в престижном районе формируется стремлением к «красивой жизни».

4. *Соответствие ожиданиям* как результативность рациональной организации жизни горожан, обеспечение качественного уровня развития городской культуры.

5. *Восприятие специфики города в сравнении с другими населенными пунктами*, демонстрирующее степень включенности конкретного индивида в культурное пространство города, что позволяет выявить оценочность в координатах городской культуры.

6. *Самоотождествление индивида как члена городского сообщества*, манифестированное посредством вербальных конструкций, прежде всего, с включением в них местоимений *мы, наши*. Также самоотождествление фиксируется в дискурсе городской культуры в виде воспроизводимых историй, имеющих локальную значимость и личностный характер.

7. *Соответствие образу жизни городского населения*, важное для формирования позитивной модальности городской идентичности в плане соответствия образу жизни того сообщества, принадлежность к которому наиболее привлекательна.

8. *Наличие чувства патриотизма*, релевантного позитивной модальности городской идентичности. Манифестирование любви к городу сопровождается искренними эмоциональными реакциями, беседа о родном городе поддерживается с неподдельным интересом, а незнание тех или иных исторических фактов вызывает смущение.

Указанные критерии модальности городской идентичности подтверждают, что характер городской культуры дискурсивен по своей природе. Городская культура оценочна, что обусловлено субъективным характером языкового сознания и мышления человека — представителя такой культуры.

Дискурсивность городской культуры проявляется, прежде всего, в вовлеченности горожан в городскую коммуникацию, позволяющую интерпретировать городские тексты. Пространство города дискретно, включает различные фрагменты, неоднородно по своему составу (знаки различной семиотической природы) и ограничено. Дискурсивность го-

родской культуры проявляется также в ее связности, цельности, членимости. Эти категории наиболее значимы для восприятия и адекватной интерпретации городских текстов.

Выводы

Бесспорно, город может быть воспринят и истолкован как текст, прочтение которого сопряжено с семиозисом пространственных форм и отношений, причем этот процесс инициирован индивидом, компонентом его когнитивной деятельности. Дискурсивность городской культуры является результатом перцептивного опыта горожан и воздействия на городское пространство культурных норм, которые переживаются эмоционально и оценочно.

Литература

1. *Евсеев Е. О.* Модальность городской идентичности // Вестник Пермского научного центра. — 2014. — №5. — С. 80–86.
2. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.
3. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. — СПб.: «Искусство-СПб», 2000. — 704 с.
4. *Сайко Е. А.* Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века // Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века. — М.: Изд-во РАГС, 2004. — С. 15–18.
5. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. — М.: Прогресс-Культура, 1995. — 624 с.
6. *Трушина Л. Е.* Интерпретация визуальных текстов городского пространства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://anthropology.ru>. (Дата обращения 17.10.2017).
7. *Kaymaz I.* Urban Landscapes and Identity // [Electronic resource]. Available at <http://dx.doi.org/10.5772/55754>. (Дата обращения: 19.11.2017).
8. *Scannell L., Gifford R.* Defining place attachment: A tripartite organizing framework // Journal of Environmental Psychology. — 2010. — Vol. 30. — №1. — P. 1–10.

Кузнецова Анна Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Kuznetsova Anna Vladimirovna — doctor of philological Sciences, Professor of chair of Russian literature of the Institute of Philology, journalism and intercultural communication of the Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 B. Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (918) 500-23-12; e-mail: avkuznetsova@sfedu.ru

Петрулевич Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

Petrulevich Irina Anatolyevna — Doctor of Sociology, Professor of the Department of special historical disciplines and documentation science Institute of history and international relations of the Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 B. Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (928) 226-52-91; e-mail: iapetrulevich@sfedu.ru

УДК 316.7

**ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: О ВОЗМОЖНОСТИ СИНТЕЗА
РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ПАТРИОТИЗМА
И ГРАЖДАНСКОЙ АВТОНОМИИ¹**

© 2017 г. Г. С. Денисова*, А. В. Сериков**

**Южный федеральный университет,
Институт истории и международных отношений, г. Ростов-на-Дону*
***Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону*

В статье рассматривается формирование российской (национально-государственной) идентичности как проблема синтеза таких ее аспектов, как самоотнесение к поликультурному российскому обществу, патриотизма и гражданственности. Авторы рассматривают распространенные в современном академическом дискурсе представления о консервативном повороте в гражданском сознании российского общества и соответствующей трансформации патриотизма, воспроизводства его «державно-военизированной» формы. На основе пилотных социологических опросов учителей и выпускников школ, проведенных в Ростовской области и Кабардино-Балкарской Республике, показано совмещение в представлениях основных субъектов образовательной деятельности ценностей гражданского и традиционного форм патриотизма, а также базовых ценностей гражданского активизма.

Ключевые слова: нациестроительство; национально-государственная идентичность; патриотизм; гражданские права; гражданское участие; социальный активизм.

The article discusses the formation of the Russian (national-state) identity the problem of synthesis of such aspects as gravity to multicultural Russian society, patriotism and citizenship. The authors consider common in contemporary academic discourse ideas about the conservative turn in the civil consciousness of Russian society and corresponding transformation of patriotism, the reproduction of his «great-power militarized» forms. On the basis of a pilot sociological survey of teachers and school-leavers, carried out in the Rostov region and the Kabardino-Balkar Republic, shows the combination in the representation of the main actors of the educational activities of civic values and traditional forms of patriotism and the basic values of civil activism.

Key words: nation building; national identity; patriotism; civil rights; civic participation; social activism.

Постсоветский период в России часто определяют как период нациестроительства, особенно во втором десятилетии XXI в., когда были приняты официальные государственные документы, в которых зафиксирована эта цель [1]. Нациестроительство (nation-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

building) представляет собой политическую практику органов государственной власти, направленную на консолидацию полиэтничного, т.е. культурно разнообразного населения в культурно однородную общность. Такая политика опирается на идеологию — систему ценностей взглядов, обосновывающих эту политическую практику. Успешная реализация нациостроительства проявляется в росте численности индивидов, идентифицирующих себя в качестве граждан государства, проявляющих приверженность комплексу ценностей, которые выдвигаются государством в качестве наиболее значимых.

В современной России эта политика была вызвана распадом СССР и отказом от коммунистической идеологии, что потребовало укрепления и утверждения исторически сформировавшейся ценности государства: многонациональности как основы государства, русской культуры, которая вобрала в себя достижения представителей всех народов России, русского языка, а также защиты национального суверенитета России [2].

Политика, которая направлена на нациостроительство, укрепление гражданского единства и формирование гражданской идентичности, в России определяется как национальная политика, в основу которой положена идеология гражданского патриотизма. При этом в своей программной статье 2012 г. В.В. Путин интерпретирует гражданский патриотизм как приверженность и осознание ценности России как общего для всех народов государства. Это ценностное отношение включает как составную часть приверженность малой Родине, этнокультурным корням: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [2]. Вместе с тем такой гражданский патриотизм включает правовую основу, опирается на приверженности российским законам. Второй раздел Конституции

РФ детально регламентирует права и свободы гражданина, которые гарантированы государством, поэтому такая интерпретация гражданского патриотизма отсылает также и к гражданско-правовым ценностям и гражданскому активизму.

Эти позиции имеют принципиальное значение и требуют уточнений. В современных исследованиях доказывается, что гражданственность и гражданская идентичность не редуцируются лишь к самопричислению индивида к государству. Они включают в себя ценностный, когнитивный и деятельностный аспекты: «ценностный и когнитивный компонент, состоящий из гражданской компетентности и информированности; гражданская идентичность. Деятельностные элементы гражданственности проявляются в различных формах общественной активности» [3]. При этом подходе гражданственность синонимична политической культуре [4]. Такой подход лежит в основе наблюдений за трансформацией российской гражданственности в постсоветский период. Исследователи выделяют три типа гражданственности: «транзитная» (1991–1996 гг.), «гибридная» (1996–2011 гг.), «консервативно-переходная» (с 2011 г.) [3]. В основе типологии — степень воплощения или дистанцирования от европейской либерально-демократической модели гражданственности, главная характеристика которой — автономность и защищенность индивида по отношению к государству, социальная активность гражданина, его способность через институты гражданского общества контролировать функционирование государства. В этой эволюции, по мнению авторов, гражданский активизм первой половины 90-х гг. постепенно вытесняется пассивностью, а затем — и стремлением сплотить пассивное население вокруг авторитарного национального лидера. Маркером этого процесса выступает «поиск альтернативных путей развития «гражданственности российского типа», основанной на концепции «особого пути», осознания необходимости консолидирующей идеологии, объединяющих ценностей...» [3].

Важную роль при этом играет патриотизм. Он тоже подвержен трансформации. На период распада СССР он имел характер «советского военизированного патриотиз-

ма», который акцентировал роль народа-победителя во Второй мировой войне, включал идеологию осажденной крепости, всеобщей военно-спортивной подготовки молодежи, полного доверия и единства народа с государством-партией и др. По мнению ряда авторов, в 90-е годы этот вид патриотизма стал разрушаться под влиянием волны массивной переоценки исторического развития СССР. Параллельно с этим процессом была предпринята попытка формирования ценностей «гражданского патриотизма», опорными смыслами которого выступили: гражданские права и политические свободы, конкуренция, демократия, свободные выборы, независимый суд и др. либеральные ценности [5]. Однако, так же, как и при изменении типа гражданственности в XXI в., исследователи отмечают возврат при конструировании патриотизма к «военно-оборонительной версии»: «Очевидны стремления идеологов правящего режима синтезировать державно-военнообразованную форму патриотизма, превратив ее в доминанту массового сознания» [5].

Как промежуточный результат этого процесса отмечается балансирование консервативных и либеральных элементов, но при «явной тенденции нарастания традиционалистских настроений... и на основе открытой конфронтации с западной либеральной моделью» [3]. Об этом, например, пишет Л.М. Дробижева: «Идентичность рассматривается как самоотождествление себя с общностью, представление о ней, эмоциональное переживание этих представлений и готовность действовать. В международной практике такая идентичность интерпретируется как гражданская идентичность. Однако в условиях России, где гражданское общество только формируется, мы стоим перед вопросом: полученные в ходе исследования показатели — это идентификация действительно гражданская или пока еще только с государством, т.е. идентификация государственная?» [6].

Выделенная логика трансформации типа гражданственности и патриотизма, которые фиксируются разными исследователями, игнорирует влияние внешнего геополитического фактора на процесс национальной консолидации, открытости информационного пространства, которая создает широкие возможности для формирования альтернативных позиций.

Условия фактической информационной войны, которая фиксируется в настоящее время, требует расширения пространства доверия общества и государства и сплочения вокруг национального лидера. Однако этот вектор не исключает гражданского активизма в его либеральном понимании.

Гипотеза о совместимости гражданского активизма и лояльности к государству была положена в основу социологического опроса. Он был направлен на выявление возможности синтеза гражданственности в его либеральной трактовке и патриотизма, который в российской традиции рассматривается как служение государству. В пилотном опросе участвовали выпускники школ Ростовской области и Кабардино-Балкарии, а также учителя старших классов школ в этих регионах. Выпускники опрашивались методом стандартизированного интервью в период их поступления в университеты (ЮФУ и КБГУ), учителя — методом анкетирования в период повышения квалификации².

Опрос двух основных субъектов образовательного процесса — учителей и учащихся — позволяет, с одной стороны, выявить установки учителей как основных субъектов целенаправленного формирования российской идентичности, с другой стороны — представления выпускников школ в сфере гражданственности и патриотизма, в которых выражен определенный результат деятельности учительского корпуса. Инструментарий опроса включал блок вопросов, направленных на выявление понимания субъектов образовательной деятельности патриотизма и основных элементов гражданственности.

² Число респондентов-учителей по регионам опроса: в Кабардино-Балкарии N = 72; в Ростовской области N = 67. Основное большинство учителей в каждом регионе — женщины (90–93%). Более 60% респондентов — в возрасте от 30 до 49 лет. При этом в составе респондентов учителя гуманитарных и социально-исторических дисциплин: в КБР — 75,1%, в Ростовской области — 70,6%. Большая часть респондентов Ростовской области (81%) — учителя городских школ, в группе респондентов КБР они составляют 52%. В опросе участвовали 412 выпускников школ Ростовской области и 422 выпускника школ КБР. В ростовском сегменте 47,6% составляют юноши, 52,4% — девушки; в сегменте респондентов КБГУ — 59,2% и 40,8% соответственно.

В вопросе со шкалой закрытого типа были заложены варианты ответа, позволяющие выделить эмоциональный и рациональный компоненты патриотического чувства; ориентацию на патриотизм как проявление чувства в экстремальных условиях или поведенческую норму в повседневной жизни. В группе учителей Ростовской области патриотизм связывается со служением государству и готовности к самопожертвованию для его защиты. Учителя-респонденты из Кабардино-Балкарии на первое место ставят любовь к национальной культуре, но второе место также занимает служение государству. Значительно меньшую популярность занимает в обеих группах учителей представление о патриотизме как деятельностной (трудовой) норме повседневной жизни. Однако активная гражданская позиция — активное участие в политической жизни страны и аргументированная критика политики правительства — основным большинством учителей не рассматриваются как компонент патриотического чувства.

Эта установка учителей находит отражение в коллективных представлениях вы-

пускников школ, в которых доминирующую позицию занимает военно-мобилизационный компонент — готовность к самопожертвованию, а также любовь и служение государству. Иначе говоря, патриотизм воспринимается респондентами обеих целевых групп все-таки как чувство (табл. 1).

При этом почти половина учителей КБР (47,2%) и треть учителей (33%) Ростовской области связывают патриотическое чувство не с государством, а с культурой, обществом, Родиной. Около половины учителей (в Ростовской области — 45,5%, в КБР — 55,6%) полагают, что патриотом должен быть каждый гражданин страны. Среди учащихся КБР эту позицию разделяют две трети опрошенных (73,5%), среди учащихся Ростовской области — только 43,7%. Следует отметить, что четверть учащихся в обоих регионах опроса согласны с тем, что патриотическим чувством могут манипулировать политики, принуждая людей действовать в интересах правящей политической элиты, но среди учителей эту позицию разделяет незначительная группа.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы думаете, какие характеристики включает в себя патриотизм?»**

Варианты ответов	Ростовская область		Кабардино-Балкария	
	учителя	учащиеся	учителя	учащиеся
1) бескорыстная любовь и служение государству	63,6		50	37,5
2) готовность к самопожертвованию для защиты государства	48,5		33,3	54,2
3) любовь к национальной культуре, следование традициям, укладу жизни	33,3		66,7	35,4
4) рассмотрение интересов и целей государства выше своих собственных	15,2		13,9	32,3
5) стремление трудиться для процветания Родины	33,3		38,9	36,5
6) аргументированная критика своего государства во имя блага человека	0		8,3	32,3
7) непримиримость к представителям других государств и народов, которые критикуют твое государство	9,1		13,9	16,7
8) активное участие в политической жизни страны	9,1		13,9	1

Выпускники проявляют больший прагматизм при оценке усилий, направленных на формирование патриотических чувств. В то время как учителя в первую очередь рассматривают патриотизм как инструмент духовной консолидации общества, достижение его единства, молодежь видит целый спектр прагматических функций патриотического воспитания (табл. 2).

В этом контексте полагать, что молодое поколение воспринимает лишь официальную точку зрения, заложенную в образовательные курсы и транслируемую школой и официальными каналами информации, является заблуждением.

В инструментарии опроса учителям был задан вопрос о том, какие основные (не более пяти) компоненты гражданской позиции должна формировать у учащихся школа. Спектр ответов учителей Ростовской области показывает их ориентированность на формирование у учащихся основ гражданского активизма. Так, 36,4% выделили «интерес к сфере политических отношений»; 30% указали на «формирование навыков солидарных действий и участия в делах местных сообществ»; еще 27,3% выделили три позиции: «лояльность к государству», «социальный активизм» (волонтерство, помощь социально незащищенным группам), «грамотность в правовой сфере и в сфере гражданских прав»; еще четверть (24,2%) — «готовность участвовать в выборах и реализовывать гражданские права». Для учителей КБР характерен

не столь широкий разброс позиций. Основное большинство респондентов (69,4%) указали на необходимость формирования «грамотности в правовой сфере и в сфере гражданских прав», 50% выделили еще формирование «социального активизма». Еще четвертая часть выделила формирование навыков публичных выступлений и 22,2% — навыков ориентации в политических коммуникациях. Формирование основ гражданской деятельности: участия в выборах, участия в делах местных сообществ, формирование интереса к политике и лояльности к государству — все эти позиции были поддержаны немногим более 10% респондентов-учителей. Исходя из этих результатов, можно сделать вывод о том, что учителя КБР ориентированы в большей степени на формирование когнитивной составляющей гражданственности молодежи.

Результаты опроса выпускников школ показывают несколько иные установки молодежи. Почти равные группы учащихся обоих регионов (29,7% в Ростовской области, 29,89% — в КБР) указали на то, что они постоянно следят за политическими событиями в Интернете и по телевидению. Еще более половины (55,9% и 56,7% соответственно) отметили свой периодический интерес к политическим событиям. При этом выпускники двух различных регионов были едины и в своих оценках отношений общества и государства (табл. 3).

Привлекает внимание то, что 40% молодежи фиксирует недоверие общества власти,

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы: «С какой целью государство в первую очередь заботится о формировании патриотизма в сознании молодежи?»

Варианты ответов	Ростовская область		Кабардино-Балкария	
	учителя	учащиеся	учителя	учащиеся
1) для привлечения молодежи к службе в армии	15,2		0	24
2) для укрепления единства и общности людей в стране	42,4		66,7	36,5
3) для вовлечения молодежи в общественно-полезный труд	30,3		5,6	51
4) для поддержки государственной политики и первых лиц государства	3		13,9	24
5) для формирования социальной активности	9,1		5,6	16,7

и еще более четверти — критический диалог общества и власти. В этом контексте интересна позиция учащихся и учителей относительно степени вовлеченности граждан в политическую жизнь, в частности, в осуществление власти, а также допустимой дистанции власти по отношению к частной жизни граждан.

Собранный эмпирический материал показывает расхождение позиций учителей и учащихся по вопросу участия в политической жизни. Около половины учительского состава опрошенных в обоих регионах проявили активистскую установку, считая необходимым не-

посредственное участие граждан во всех или в части проблем государственной жизни (сумма ответов 1 и 2). Однако молодежь, особенно в КБР, больше ориентирована на частичное или опосредованное участие в политической жизни (сумма ответов 2 и 3) (табл. 4).

Такой результат неудивителен, т.к. многие учителя при личном общении указывали на то, что школах в настоящее время не практикуются какие-либо формы работы, направленной на формирование политических взглядов учащихся, даже если политические события затрагивают повседневную жизнь регионов

Таблица 3

Распределение ответов учащихся на вопрос: «Как в настоящее время общество (люди) относятся к органам государственной власти?», (%)

Варианты ответа	РО	КБР
1) общество одобряет политику государства (Президента РФ, Правительства, Государственной Думы)	23,4	29,8
2) общество ведет диалог с органами государственной власти, критикует их политику и сотрудничает	29,4	24,5
3) общество не доверяет государственной власти	40,6	40,4
4) общество контролирует государственную власть	2,4	4,3
5) общество противопоставляет себя власти	4,2	1,1

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, насколько требуется включение рядовых граждан в осуществление власти в государстве?»

Варианты ответов	Ростовская область		Кабардино-Балкария	
	учителя	учащиеся	учителя	учащиеся
1) все граждане обязаны принимать участие в обсуждении и решении всех проблем государства	30,3		37,1	3
2) граждане должны участвовать в политике, но не во всех вопросах, а только в тех, которые их касаются	15,2		20	29
3) граждане должны поручить политику своим избранникам, вся остальная активность приводит только к бесконечным дебатам и затягиванию проблем	33,3		34,3	54
4) граждане могут совсем не участвовать в политике, т.к. от их участия ничего не зависит	21,2		8,6	13
5) затруднились ответить	0		0	1

(дебаты на политические темы, обсуждение актуальных проблем политической жизни, например, отстранение спортсменов от участия в Олимпийских играх, политический кризис в Украине и беженцы из Украины др.).

Вместе с тем учителя и учащиеся не занимают однозначной позиции по отношению к деятельности органов государственной власти. Лояльность не тождественна одобрению. Отношение учащихся и учителей к некоторым гражданским правам и свободам как индикатору формирования активистской позиции выявлялось через вопросы, содержащие бинарные оппозиции, например: «Критика правительства нежелательна, т.к. она расшатывает страну» — «Критика в адрес правительства необходима, т.к. способствует улучшению жизни всех людей», между которыми располагалась оценочная шкала. Respondенту предлагалось определить свою позицию по пятибалльной шкале, где 1 балл — «полностью согласен» с утверждением слева, 5 — «полностью согласен» с утверждением, расположенным справа.

Большая часть учителей и учащихся ориентирована на позитивную оценку критики в адрес правительства, т.к. поддерживают ее конструктивную направленность. Основное большинство опрошенной молодежи высказывается за неприкосновенность частной жизни человека, если он не нарушает закон. Видимо, отождествление СМИ только с печатными изданиями, которые редко читаются молодежью, ориентированной на Интернет, проявляется в равнодушии учащихся к вопросу государственного контроля СМИ (цензуре). Большинство представителей целевой группы учителей

относится к этой позиции как к защите свободы граждан на информацию (табл. 5).

Гражданский активизм опирается на правовую основу, которой должен руководствоваться человек в своих взаимодействиях с властью, поэтому данное направление формирования гражданской позиции нашло отражение в инструментарии опроса. Укажем, что только узкая группа учителей (11,8% в КБР и 3% в Ростовской области) полагают, что общероссийская (национально-гражданская) идентичность включает формирование «приверженности демократическим преобразованиям России и защите гражданских прав человека». Однако половина учителей в КБР и 36,4% в Ростовской области указали на принцип «равенство гражданских прав и свобод, защита человеческого достоинства» как на одну из трех ведущих ценностей, которые могут объединить граждан России в единую нацию. Около 70% опрошенных учителей КБР и 27,3% учителей Ростовской области считают, что современная школа формирует грамотность в правовой сфере и в сфере гражданских прав. И вместе с тем, только пятая часть учителей в обоих регионах считают, что в школах достаточно реализуется подготовка молодежи в области гражданских прав. Большая часть (41,7% в КБР, 48,5% в Ростовской области) ответили негативно на этот вопрос. Не менее характерно и то, что треть учителей затруднились ответить на этот вопрос. Индикативные вопросы учащимся, направленные на выявление их знаний в области гражданских прав, истории их формирования, основных нормативных документов, в которых они зафиксированы и приняты государством, сви-

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«С каким из высказываний Вы полностью согласны?»**

Варианты ответов	Ростовская область		Кабардино-Балкария	
	учителя	учащиеся	учителя	учащиеся
Критика в адрес правительства необходима, т.к. способствует улучшению жизни всех людей	45,5	66,4	61,1	60,3
Государство не должно контролировать СМИ, необходима вся информация	51,5	13,3	55,6	21,6
Частная жизнь человека неприкосновенна, если человек не нарушает законы	48,5	87,2	75	78,4

детельствуют об их достаточно слабой осведомленности в этой сфере.

Позитивным в этом отношении является представление учащихся о формах гражданской активности (табл. 6).

Сравнение ответов учителей и учащихся относительно их вовлеченности в практики социальной активности приводит к выводу о воспроизводстве молодежью моделей активности взрослого поколения (с учетом возраста) (табл. 7).

Анализ собранного эмпирического материала показывает многоаспектность проблемы формирования общероссийской (на-

ционально-государственной) идентичности, которая не сводится к идентичности на основании юридической причастности индивида к государству. Данный вид идентичности включает формирование приверженности к России как многонациональному государству, объединяющему культурно разнообразное население, при этом данная приверженность предполагает развитое эмоционально-чувственное и рациональное отношение. Не менее значимым выступает третий аспект проблемы — формирование политической культуры активистского типа, основанной на ценностях и знании гражданских прав,

Таблица 6

**Распределение ответов учащихся на вопрос:
«В чем проявляется гражданская активность?»**

Варианты ответа	РО	КБР
1) в способности ставить перед собой цели и их достигать	35,9	24,5
2) в политической активности, участии в выборах, митингах, демонстрациях и др.	49,6	50
3) в деятельности, направленной на защиту своих интересов	31,2	38,8
4) в волонтерской деятельности, направленной на защиту и помощь другим людям	29,7	20,4
5) в творческих мероприятиях: фестивалях, конкурсах, КВН и др.	12,3	16,3
6) в деятельности, направленной на защиту природы, животных, исторических памятников и пр.	21	13,3

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к проявлениям социальной активности?»**

Варианты ответов	Ростовская область		Кабардино-Балкария	
	учителя	учащиеся	учителя	учащиеся
1) охотно поддерживаю и участвую в общественных делах	33,3		38,9	24,2
2) сам являюсь организатором общественных инициатив	3		2,8	20
3) участвую, когда к этому обязывают обстоятельства	48,5		44,4	31,6
4) всячески уклоняюсь от таких занятий	3		2,8	18,9
5) о таких мероприятиях ничего не знаю	0		5,6	4,2
7) никогда не участвую	12,1		5,6	1,1

установки на социальный активизм — включение в политическую жизнь современного общества и практики волонтерского движения. Проведенные опросы пилотного типа среди учителей как основного актора социализации молодежи и учащихся в различных регионах показывают уже реализующиеся практики синтеза гражданского активизма и патриотизма как приверженности государственным ценностям. Бесспорно, этот процесс далек от завершения, но собранные материалы дают основания для оптимистических ожиданий развития такого синтеза на основе российской культурной традиции культивирования патриотического чувства как любви к Отечеству и защиты государства.

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf.

2. Путин В. В. Россия и национальный вопрос [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.putin-itogi.ru/2012/01/23/statya-v-v-putina-rossiya-nacionalnyj-vopros/>.

3. Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. — 2016. — №11. — С. 97–106.

4. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Сокр. Пер. с англ. А. С. Богдановского, Л. А. Галкиной. Под ред. М. В. Ильина, А. Ю. Мельвиля. — М.: Аспект-пресс, 2002.

5. Магарил С. А. Смыслы патриотизма — исторические трансформации // Социологические исследования, 2016. — №1. — С. 142–151.

6. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. — 485 с.

Поступила в редакцию

15 сентября 2017 г.

Денисова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор Института Истории и международных отношений Южного федерального университета.

Denisova Galina Sergeevna — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Institute of History and International Relations of the Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
105/42 B. Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (928) 133-11-14; e-mail: denigs@aanet.ru

Сериков Антон Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Serikov Anton Vladimirovich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (906) 422-26-38; e-mail: avserikov@sfedu.ru

УДК 159.9:316.37

**СОВРЕМЕННЫЕ АНТРОПОТОКИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ РЕГИОНЕ:
УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ¹**

© 2017 г. А. В. Сериков, А. В. Бедрик, Д. Н. Стукалова

**Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону**

В статье рассматривается современная миграционная ситуация в поликультурном регионе Российской Федерации — Ростовской области. Региональный опыт управления миграционными процессами, а также культурным многообразием населения обеспечивает стабильный характер межэтнических взаимодействий, а потому может рассматриваться как опыт для имплементации в практику других субъектов Российской Федерации. Базовыми принципами такого рода деятельности выступают системность, межведомственность и институциональность. Кроме того, на всех уровнях реализации национальной политики в регионе расширяется практика сотрудничества государства, органов местного самоуправления и гражданских институтов.

Ключевые слова: антропоток; миграция; межэтнические отношения; национальная политика; миграционная политика; управление культурным разнообразием.

The article considers the modern migration situation in the multicultural region of the Russian Federation — the Rostov region. Regional experience in managing migration processes, as well as cultural diversity of the population, ensures a stable character of interethnic interactions, and therefore can be considered as an experience for implementation in practice of other subjects of the Russian Federation. The basic principles of this kind of activity are systemic, interdepartmental and institutional. In addition, at all levels of national policy implementation in the region, the practice of cooperation between the state, local government and civil institutions is expanding.

Key words: *anthropoflows; migration; interethnic relations; national policy; migration policy; management of cultural diversity.*

Современные тенденции развития межэтнических отношений в России актуализируют задачу повышения эффективности управленческих практик в данной сфере [6]. Необходимо имплементация наиболее успешного регионального опыта в деятельность региональных управленческих структур субъектов Российской Федерации [9]. Это касается как политики в отношении управления культурным многообразием, так и сферы регу-

лирования антропоток. Именно миграция зачастую выступает фактором развития конфликтных ситуаций в сфере межэтнических отношений. Регулирование миграционных потоков в состоянии нейтрализовать базовые риски межэтнических конфликтов, к которым относятся: мифологизация и демонизация миграции, конкуренция мигрантов и старожильческого населения на рынке труда, несовпадение поведенческих практик иноэт-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ №16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

нических мигрантских меньшинств и принимающего социума [7].

Ростовская область традиционно относится к регионам, имеющим положительное сальдо миграции, хотя его уровень меняется в зависимости от периода [8]. Так, по данным Ростовстата, в январе-марте 2017 года, так же как и в аналогичном периоде прошлого года, отмечался миграционный прирост населения области. Численность населения области увеличилась в первом квартале 2017 года за счет миграции населения на 469 человек (АППГ — на 1607 человек). Традиционно Ростовская область выступает донором миграции для регионов Центрального федерального округа и реципиентом миграции из регионов Северо-Кавказского федерального округа и государств постсоветского приграничья (Украина, Армения, Азербайджан). Среди лиц, сменивших место жительства, более половины (51,8% прибывших и 52,9% выбывших) составили жители Ростовской области, перемещения которых произошли на территории региона.

Наибольшую долю во внешнем миграционном обороте составил обмен населением Ростовской области с другими регионами России (75% прибывших и 86,9% выбывших). Население области за первые три месяца 2017 года сократилось за счет миграции с другими регионами России на 839 человек (АППГ — на 530 человек). Наиболее активный обмен населением сложился со следующими регионами РФ: Краснодарский

край (17,7% из числа прибывших из других регионов России и 18,9% из числа выбывших в другие регионы РФ), г. Москва (8,4% и 12,5%, соответственно), Московская область (7,9% и 14,5%).

Миграционный прирост при обмене населением с государствами-участниками СНГ составил 1247 человек против 2098 человек в январе-марте 2016 года. По сравнению с первым кварталом прошлого года число прибывших по данному миграционному потоку снизилось на 734 человека (на 23%), число выбывших, напротив, увеличилось на 117 человек (на 10,7%). Значительная часть миграционного прироста в обмене населением между областью и странами-участниками СНГ приходилась на Украину (941 чел.). Число прибывших из стран «дальнего» зарубежья превысило число выбывших в эти страны на 61 человека (АППГ — на 39 человек). По сравнению с аналогичным периодом предыдущего года число прибывших из этих территорий увеличилось на 9,9%, а число выбывших, напротив, сократилось на 7,8%. При обмене населением со странами «дальнего» зарубежья наибольший миграционный прирост отмечался с Грузией.

По-прежнему наиболее высокой миграционной подвижностью обладало население в трудоспособном возрасте, составившее 71,9% в общем числе мигрантов (с учетом внутриобластной миграции).

Основными причинами смены места жительства мигрантов в возрасте 14 лет и стар-

Таблица 1

Распределение мигрантов по возрасту, чел.

	Число прибывших		Число выбывших		Миграционный прирост (убыль)	
	январь-март 2016	январь-март 2017	январь-март 2016	январь-март 2017	январь-март 2016	январь-март 2017
Всего	24336	21706	227291	21237	16071	469
из общего числа в возрасте:						
Моложе трудоспособного	4092	3618	40091	3600	831	18
Трудоспособном	17555	15606	164441	15271	11111	335
в том числе: 16-29 лет	7655	6243	70471	6221	6081	22
Старше трудоспособного	2689	2482	2276	2366	413	116

ше (с учетом внутриобластной миграции) являются причины личного, семейного характера (47,7% прибывших и 42,4% выбывших), 7,8% прибывших и 9% выбывших связывают смену места жительства с поиском работы, возврат к прежнему месту жительства является причиной для 3,6% прибывших и 3,3% выбывших, 2,5% прибывших и 2,8% выбывших сменили место жительства с необходимостью получения образования. Всего по состоянию на 31.08.2017 на миграционном учете на территории Ростовской области состоит 38895 ИГ и ЛБГ.

В Ростовской области проживают представители более 150 этносов и народностей [5]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, этническая структура населения выглядит следующим образом: русские — 3795607 человек (90,3% от числа лиц, указавших национальность), армяне — 110727 человек (2,6%), украинцы — 77802 человека (1,8%), турки — 35902 человека (0,8%), азербайджанцы — 17961 человек (0,4%), цыгане — 16657 человек (0,4%), белорусы — 16493 человека (0,4%), татары — 13948 человек (0,3%), корейцы — 11597 человек (0,3%), чеченцы — 11449 человек (0,3%), все народности Дагестана — 21788 человек (0,5%) и др. Данные этнические группы классифицируются на коренное население региона, коренное население Российской Федерации, диаспоры ближнего зарубежья, диаспоры дальнего зарубежья [3].

Наибольшим конфликтным потенциалом обладают юго-восточные районы области (Дубовский, Егорлыкский, Заветинский, Зимовниковский, Орловский, Песчанокопский, Пролетарский, Ремонтненский, Целинский), районы с компактным проживанием турецкого населения (Багаевский, Мартыновский, Сальский) и все крупные города области (сосредоточение трудовых мигрантов и студенческой молодежи). Серьезную озабоченность также вызывает и демографическая ситуация в указанных юго-восточных районах области, где наблюдается положительная динамика численности миграционного населения. Можно выделить несколько факторов, негативно влияющих на состояние межэтнических отношений в территориях Ростовской области [1]: агрессивность, конфликтное поведение мигрантов (44%); конкуренция

за рабочие места при трудоустройстве (45%); нарушение мигрантами законодательных и бытовых норм жизнедеятельности (29%); рост численности этнических групп (27%); конкуренция (соперничество) в экономической сфере, сфере бизнеса (29%); конкуренция за доступ к социальным благам, льготам (медицина, образование, детсады и др.) (26%).

Важной составляющей напряженных межэтнических отношений является группа социально-экономических причин, прежде всего, конкуренция на рынке труда и в предпринимательской сфере (торговля, сфера обслуживания), а также вопросы землепользования и выпаса сельскохозяйственных животных. Коренное население области отмечает активную позицию мигрантов по занятию новых трудовых ниш с последующей монополизацией данного вида трудовой деятельности. Данный факт также служит источником роста недовольства в местном сообществе. Фактором, способствующим возникновению межэтнических конфликтов, также является достаточно громоздкая процедура привлечения к административной ответственности и в особенности сложности, возникающие при исполнении административных наказаний.

Помимо этого, среди угроз и вызовов возникновения межэтнических конфликтов можно выделить несколько [10]. Во-первых, приезд в Ростовскую область студентов из республик Северного Кавказа, не адаптированных к местным условиям и оторванных от национальных традиций, стремящихся самоутвердиться на новом месте, в т.ч. за счет несоблюдения местных обычаев или навязывания своих. Во-вторых, увеличение числа беженцев и вынужденных переселенцев с приграничных юго-восточных территорий Украины. В-третьих, снижение численности славянского населения и рост некоренного населения, особенно это характерно для юго-востока области, где, по результатам последней переписи населения 2010 года, серьезный прирост численности показали турки-месхетинцы и выходцы из республик Северного Кавказа. В-четвертых, для ряда юго-восточных районов области можно спрогнозировать развитие противоречий между казачьим населением и приезжими из Чеченской Республики и Республики Дагестан в связи с нехваткой пастбищ для крупного ро-

гатого скота. Возможны конфликтные ситуации при инициировании представителями этносов, исповедующих ислам, строительства мечетей в традиционно славянских районах области. В-пятых, в числе причин межэтнической напряженности в отдельных территориях области можно указать на психологический фактор — коренное население в ряде территорий области негативно воспринимает поведение отдельных представителей некоренного (миграционного) населения, считая, что «эти люди не хотят считаться с нашими обычаями и нормами поведения» [11]. При этом следует отметить, что вызывающее поведение отдельных представителей миграционного населения только усугубляет положение, способствуя формированию межэтнической напряженности.

Пристальным объектом внимания Правительства Ростовской области и заинтересованных ведомств остаются вопросы межнациональных отношений и профилактики экстремизма и этноконфессиональной напряженности. В целом в Ростовской области обстановку в сфере межнациональных отношений можно характеризовать как спокойную и управляемую, но требующую внимания со стороны органов исполнительной власти. Так, в 2017 году случаев проявлений этноконфессиональной напряженности, бытовой межэтнической конфликтности и использования печатных СМИ, публичных мероприятий для продвижения этносепаратистских идей, проектов, формирования этносепаратистских настроений в Ростовской области не зафиксировано. Кроме того, в 2017 году конфликты с участием представителей некоренного населения региона происходили на бытовой почве и не получали общественного резонанса.

Стабильный характер сферы межэтнических отношений в Ростовской области обусловлен во многом сложившейся системой взаимодействия между органами исполнительной власти областного и федерального подчинения по решению задач государственной миграционной политики [2]. Вопросы управления миграционными процессами, обеспечения безопасности и общественно-политической стабильности на территории области находятся в компетенции антитеррористической комиссии Ростовской области.

Наряду с ней для реализации приоритетных направлений государственной национальной политики России в регионе в структуре Правительства Ростовской области создан и функционирует отдел по вопросам межнациональных отношений Управления социально-политических коммуникаций, имеющий в том числе территориальное представительство (сектор) в юго-восточных районах области — наиболее полиэтничном сегменте региона с наивысшим уровнем конфликтного потенциала межэтнических взаимодействий. При Правительстве Ростовской области действует Консультативный совет по межэтническим отношениям, возглавляемый заместителем губернатора и включающий 32 человека, из которых 23 — руководители национально-культурных объединений региона. Деятельность творческих национально-культурных объединений (ансамблей, хоров и т.д.) мобилизована на базе Областного дома народного творчества, где создан отдел национальных культур народов Дона, координирующий данный участок работы по линии Министерства культуры региона. Органами исполнительной власти Ростовской области совместно с общественными национально-культурными организациями меры по противодействию терроризму и экстремизму реализуются в рамках трех государственных программ Ростовской области: «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Молодежь Ростовской области», «Развитие образования». В соответствии с рекомендациями антитеррористической комиссии в 55 муниципальных образованиях области реализуются муниципальные программы по профилактике экстремизма и терроризма.

Межведомственное взаимодействие в сфере регулирования трудовой миграции осуществляется по трем основным направлениям. Во-первых, определение потребности Ростовской области в привлечении иностранных работников, повышение эффективности использования иностранной рабочей силы на территории региона и обеспечение приоритетного права на трудоустройство граждан Российской Федерации. Во-вторых, обеспечение потребности экономики в квалифицированной рабочей силе за счет соотечественников, проживающих за рубежом, ре-

гулирование миграционных потоков для создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения, обеспечение интеграции соотечественников в российское общество и формирования толерантного к ним отношения. В-третьих, развитие внутренней трудовой миграции [4].

Для определения потребности Ростовской области в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию в визовом порядке, действует областная межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных работников, в состав которой входят представители всех заинтересованных министерств и ведомств. Решение о целесообразности предусматриваемых работодателями объемов и профессионально-квалификационной структуры привлечения иностранных работников принимается в соответствии с потребностями региональной экономики, с учетом ситуации, складывающейся на рынке труда. При этом обеспечивается приоритетное право на трудоустройство российских граждан — согласование целесообразности привлечения в область иностранной рабочей силы осуществляется только при отсутствии возможности замещения вакантных рабочих мест региональными трудовыми ресурсами. Так, на 2017 год с учетом ситуации на рынке труда первоначально заявленная потребность работодателей в 3,5 тыс. иностранных работников снижена до 1,1 тыс. человек. Запланированные объемы иностранной рабочей силы предусмотрены для привлечения квалифицированных рабочих, руководителей и специалистов высокой квалификации.

В рамках реализации постановления Правительства Ростовской области от 16.01.2017 №12 «О плане мероприятий на 2017–2018 годы по реализации в Ростовской области Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» организованы и проводятся мероприятия, направленные на сохранение межэтнической стабильности и профилактику экстремистских проявлений. Аналогичные планы действуют во всех муниципальных образованиях области.

Системно реализуется подпрограмма «Укрепление единства российской нации и гармонизация межэтнических отноше-

ний в Ростовской области» государственной программы Ростовской области «Региональная политика» со сроком реализации 2015–2020 годы (постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 №602). На выполнение мероприятий подпрограммы в областном бюджете в 2017 году предусмотрены средства в объеме 14748,6 тыс. рублей. Кроме того, в 2017 году между Правительством Ростовской области и Федеральным агентством по делам национальностей было заключено Соглашение о предоставлении субсидии бюджету Ростовской области из федерального бюджета на реализацию мероприятий по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России в объеме 15776,3 тыс. рублей. В целях реализации субсидии утверждено распоряжение Правительства Ростовской области от 15.03.2017 №124 «Об утверждении детализированного Перечня мероприятий, взаимосвязанных по срокам и объемам финансирования, реализуемых в 2017 году в рамках государственной программы Ростовской области «Региональная политика».

Внедрена практика регулярного (не реже одного раза в полугодие) проведения зональных совещаний с главами администраций муниципальных образований области, представителями прокуратуры, УФСБ, УФСМС, органов внутренних дел по вопросам обеспечения межэтнического согласия, предупреждения межэтнических конфликтов. На основе анализа сложившейся ситуации в области выработана многоуровневая система взаимоотношений органов исполнительной власти, местного самоуправления, этнических землячеств и диаспор. В полиэтничных муниципальных образованиях определены сотрудники, в должностные обязанности которых включен ежедневный мониторинг межэтнической обстановки с докладом в управление социально-политических коммуникаций Правительства Ростовской области. Также в целях мониторинга состояния межэтнических отношений, изучения опыта работы органов местного самоуправления по их регулированию, оказания практической помощи, в муниципальных образованиях региона выезжают сотрудники управления социально-политических коммуникаций Правительства области. На постоянной основе осуществляются

выезды в муниципальные районы области в целях проверки деятельности органов местного самоуправления по реализации государственной национальной политики и оказания практической помощи ответственным сотрудникам администраций городских округов и муниципальных районов.

Таким образом, комплексное межведомственное взаимодействие по управлению миграционными потоками и интеграции мигрантов в принимающие социумы в Ростовской области, которое объединяет усилия федеральных, региональных, муниципальных администраций, а также субъектов гражданского общества, обеспечивает стабильно состояние межэтнических отношений в регионе. Сложившаяся управленческая структура и система межведомственных взаимодействий, зарекомендовавшая себя как наиболее эффективная в условиях поликультурного населения, может быть имплементирована в других субъектах Юга России и Российской Федерации в целом. Наряду с этим требуется расширение общественного представительства национально-культурных объединений через создание консультативных (этнических) советов при муниципальных образованиях [12]. Это в большей степени обеспечит возможность развития межэтнического диалога, будет способствовать профилактике ведомственного национализма, деконструкции негативных этнических стереотипов, повысит уровень лояльности общин, укрепит межэтническую солидарность.

Литература

1. Денисова Г. С., Дмитриев А. В., Клименко Л. В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. — М.: Изд-во «Альфа-М», 2010. — 176 с.
2. Денисова Г. С. Межэтнические отношения в Южном федеральном округе: основные проблемы в условиях санкционной политики (по материалам этнополитического мониторинга) // Теория и практика общественного развития. — 2015. — №24. — С. 38–42.
3. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей / колл. авт.; под ред. чл.-кор. РАН, проф. А. В. Дмитриева. — М.: РУСАЙНС, 2016. — 226 с.
4. Дробижеева Л. М. Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник Российской нации. — 2012. — №4–5.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1: Статистический сборник. — Ростов-на-Дону: Ростовстат, 2013. — 375 с.
6. Малахов В. С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. — М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. — 232 с.
7. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / Отв. ред. В. И. Мукомель. — М.: НП «Центральный дом адвокатов», Московское бюро по правам человека, «Academia», 2014. — 245 с.
8. Миграция населения в целом по Ростовской области и в разрезе городских округов и муниципальных районов (первое полугодие 2017 г.): Статистический сборник. — Ростов-н/Д: Ростовстат, 2017. — 52 с.
9. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. — 422 с.
10. Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / Под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. — М.: Институт географии РАН, 2016.
11. Сикевич З. В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. — 206 с.
12. Bedrik A. V., Chernobrovkin I. P., Degtyarev A. K., Serikov A. V., Vyalykh N. A. The Management of Inter-Ethnic Relations in Germany and the United States: The Experience of the Theoretical Comprehension // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6. — №4. — P. 87–92.

Поступила в редакцию

18 мая 2017 г.

Сериков Антон Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Serikov Anton Vladimirovich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (906) 422-26-38; e-mail: avserikov@sfedu.ru

Бедрик Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Bedrik Andrei Vladimirovich — candidate of sociological sciences, associate professor of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (928) 619-63-30; e-mail: abedrik@bk.ru

Стукалова Дарья Николаевна — младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Stukalova Darya Nikolaevna — Junior Researcher of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (903) 433-34-34; e-mail: dar.stukalova@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

УДК 371.334: 53(07)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТОВ

© 2017 г. Л. В. Боровая

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

Рассмотрена специфика проблем российской высшей школы и их влияние на развитие общества. Показано негативное влияние формализации институтов высшего образования. Показано, что для преодоления многих проблем высшей школы целесообразно создание системы институционального управления деятельностью университета. Приведен пример реализации этих подходов в системе международного образования ЮРГПУ (НПИ).

Ключевые слова: высшее образование; институционализация; формализация институтов; экспорт образовательных услуг; международная деятельность.

The specificity of the problems of the Russian higher school and their impact on the development of society is considered. The negative impact of the formalization of higher education institutions is shown. It is shown that to overcome many problems of higher education it is advisable to create a system of institutional management of the University. An example of the implementation of these approaches in the system of international education of the South-Russian state Polytechnic University (NPI) is given.

Key words: higher education; institutionalization; formalization of institutions; export of educational services; international activity.

Кризисное состояние российского профессионального образования (как и общества в целом) несомненно. Это признается представителями самых разных (часто противоположных) политических взглядов [1, 2, 3].

Достаточно последовательный социально-экономический анализ состояния отечественной высшей школы сделан в известной работе [4]. Несмотря на то, что данная статья написана в 2012 году, сделанные в ней выводы по-прежнему актуальны. В этом исследовании указывается, что главной причиной проблем российского общества является де-

градация человеческого капитала в регионах и в России в целом, обусловленная:

— падением интеллектуального уровня населения по причине резкого снижения креативности профессиональной деятельности значительной части населения, вызванного остановкой многих высокотехнологичных производств, переходом значительной части населения из созидательной сферы в примитивную торговлю, государственную службу, офисную и другие виды деятельности с низким уровнем интеллектуальной и креативной составляющих;

— снижением результативности и эффективности общего среднего образования, заме-

ной просветительских целей средней школы целями подготовки выпускников к примитивизированной государственной итоговой аттестации (ЕГЭ), рассматриваемой значительной частью населения лишь в качестве средства обеспечения имущественного благополучия детей в будущем;

— снижением эффективности высшего и среднего профессионального образования, обусловленным отсутствием достаточного количества высокотехнологичных рабочих мест, неверием значительной части студентов в перспективы работы по специальности, снижением уровня профессорско-преподавательского состава, несовершенством (а в некоторых случаях — отсутствием) эффективных процессов его воспроизводства;

— утверждением в сознании многих россиян в качестве целевой установки имущественного обогащения и благополучия, достигаемого наиболее легкими путями (одним из следствий этого стал массовый отказ выпускников средних школ от изучения физики и замена его подготовкой к единому государственному экзамену по обществознанию — дисциплине, содержательно более примитивной и не обладающей должным креативным потенциалом).

Очевидно, что практически все перечисленные проблемы в той или иной мере связаны с деятельностью отечественной высшей школы, а их преодоление наиболее эффективно путем развития созидательной (креативной) деятельности молодежи, в процессе которой у нее будут формироваться позитивные жизненные установки и ценности.

Различные публикации [2, 4, 5] содержат анализ организационных изменений в учебном процессе высшей школы, многие из которых оцениваются негативно. Наиболее часто критике подвергаются: переход на ступенчатую систему подготовки, отмена вступительных испытаний абитуриентов, разрушение системы производственных практик, потеря многими вузами (в основном техническими) своей специализации, обусловленной открытием многочисленных непрофильных и не связанных с потребностями реального сектора экономики направлений подготовки, слияния и поглощения вузов, бюрократизация деятельности вузов и др.

Для системного представления состояния высшей школы и формирования на этой основе рациональных управленческих решений представляется целесообразным исследовать социальные институты, характерные для высшего образования.

При этом мы понимаем социальный институт как механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводимых социальных отношений и социальных практик людей, и придерживаемся представлений Э. Дюркгейма [6], который называл социальные институты «фабриками воспроизводства общественных отношений». При этом такие механизмы опираются как на кодифицированные своды законов, так и на неформализованные социальные нормы, ценности и идеалы, исторически присущие обществу.

Применяя институциональный подход, можно для принятия управленческих решений, связанных с развитием высшей школы, использовать методологию оценки формализации институтов и импортзамещения институтов, разработанную Р.М. Нижегородцевым [7, 8]. В этих работах, в частности, рассматривается ситуация с чрезмерной формализацией институтов в высшей школе, где бюрократизация оборачивается существенными потерями, поскольку, «помимо отвлечения преподавателей от педагогического процесса, обеспечивает иллюзию мотивации к добросовестному труду».

Формализация институтов решает проблему мотивации, но она мотивирует к достижению только и исключительно формальных критериев, позволяя агентам в то же время забыть о содержательной стороне осуществляемой ими деятельности. Чрезмерная формализация институтов опасна, прежде всего, тем, что она конструирует новую, вмененную реальность, подменяя содержательные критерии успешности формальными, не имеющими прямого отношения к содержанию.

Как показали результаты форсайт-исследования [9], 90% рабочего времени сотрудников образовательных учреждений тратится только на то, чтобы составить документы, доказывающие, что эта организация действительно занималась той или иной образовательной деятельностью и имеет возможность далее ею заниматься. Это привело к тому, что вузы наращива-

ют штат сотрудников, полностью выведенных из учебного процесса и занятых исключительно выполнением требований по подготовке отчетной документации [10].

Примерами, подтверждающими это, может служить международная деятельность вузов, развитие которой должно обеспечить достижение показателей деятельности, заданных в рамках федеральных документов РФ: концепции экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг., приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования 2017–2025 гг.», разработанной в рамках приоритетного проекта целевой модели деятельности вуза по экспорту образовательных услуг. Эти требования учитывались при разработке стратегии развития института международного образования (ИМО) ЮРГПУ (НПИ).

При этом каждое направление деятельности характеризуется набором параметров, большая часть из которых рассчитывается для федерального мониторинга ГИВЦ Минобрнауки РФ. Среди них: удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент); удельный вес численности иностранных студентов из СНГ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент); удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры, в общей численности студентов (приведенный контингент); удельный вес численности иностранных студентов (кроме стран СНГ), завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, в общей численности студентов; удельный вес численности иностранных студентов из стран СНГ, завершивших освоение образовательных программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры, в общей численности студентов; удельный вес численности студентов, обучающихся по очной форме обучения по образовательным программам бакалав-

риата, программам специалитета, программам магистратуры, прошедших обучение за рубежом не менее семестра; численность студентов иностранных образовательных организаций, прошедших обучение в образовательной организации по очной форме обучения по образовательным программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, не менее семестра (триместра) в расчете на 100 студентов, обучающихся по очной форме обучения; удельный вес численности иностранных граждан (кроме стран СНГ) из числа аспирантов (адъюнктов), ординаторов, интернов, ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов (адъюнктов), ординаторов, интернов, ассистентов-стажеров; удельный вес численности иностранных граждан из стран СНГ из числа аспирантов ассистентов-стажеров образовательной организации в общей численности аспирантов и ассистентов-стажеров; объем средств от образовательной деятельности, полученных образовательной организацией от иностранных граждан и иностранных юридических лиц; удельный вес численности иностранных граждан из числа НПП в общей численности НПП; численность зарубежных ведущих профессоров, преподавателей и исследователей, работающих в образовательной организации не менее 1 семестра.

Как было показано в вышеупомянутой работе [8], такая формализация институтов является бесспорным инструментом «ухудшающего отбора»: слишком формализованные институты «вымывают» содержательные критерии эффективности и подменяют их формальными. В результате высшая школа имеет вмененную реальность, которая содержательному процессу не соответствует.

Для предотвращения такого положения при разработке стратегии развития ИМО ЮРГПУ (НПИ) была предложена совокупность неформальных по сути критериев, которые могут быть использованы при формировании управленческих решений, способствующих развитию университета в результате активизации международной деятельности. Среди этих показателей, например: число стран, из которых привлечены иностранные студенты; количество образовательных про-

грамм с зарубежными вузами (в т. ч. получивших валидацию за рубежом); удельный вес стран, из которых привлечены иностранные студенты, в общем количестве стран, в которых представители ЮРГПУ (НПИ) приняли участие в образовательных выставках и научных мероприятиях; отношение количества ППС, занятых в преподавании дисциплин на иностранном языке в общем количестве академических часов занятий, проведенных на иностранном языке и др.

На наш взгляд, наиболее важно, чтобы международная деятельность способствовала развитию университета (а, следовательно, всей национальной высшей школы) как в образовательной, так и в научной и инновационной сферах. Для ЮРГПУ (НПИ) последнее представляется особенно важным, так как университет, расположенный в российской провинции, в силу особенностей своей деятельности и присущих ему ключевых компетенций является наиболее подготовленным для решения общенациональных социально-экономических проблем, о которых шла речь в начале статьи. Это относится ко всем «классическим» университетам с доминированием естественнонаучной подготовки, техническим университетам, сохранившим свою специализацию, и другим образовательным учреждениям высшего профессионального образования, ориентированным на подготовку специалистов для реального сектора экономики.

Для практической и всеобъемлющей реализации институционального подхода к организации деятельности университета необходимо выполнить анализ институциональной среды высшей школы, сформулировать основные институты, определяющие характер деятельности университета, разработать методический комплекс для оценки степени формализации институтов и алгоритмы принятия управленческих решений на их основе.

В настоящее время такая работа ведется в ЮРГПУ (НПИ).

Литература

1. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе / Парадоксы наследия, векторы развития. — М.: Эгвес, 2010. — 272 с.

2. Анализ состояния, проблем и перспектив развития высшего образования и науки на Юге России / Г. Г. Матишов, Л. Э. Миндели, Л. П. Клеева, С. Я. Суций. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — 200 с.

3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Стратегии России: общество знаний или новое средневековье? Материалы конференции 3–4 апреля 2008 г. — М.: ЛЕНАНД, 2008. — С. 248.

4. Колбачев Е. Б. Социальная эффективность организационно-экономических решений, влияющих на развитие высшей школы в регионах России // Вестник ЮРГПУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2012. — №1.

5. Лапонов Д. А. Проблемы высшего образования в России / [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2016/1447/23087>.

6. Durkheim E. Foundations of the Classic Sociological Theory. — Pine Forge Press, 2007.

7. Нижегородцев Р. М. Импортзамещение институтов: ключевая задача обеспечения национальной безопасности // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2016. — №4 (66). — С. 5–18.

8. Нижегородцев Р. М. Проблема формализации институтов: граница между формальным и неформальным в институциональном развитии // Журнал экономической теории. — 2008. — №3. — С. 195–198.

9. Сизов В. С., Маури А. А. Форсайт-исследование системы образования России: угрозы, вызовы, возможности. — Киров: ВСЭИ, 2015. — 204 с.

10. Шкляев А. Е., Горидько Н. П. Идентификация кадровых рисков в процессе объединения вузов и управление ими // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. — 2015. — №4. — С. 349–352.

Боровая Лариса Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора ИМО ЮРГТУ (НПИ), доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Borovaya Larisa Vladimirovna — candidate of economic Sciences, Deputy Director of the Institute of International education SRSPU (NPI), associate Professor of the Department of Production and innovation management of South-Russian state Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-55-68; e-mail: imo.npi.tu@gmail.com

УДК 330.341.1(083.41)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АБИТУРИЕНТОВ И СТУДЕНТОВ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

© 2017 г. *И. А. Ермачков**, *Ю. С. Панфилова***, *М. С. Романов**,
*И. И. Украинцева**, *А. Л. Ховякова**

**Сочинский государственный университет*

***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону*

В условиях массовизации высшего образования и утверждения в общественном сознании идеи о том, что только окончание вуза предопределяет успешные диспозиции на рынке труда, перед реформаторами и исследователями встает вопрос: удовлетворяет ли сегодняшняя система среднего профессионального образования (СПО) потребности рыночной экономики или служит промежуточным этапом между школой и вузом? В статье представлены результаты всероссийского социологического исследования, целью которого стало выявление специфики образовательных стратегий абитуриентов и студентов системы среднего профессионального образования. Основываясь на эмпирических данных, авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день абитуриенты и студенты организаций СПО при вузах больше ориентированы на стратегию «СПО как ступень к поступлению в вуз»; абитуриенты и студенты организаций СПО, имеющих статус самостоятельного юридического лица, в целом больше тяготеют к противоположному полюсу («СПО как способ получения профессии»). В то же время обе группы объединяет достаточно высокая ориентация на получение высшего образования и негативные установки в отношении ЕГЭ, что говорит о переходном состоянии образовательных стратегий студентов всей системы СПО.

Ключевые слова: система среднего профессионального образования; образовательные стратегии; мотивация профессионального выбора; карьерные ожидания; абитуриенты и студенты организаций среднего профессионального образования.

In the conditions of the massization of higher education and the establishment of the idea in the public consciousness that only the graduation of the university determines successful dispositions in the labor market, reformers and researchers are faced with the question: does the current system of secondary vocational education satisfy the needs of the market economy or serve as an intermediate stage between school and university? The article presents the results of the all-Russian sociological research, the purpose of which was to identify the specifics of the educational strategies of entrants and students of the system of secondary vocational education. Based on empirical data, the authors come to the conclusion that to date, applicants and students of SVE organizations at higher educational institutions are more focused on the strategy «SVE as a stepping stone to university entrance»; entrants and students of organizations of free-software companies that have the status of an independent legal entity tend to gravitate towards the opposite pole («SVE as a way of obtaining a profession»). At the same time, both groups are united by a

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания №28.4290.2017/НМ «Формирование социологического портрета абитуриентов, студентов и выпускников образовательных программ СПО, обеспечивающих подготовку по наиболее востребованным, новым и перспективным профессиям и специальностям СПО».

rather high orientation toward higher education and negative attitudes toward the USE, which indicates a transitional state of educational strategies for students of the entire SVE system.

Key words: system of secondary vocational education; educational strategies; motivation of professional choice; career expectations; entrants and students of organizations of secondary vocational education.

Социально-статусные характеристики человека в современном обществе во многом определяются его образованием, поэтому адаптация молодежи к социальным реалиям требует от нее способности формировать собственные образовательные стратегии. В целом образовательные стратегии можно определить как набор последовательных действий, направленных на достижение поставленной цели [1]. В результате уже на этапе поступления в образовательное учреждение индивид должен иметь определенный сценарий или набор сценариев осуществления дальнейших траекторий внутри образовательной среды. Как отмечают исследователи, эффективная образовательная стратегия должна быть компромиссом между субъективными (личные притязания) и объективными (соотношение спроса и предложения на рынке труда, ресурсы семьи и т.д.) факторами [1]. При этом грамотный учет обеих групп факторов в дальнейшем определяет шансы индивида на успешную профессиональную карьеру и определенный социальный статус.

По данным Министерства труда и социальной защиты РФ на 2015 г. 70% от общей доли потребности российских предприятий в квалифицированных кадрах приходится на профессии, предполагающие среднее профессиональное образование [2]. По данным Росстата, заработная плата этой категории работников в последние годы показывает стабильный рост [3]. Более того, с принятием в 2012 г. Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» СПО стало более доступным: с 2013 года поступить в колледж, техникум или училище в большинстве случаев можно без экзаменов [4].

В связи с этим логично было бы предположить, что вектор трансформации образовательных стратегий части российских абитуриентов будет смещен в сторону выбора СПО. Между тем, в условиях массовизации высше-

го образования, связанной, в первую очередь, с укреплением в общественном сознании мнения о том, что только оно может открыть более широкие социальные и профессиональные перспективы, система образования на протяжении последних лет вынуждена демонстрировать деформированную систему подготовки кадров. По данным опросов, образовательные стратегии большинства выпускников российских школ ориентированы на продолжение обучения в вузах [5, 6, 7].

В то же время статистика показывает, что с 2010 по 2016 год на фоне снижения численности организаций СПО количество поступающих в них растет (на 4% за указанный период) [7], причем наблюдается несколько более высокий приоритет негосударственных образовательных учреждений. Дипломы СПО становятся все более популярными среди выпускников средних школ, так как нередко открывают их обладателям гарантированную дорогу в вуз: многие вузы реализуют программы высшего образования, которые «состыкованы» со специальностями СПО. Это ставит перед реформаторами и исследователями важные вопросы: удовлетворяет ли сегодняшняя система СПО потребности рыночной экономики или служит промежуточным этапом между школой и вузом? Является ли студенчество СПО ресурсом, предназначенным для заполнения соответствующих ниш рынка труда, или выступает социальной базой для пополнения системы высшего образования?

Поиск ответов на данные вопросы стал одной из задач всероссийского социологического исследования, проведенного осенью 2016 г. исследовательским коллективом Южного федерального университета при поддержке Министерства образования и науки РФ. При этом получение более адекватной картины потребовало дифференцировать выборочную совокупность на три группы: студенты организаций СПО, имеющих статус самостоятельного юридического лица (число

респондентов: 82982 чел.); студенты организаций СПО при вузах (15055 чел.); студенты 1-го курса вузов, поступившие после получения СПО (5596 чел.). По итогам анализа эмпирических данных предполагается выявить соотношение в общей структуре выборки студентов СПО с тремя типами образовательных стратегий: «СПО как способ получения профессии», «СПО как ступень к поступлению в вуз»; «СПО как случайный выбор, не имеющий четкой цели». К числу индикаторов, через которые выявляется тот или иной тип образовательной стратегии, авторы относят следующие: мотивы выбора уровня СПО, социальные практики на этапе выбора специальности и в процессе обучения, отношение к ЕГЭ, мнение о роли того или иного уровня образования в реализации жизненных стратегий.

Инструментарий исследования начинался с вопроса о том, что побудило респондента выбрать средний уровень профессионального образования. Распределение ответов по трем выделенным группам показывает, что привлекательность специальности и желание быстрее выйти на рынок труда как движущие мотивы чаще характерны для студентов СПО, имеющих самостоятельный юридический статус (50% и 54% соответственно). В этой группе также выше доля студентов, определяющих СПО как начальную ступень профессионального становления (51,4%) и возможность найти работу после окончания учебы (29,1%). Между тем, во второй группе (СПО при вузах) более быстрый выход на рынок труда и возможность получить понравившуюся специальность как мотивационные составляющие образовательных стратегий фиксируются в два раза реже (28,8% и 26,6%). Более того, почти каждый четвертый представитель второй группы считает получение СПО лишь этапом на пути поступления в вуз. Если говорить о студентах вузов, поступивших после окончания организаций СПО, то в данном случае каждый четвертый изначально придерживался подобной стратегии; еще для 7% это стало удобной возможностью избежать сдачи ЕГЭ. Если рассматривать социальные практики на этапе поступления, то во всех группах можно выявить примерно одинаковую совокупность студентов (4,1–4,8%), для которых поступле-

ние в организации СПО стало вынужденным шагом после неудачной попытки поступить в вуз. Сравнение ответов респондентов с разным уровнем предыдущего образования (основное общее, среднее общее, начальное профессиональное) показывает, что чаще других это характерно для гуманитарных и творческих специальностей. Каждый пятый во всех контрольных группах выбрал СПО, чтобы не продолжать обучение в школе.

Таким образом, уже на этапе анализа мотивации выбора СПО можно сделать важный вывод: в спектре мотивов ориентация на профессию доминирует у студентов организаций СПО, имеющих самостоятельный статус; студенты организаций СПО при вузах чаще выбирают соответствующую ступень образования в качестве промежуточной. Более того, последняя стратегия является результатом осознанного и заранее спланированного выбора, что подтверждается данными опроса студентов вузов, поступивших после получения СПО. В то же время во всех группах примерно равную долю (около 10–12%) представляют те, кто не имеет четкой мотивации.

В общественных, политических и научных кругах в течение последних лет обсуждается проблема, связанная с тем, что ужесточение «входа» в систему высшего образования в силу повышения проходных баллов и роста дифференциации ЕГЭ (по профильным предметам) меняет «классическую» траекторию обучения «школа-вуз» на новую, многоступенчатую «школа-СПО-вуз». Между тем, подтверждение или опровержение данного тезиса требует подкрепления эмпирическими данными, что было учтено разработчиками исследования. Важным индикатором, косвенно говорящим о том, насколько для образовательных стратегий абитуриентов и студентов СПО характерны ориентации на средний профессиональный уровень образования не как самоцели, а как этапа на пути поступления в вуз, является отношение к ЕГЭ (оценка степени сложности подготовки; объективность оценивания знаний по сравнению с испытаниями, проводимыми вузами самостоятельно; предпочитаемая форма сдачи экзаменов при поступлении в вуз).

Результаты исследования показали, что в общей структуре выборки доля тех, кто видит трудности в подготовке к ЕГЭ без репети-

торов, выше среди студентов вузов, поступивших после получения СПО (36,8%), при этом подобная точка зрения более распространена среди студентов естественнонаучных специальностей. Если говорить о студентах СПО при вузах, то на сложность самостоятельной подготовки указывает каждый третий. Наиболее позитивно настроены студенты самостоятельных организаций СПО: 51,1% уверены, что сдать ЕГЭ можно, опираясь на знания, полученные из школьной программы.

Если говорить о степени объективности оценки знаний посредством ЕГЭ и испытаний, проводимых вузом, то здесь также можно зафиксировать более негативные установки в отношении государственного экзамена среди студентов вузов, поступивших после получения СПО (65%) и студентов СПО при вузах (61%). Более того, четверть опрошенных студентов СПО на базе вузов отметили, что изначально поступали в организацию СПО, чтобы иметь возможность поступить в вуз на основе внутренних экзаменов. И хотя обучающиеся самостоятельных организаций СПО в отношении ЕГЭ в целом также настроены негативно (44%), в их структуре данная группа представлена почти наравне с теми, кто считает государственный экзамен достаточно объективным инструментом (40%). В то же время во всех группах респондентов примерно одинаково высока доля тех, кто склонен в случае гипотетической возможности выбрать иные, отличные от ЕГЭ формы вступительных испытаний (от 64% до 70%).

В каждой группе примерно одинаковая доля опрошенных затруднились дать ответ. Это говорит о том, что данная проблема, вероятнее всего, не становилась предметом серьезной рефлексии, что позволяет отнести соответствующую группу респондентов в число придерживающихся третьего типа образовательных стратегий («не имеющие четкой цели»).

Таким образом, вступительные испытания на базе вуза — объективнее и предпочтительнее ЕГЭ. Полученные результаты указывают нам на преобладание в общей совокупности обучающихся тех, кто придерживается образовательной стратегии «СПО как ступень к поступлению в вуз». В то же время хотелось бы еще раз подчеркнуть косвенность данного показателя, в связи с чем вста-

ет необходимость подкрепления его ответами на другие вопросы.

Важной частью образовательной стратегии выступает отношение к учебе (социальные практики на этапе обучения). Анализ ответов на соответствующий вопрос еще раз подтверждает, что студенты самостоятельных организаций СПО больше ориентированы на образовательную стратегию «СПО как способ получения профессии»: 35,6% отметили, что учатся с полной отдачей сил и способностей; больше других внимание учебе отдают представители естественнонаучных и инженерно-технических специальностей. В свою очередь доля подобных ответов в группе студентов СПО в два раза ниже (17,1%), что также говорит о более низкой ориентации этой категории обучающихся на дальнейшую самореализацию по получаемой специальности, причем направленность образования в данном случае не играет роли. От 7% до 11% студентов в обеих группах признались, что во время учебы особо не стараются, предпочитая отдавать силы и время более важным делам.

В условиях динамичного развития рынка труда представляется важным иметь так называемые «запасные», вариативные сценарии образовательных стратегий. Результаты исследования показали, что студенты уровня СПО стараются заранее собрать информацию о возможностях поступления в вуз после окончания техникума или колледжа. Более информированными в этом отношении являются студенты СПО на базе вузов (69%). В организациях СПО, имеющих самостоятельный юридический статус, общая совокупность таковых составила 60,2%. Реже других возможностью продолжения обучения интересуются поступившие на базе начального профессионального образования и студенты творческих направлений подготовки, однако и в данном случае доля искавших подобную информацию до поступления составляет больше половины опрошенных.

О том, что студенты СПО заранее планируют свои образовательные траектории, говорит и тот факт, что 70% студентов 1-го курса вузов, получивших СПО, еще до обучения в колледже (техникуме) интересовались возможностью дальнейшего обучения, причем данные распределения почти одинаковы для выпускников обоих типов организаций СПО.

Наиболее информированными в данном случае оказались студенты естественнонаучных направлений подготовки.

Чем обусловлен такой высокий интерес? Как показывают полученные распределения ответов, диплом о СПО рассматривается обучающимися как важный фактор, способствующий поступлению в вуз. Чаще других такого мнения придерживаются студенты организаций СПО, имеющих самостоятельный юридический статус (64,9% отметили варианты «полностью гарантирует» и «в основном гарантирует»); среди студентов организаций СПО при вузах доля высказавших подобные мнения немного ниже (61,8%). Реже других возможность использовать диплом об СПО для поступления в вуз готовы обучающиеся, имеющие начальное профессиональное образование (в обоих типах организаций СПО). Что касается зависимости данного мнения от профиля обучения, то диплом об СПО как фактор успешного поступления в вуз чаще рассматривается студентами естественнонаучных направлений подготовки; среди обучающихся самостоятельных организаций СПО высока доля придерживающихся подобной точки зрения и среди гуманитариев.

Мнение о том, что наличие диплома о СПО помогло поступить в вуз, высказали и большинство учащихся 1-го курса вузов, окончивших организации СПО: 44,1% респондентов отметили, что это в значительной степени облегчило им задачу поступления, а 17% посчитали это важным, но не решающим фактором.

В сложившейся ситуации важно понять, насколько выявленные представления о необходимости высшего образования могут стать основой реальных социальных практик, или, иными словами, насколько высока потребность в получении высшего образования обучающимися организаций СПО. Соответствующий вопрос был также включен в инструментарий исследования.

Собранные данные наглядно демонстрируют, что получение высшего образования рассматривается как необходимая часть образовательной траектории большинством студентов организаций СПО обоих типов, но выше среди учащихся в организациях СПО при вузах (75%), причем среди них преобладают те, кто собираются поступать в вуз, при

котором они обучаются. В этой совокупности несколько выше доля студентов гуманитарных и естественнонаучных направлений подготовки (83,2% и 77,3% соответственно). Реже других о необходимости продолжать обучение в вузе говорят получившие начальное профессиональное образование, хотя их число также достаточно высоко (61,1%).

Несколько меньше доля обучающихся, считающих необходимым получить высшее образование, среди студентов самостоятельных СПО (65,6%). В данном случае реже других готовность продолжить обучение в вузе высказали студенты, имеющие начальное профессиональное образование, обучающиеся на творческих и естественнонаучных направлениях подготовки.

В то же время, несмотря на декларируемую в обеих группах важность обучения в вузе, в реальные социальные практики данная установка гораздо чаще трансформируется среди учащихся СПО при вузах: 87% из них собираются повысить уровень образования, причем 72,6% сделают это сразу после окончания СПО. Студенты организаций СПО, неподведомственных вузам, ориентированы на поступление в вуз несколько реже (63,3%) и выражают более высокие установки на поиск работы по специальности (59,2% против 51,2%). Число тех, кто собирается поступать в вуз после окончания организации СПО при вузе несколько выше среди имеющих среднее общее образование. Следует отметить, что реже всего выражают намерение продолжать учебу в вузе студенты, имеющие начальное профессиональное образование, причем данная тенденция характерна для обоих типов организаций СПО.

Полученные данные еще раз подтверждают сделанный выше вывод о том, что образовательные стратегии студентов СПО при вузах ближе к типу «СПО как ступень поступления в вуз», студенты самостоятельных СПО чаще ориентированы на начало трудовой деятельности. В то же время нельзя не отметить тот факт, что представление о необходимости получить высшее образование и готовность в связи с этим продлить свою образовательную траекторию характерны для подавляющего большинства студентов системы СПО, что не может не усиливать дальнейшую деформацию рынка труда.

В связи с этим важно понять, насколько осознанно подходят студенты СПО к дальнейшему формированию образовательных стратегий? Является ли выбор в пользу высшего образования результатом осознания его ценности, анализа структуры регионального рынка труда или желанием иметь высокий достаток? Поиск ответов на эти вопросы также был выдвинут в качестве задачи настоящего исследования.

Большинство обучающихся организаций СПО обоих типов не связывают успех на рынке труда с уровнем полученного образования, полагая, что после получения СПО смогут успешно трудоустроиться. Несколько выше число уверенных в получении хорошего места работы среди обучающихся в организациях СПО, имеющих статус самостоятельного юридического лица, среди получивших основное общее образование, а также учащихся на технических направлениях подготовки. В то же время учащиеся первых курсов вузов, поступивших после получения СПО, чаще связывают получение хорошего места работы с наличием высшего образования. Особенно ярко данная тенденция проявляется среди обучающихся, поступивших в вуз после обучения в СПО при вузе, учащихся на гуманитарных и естественнонаучных направлениях подготовки. Возможность иметь высокий заработок, по мнению большинства учащихся, также слабо связана с уровнем образования работника, а зависит в большей степени от сферы трудоустройства. Данная тенденция в целом прослеживается во всех категориях респондентов, но ярче среди тех, поступил в организации СПО после получения начального профессионального образования. Несколько выше число учащихся, отметивших необходимость иметь высшее образование для высокого заработка в будущем среди учащихся 1-го курса вузов, поступивших после обучения в организациях СПО при вузах (от 13% до 23% по разным профилям обучения). Наибольшее число обучающихся, связывающих возможность иметь высокий заработок с получением высшего образования, учатся на естественнонаучных направлениях подготовки (от 13% до 23,8% в различных типах образовательных учреждений).

Подобные тенденции выявлены и при оценке возможности будущего карьерного роста в рамках получаемой в СПО специаль-

ности: более половины учащихся всех категорий полагают, что их карьерный рост зависит от их работоспособности и профессионализма, и только каждый третий отметил, что для продвижения по карьерной лестнице нужно иметь высшее образование. В числе последних несколько выше доля учащихся, имеющих среднее общее образование и обучающихся на естественнонаучных направлениях подготовки. Наиболее низкую зависимость возможности карьерного роста от уровня образования высказывают респонденты, поступившие в организации СПО (обоих типов) после получения начального профессионального образования.

Таким образом, в структуре средств реализации дальнейших жизненных планов, связанных с успешным трудоустройством, возможностью конкурировать за рабочее место и умением хорошо зарабатывать, высшее образование, по мнению большинства студентов организаций СПО, не играет решающей роли. Это свидетельствует о том, что дальнейшие образовательные стратегии студенты СПО выстраивают скорее под влиянием «моды» (имиджевые характеристики) и общественного мнения, не имея четкого представления о сфере его применения. Стоит отметить, что по данным исследований, эта тенденция характерна и для студентов вузов.

Подводя итог проведенному анализу, хотелось бы отметить следующее. На сегодняшний день в общей структуре образовательных стратегий абитуриентов и студентов организаций СПО существуют все выделенные нами типы («СПО как способ получения профессии», «СПО как ступень к поступлению в вуз», «СПО как случайный выбор»), однако их представленность в организациях СПО при вузах и неподведомственных вузам несколько различается.

Примерно 15% всей совокупности обучающихся делают выбор под влиянием случайных факторов и не имеют однозначной цели получения образования, причем данная группа представлена в обоих типах организаций СПО.

Студенты организаций СПО при вузах больше ориентированы на стратегию «СПО как ступень к поступлению в вуз»: чаще выбирают соответствующую ступень образования в качестве промежуточной, несколько

ниже ориентированы на выход на рынок труда после получения диплома СПО, меньше времени и сил отдают учебе на своей специальности, чаще заранее узнают о возможностях продолжения образования после окончания организации СПО.

В свою очередь студенты организаций СПО, имеющих статус самостоятельного юридического лица, в целом больше тяготеют к противоположному полюсу («СПО как способ получения профессии»): в общей структуре мнений доминирует точка зрения о том, что СПО — это начальный путь профессионального становления, способ получить интересующую специальность; среди них в два раза выше доля тех, кто усердно учится; они чаще ориентированы на работу по специальности после получения СПО.

В то же время обе группы объединяет достаточно высокая ориентация на получение высшего образования, негативные установки в отношении ЕГЭ, отношение к диплому СПО как облегченной возможности поступить в вуз, что говорит о переходном состоянии образовательных стратегий студентов всей системы СПО. На наш взгляд (и об этом косвенно свидетельствуют результаты опроса студентов 1-го курса вузов, поступивших после техникумов и колледжей), в дальнейшем вектор будет продолжать смещение в сторону стратегии «СПО как ступень к поступлению в вуз», что приведет к усилению тенденций деформации рынка труда. В связи с этим важно обратить внимание на качество образования в организациях СПО, направление профориентационной деятельности. В то же время долгосрочное решение данной проблемы требует усилий не только Министерства образования: для удовлетворения региональных потребностей в кадрах и контроля соотношения численности выпускников, получивших СПО и продолживших обучение, вместо того, чтобы начать трудовую деятельность по профилю, необходимо синх-

ронизировать запросы региона, отрасли и деятельность образовательных организаций.

Литература

1. Максимова М. Л. Доступность высшего образования, образовательный капитал и выбор образовательной стратегии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. — 2006. — №1. — С. 273–279.

2. Министерство труда социальной и защиты: официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://rosmintrud.ru/social>.

3. Сведения о распределении численности работников по размерам заработной платы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/11c4980041c1bcbf9ee9fe27f9898572.

4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации. Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года [Электронный ресурс] // Правовой портал «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

5. Задонская И. А. Высшее образование в структуре жизненных стратегий современной молодежи // Социально-экономические явления и процессы. — 2015. — №4. — С. 114–120.

6. Чердниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. — 2017. — №3. — С. 152–182.

7. Реформа среднего профессионального образования (отечественный и зарубежный опыт) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12464.pdf>.

Поступила в редакцию

23 апреля 2017 г.

Ермачков Иван Анатольевич — кандидат исторических наук, директор Университетского экономико-технологического колледжа Сочинского государственного университета.

Ermachkov Ivan Anatolievich — Candidate of Historical Sciences, director of the University of Economics and Technology College of Sochi State University.

354003, г. Сочи, ул. Советская, 26а
26a Sovietskaya st., 354003, Sochi, Russia
Тел.: +7 (862) 254-47-43; e-mail: setk_1961@mail.ru; spo@sutr.ru

Панфилова Юлия Сергеевна — преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Panfilova Julia Sergeevna — assistant lecturer of the Department of branch and applied sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: 8 (864) 219-97-21; e-mail: panfilovajulia@mail.ru

Романов Максим Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, директор Центра дополнительного профессионального образования Сочинского государственного университета.

Romanov Maxim Sergeevich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, director of the Center for Further Vocational Education of Sochi State University.

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
26a Sovietskaya st., 354000, Sochi, Russia
Тел.: 8 (862) 264-93-47; e-mail: dpo@sutr.ru

Украинцева Ирина Ивановна — кандидат технических наук, доцент, проректор по непрерывному образованию и связям с общественностью Сочинского государственного университета.

Ukraintseva Irina Ivanovna — Candidate of technical Sciences, associate Professor, Vice-rector for continuing education and public relations Department of Sochi state University.

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
26a Sovietskaya st., 354000, Sochi, Russia
Тел.: +7 (862) 264-30-78; e-mail: fdposutr@gmail.com

Ховякова Анна Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического и психолого-педагогического образования Сочинского государственного университета.

Khovyakova Anna Leonidovna — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical and Psychological-Pedagogical Education of Sochi State University.

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а
26a Sovietskaya st., 354000, Sochi, Russia
Тел.: +7 (862) 264-91-21; e-mail: Khovyakova@yandex.ru